Е. Н. ПОЛЯКОВА

ПАМЯТЬ ЯЗЫКА

Е. Н. ПОЛЯКОВА

ПАМЯТЬ ЯЗЫКА

РАССКАЗЫ О ЛЕКСИКЕ
ПЕРМСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ
И ГОВОРОВ

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1991

ББК 81—3
П 54

Лексика говоров и просторечия — богатейший источник для изучения истории, культуры Верхнего и Среднего Прикамья и жизни самого языка. В словах хранится память о древних связях русского языка с другими славянскими и неславянскими языками, о связях говоров Прикамья с говорами русского Севера, о старинных обрядах, обычаях, особенностях уклада жизни в крае. О такой памяти слов и рассказывается в книге.

Издание предназначено читателям, интересующимся историей, народной речью Прикамья и историей русского языка.

П $\frac{4602020400—32}{М152(03)—91}$ Без объявл.

ISBN 5-7625-0199-X

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь письмена.

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь,
Хоть в меру сил,
в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.

И. Бунин

Предисловие

На огромной территории Пермской области, равной территории всех Прибалтийских республик, вместе взятых, складывались и развивались в течение многих веков самобытная русская культура, связанная с культурой других народов Прикамья, разносторонняя хозяйственная жизнь русских деревень, многонациональных городов, различные промыслы, мощная промышленность. Все это сопровождалось развитием сельских говоров, городского просторечия и литературного языка.

На протяжении многих лет записывались в деревнях и поселках произведения устного народного творчества: песни, сказы, плачи, частушки, былички, загадки. Сейчас их можно не только услышать во время фольклорных праздников, но и увидеть, потому что они разыгрываются как театрализованное действо.

В Прикамье бережно сохранялись старинные костюмы и украшения, старинная утварь, орудия прядения, ткачества, сельского хозяйства, рыбной ловли, охоты. Все это изучается этнографами.

В раскопках археологи находят свидетельства уклада жизни прошлых эпох: предметы культа, орудия, оружие, следы жилых и ремесленных построек, укреплений древних городов и других поселений. До нашего времени дошло множество деловых документов, написанных в Прикамье в XVI—XVIII вв. и хранящихся в архивах различных городов страны.

Все это, вместе взятое, позволяет ученым, краеведам, интересующимся стариной Прикамья, воссоздавать элементы материальной и духовной культуры людей, живших в крае в далеком прошлом.

Однако было множество ситуаций, особенностей уклада жизни, определенных сторон материальной и духовной культуры, о которых молчат или весьма скупо говорят памятники письменности, результаты раскопок, фольклорные произведения. Тогда в орбиту исследований вовлекается еще один источник — бесценная кладовая знаний — язык. Память его удивительна и долговечна. В словах живых народных говоров сельской местности или городского просторечия хранится такая информация о прошлом края, истории народа, самого языка, что издавна исследователи обращались к изучению живой народной речи.

В замечательных словарях лексики живой русской речи прошлых эпох фиксировались материалы говоров Прикамья. В 1852 г. вышел изданный Академией наук «Опыт областного великорусского словаря», в 1859-м — «Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». В этих двух больших томах множество слов имеют помету «перм.» (пермское), т. е. они были выявлены и записаны на территории бывшей Пермской губернии. В 1863—1866 гг. появился

уникальный в практике мировой лексикографии «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля — словарь, выдержавший ряд изданий. В нем также множество слов имеет помету «пермское».

Невозможно восстанавливать историю каждого слова и всего словаря русского языка, не учитывая материалы живой речи Пермского края. Именно поэтому уже более 150 лет языковеды обращают самое пристальное внимание на речь жителей городов и деревень Прикамья.

Материалы говоров, собранные и бережно собираемые, географические названия, лексика памятников письменности и фольклора позволяют вскрыть или проиллюстрировать многие особенности духовной и материальной культуры в прошлые эпохи и жизнь самого языка. О некоторых таких особенностях, которые «помнит» язык жителей Прикамья, и рассказывается в этой книге.

Источники

Воеводский дом в Соликамске. Построенный в XVII в., он напоминает крепость: стены почти двухметровой толщины, глубокие окна, межстенные переходы, узкие лестницы на второй этаж. В этом доме в XVII—XVIII вв. жили воеводы обширной территории Соли Камской. Это был ее административный центр: здесь писали и хранили множество документов.

Прошли столетия, но этот дом по-прежнему остается украшением Соликамска, одной из его достопримечательностей. По-прежнему он хранит древние тексты — старинные книги и рукописи. Только теперь это уже не административный, а культурный центр — краеведческий музей.

Другая территория в Пермской области — город Кунгур. И здесь старинный воеводский дом продолжает быть хранителем многочисленных старых документов, немало из которых являются его ровесниками — они написаны в XVII в. В этом воеводском доме теперь тоже краеведческий музей.

Какая преемственность! На протяжении веков здесь создавались, хранились и продолжают храниться старинные документы Прикамья.

Краеведческие музеи Перми и Чердыни, Государственный архив Пермской области, Центральный государственный архив древних актов в Москве, архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР — все это хранилища, где с большой бережностью содер-

жатся и изучаются рукописи, написанные 300—400 лет тому назад в Чердыни и Соли Камской, Кунгуре и Осе, вотчинах Строгановых — Орле-городке и Ильинском и в других местах — небольших городах и погостах (селах). Это ценнейший источник изучения языка, истории, нравов, обычаев, занятий, промыслов в Пермском крае на протяжении веков, удивительная кладовая слов, за которой стоит жизнь народа, его мудрость, опыт, культура!

Деловые документы XVI—XVIII вв. Бесстрастные площадные дьячки и подьячие по всему Прикамью составляли тысячи документов по всяким большим и малым событиям, происходившим в жизни местных жителей. Это были административные и юридические дела. Во время ведения уголовных дел, документы которых в большом количестве дожили до нас, записывали челобитные, т. е. просьбы или жалобы, и допросные сказки, т. е. показания допрашиваемых. Все это записывалось прямо со слов истцов, свидетелей и ответчиков и почти полностью сохраняло их речь, местные слова — диалектизмы, слова и обороты складывающегося просторечия жителей городов.

Многие из них нам кажутся сейчас любопытными и даже забавными. Мы улыбаемся, например, читая: «А он, Ивашко, его, Андрюшку, за спину зубом ел». Вместе с тем делается не по себе, когда читаешь документы, спокойно повествующие о пытках при допросах (жестокий XVII в.) или о разбоях и убийствах, описываемых в уголовных делах: «После полудни пришли в ту деревню восьмь человек с ружьем, с фузеи[1], и со шпаги, и с сайдаками[2], а головы де

---

[1] Фузея — мушкет.

[2] Сайдак — чехол на лук.

у них и глаза платами завязываны, и жену де его, Елкину, мучили, пытали: огнем жгли, клечем[3] голову завертывали, меж персты клинье колотили, и желильницами[4] руки колотили, и шпагами тыльем по плечам, по рукам и по спине били».

Но чаще всего дошедшие до нас документы повествуют о купле-продаже, закладе имущества, вкладе его в монастыри, о границах участков — лесных, сенокосных, земледельческих.

В них обычно очень детально описывается каждый предмет продаваемого, закладываемого, вкладываемого имущества, каждая межа участка — естественная и искусственная: «Межа монастырской Спасской земле, что под соляным варнишным промыслом, с устья Зырянкою-речкою вверх до троегранныя ели, а с троегранныя ели по признакам и по межевому каменью, что вместо граней[5] кладено в землю каменье большое с насеченными межевыми словами».

Видимо, именно такой старинный межевой камень (межевое каменье) мне довелось увидеть однажды. На большом пахотном поле на высоком берегу Чашкина озера (Соликамский район) лежал большой округлый камень-валун, мешавший пахоте. На этом месте не было никаких следов присутствия других валунов — признаков древнего ледника. Кто-то затащил его сюда, но зачем? Когда пригляделась к нему, увидела, что на камне явственно выступала выбитая в древние времена, забившаяся землей неровная буква *М*. Так ведь это, как писали в грамотах XVII—

---

[3] Клеч — веревка или ремешок, обернутый вокруг головы, который стягивают, поворачивая просунутую за него палочку.

[4] Желильница — палочка, колышек, лучинка.

[5] Грань — памятная засечка, обычно на дереве.

XVIII вв., — межевой знак. Сравните: «Межа... прямо до березы, а на той березе грань да монастырское пятно — книжное слово *М*, да против березы самородная яма». Около Чашкина озера проходила в далеком прошлом межа монастырских (Пыскорского монастыря) и крестьянских земель. Не с того ли времени лежит здесь увиденный камень? Не исключено.

Очень подробно описывая имущество — постройки, скот, одежду, утварь, — составители документов употребляли многие слова XVI—XVII вв., вышедшие затем из употребления («Та изба о два жира[6]», «Был он на тое свадьбе в вежливцах[7]») или сохраняющиеся только в сельских говорах («У согры[8] по конец лывины[9] камень же положен под межевым столбом», «Пришли они ко клети[10] его, Андреевс, для досмотру следов. И от тое де клети по осмотру их был след котовый[11] небольшого человека, четыре ступени к большой дороге, а по дороге де того следу было не знать, для того что тое ночи снег пал. И они де тот кот со следом сличали, и тот де кот со следом был сходен»).

Исследуя памятники письменности, составленные в Прикамье в XVI—XVIII вв., узнаем о многих особенностях разговорной речи и потому, что делались записи показаний истцов, ответчиков, свидетелей почти без редактирования, и потому, что среди составителей документов

---

[6] Жир — этаж.

[7] Вежливец — колдун на свадьбе.

[8] Согра — сырой болотистый лес.

[9] Лывина — естественная яма, постоянно наполненная водой.

[10] Клеть — холодная срубная постройка, используемая для хранения имущества.

[11] Котовый след — след, оставленный человеком, обутым в коты — старинную кожаную обувь.

было много местных жителей. Известно, например, что площадными подьячими (т. е. официальными лицами, составлявшими документы прямо на площади перед судной избой или приказной палатой) в Соли Камской XVII в. были члены семей, проживавших здесь на протяжении многих лет. Например, Михаил Филиппов Колохматов (им написаны документы 1624—1628 гг.) и его сын Сенька Михайлов Колохматов (найдены написанные им документы 1659 г.) были носителями складывающегося соликамского просторечия и отражали в документах некоторые его особенности, например, писали *И*, а не *Е* вместо древнего звука «ять» перед мягким согласным («на сивер» вместо «на север»), *Ш* вместо *Щ* («та земля вопше[12]»), *Е* вместо *Я* между мягкими согласными («конопленик» вместо «конопляник»). Особенно много местных черт содержит лексика — словарь пермских (всего Верхнего и Среднего Прикамья) памятников письменности.

Были и другие составители деловых текстов в Прикамье — присланные Москвой писцы и их помощники. Они обычно проживали несколько лет в одном месте, а затем их переводили в другое. Жившими в разное время в разных местах России были и воеводы, которых тоже назначали на небольшой срок в определенный край, и они переезжали обычно со своими канцеляриями — подьячими и писчими дьяками.

Все эти люди, с одной стороны, владели литературным языком, в частности официальным, деловым. С другой стороны, проживая в разных краях, они слышали местные говоры России, ощущали их отличие от литературного языка.

---

[12] Вопше — в общие, «владеют сообща».

Документы, которые они писали (писцовые, переписные, дозорные книги, отписки — ответные послания воевод в Москву и другие города, памяти — указы населению, расписные списки), редактировались. Составители документов старались избегать местных слов, заменяя их подходящими по смыслу словами литературного языка. Например, писали они в таких случаях не слово *лог*, которое обычно употребляли в Прикамье XVII в., а *враг* (овраг), не *курган*[13] (название карстовой воронки), а *самородная яма:* «Межа на две ямы — на глубокие курганы, а от курганов до борти Егитовы», но «Межа до самородной ямы, а от той самородной ямы до березы».

Им старались следовать и местные площадные подьячие, писчие дьячки. Они тоже стремятся выдерживать нормы столичных документов, редактирование текстов, хотя и не так последовательно, как приезжие писцы.

Результаты редактирования XVI — начала XVIII в. помогают устанавливать, что́ именно проникало в памятники письменности из живой речи, а что появлялось под влиянием норм официального языка. Лексика пермских документов XVI—XVIII вв., изученная по различным деловым текстам с учетом их редактирования в прошлом, и дала основной материал для этой книги, явилась ее главным источником.

Однако есть и другие источники изучения истории пермской лексики. Очень важны современные говоры. На протяжении столетий жизнь сел и деревень Прикамья шла таким образом, что в них складывались и существовали, разви-

---

[13] Видимо, диалектное слово «курган» связано по происхождению с коми словом «гуран яма» — впадина, овраг.

вались свои говоры. Каждый из них отличался от литературного языка и в меньшей степени, но все же отличался и от других пермских говоров. Например, в одних *болото* называли преимущественно *зыбуном*, в других — *трундой, трясуном, бузуном, шолонью, утопелью, топостью, ржавцем, заболотью*. В одних местах густой непроходимый лес — *тайга*, в других — *волок, сузёмье, степь, цело. Ельник* называют в Пермской области еще *раменьем, чапуригой, темным лесом*.

В течение ряда десятилетий ученые Пермского университета, Пермского педагогического института и Уральского (Свердловского) университета вместе со студентами выезжали и продолжают выезжать в деревни и села Пермской области для изучения русских говоров. Они живут в деревнях, постоянно общаясь с местным населением, особенно со старшим поколением, которое лучше сохраняет старый говор, постоянно записывают особым способом (транскрипцией) в тетради и на магнитофон беседы об окрестностях, быте, обычаях, поверьях и т. д. Работают диалектологи, беседуя по специально составленным программам и просто вслушиваясь в обычную речь местных жителей: в домах, магазинах, на посиделках, собраниях, покосе, рыбалке, в лесу.

Говоры сохраняют богатый пласт древних слов, отсутствующих в современном литературном языке. Не используя эти материалы, просто невозможно глубоко изучить историю русских слов, русской лексики.

Материалы диалектологических экспедиций обрабатываются специалистами. На каждое записанное слово составляется особая карточка, содержащая сведения о нем. Карточки складыва-

ются в картотеки, хранящиеся в уральских вузах, а на базе картотек пишутся диалектные словари. Уже вышли некоторые словари, содержащие пермскую диалектную лексику: «Словарь говоров Соликамского района Пермской области» (Пермь, 1973), «Словарь русских говоров Среднего Урала» (Свердловск, 1964—1988), «Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья» (Пермь, 1972). Появился I том уникального Акчимского словаря [14], в котором заключена не только вся местная, диалектная, но и вся употребляющаяся в говоре Акчима лексика, в том числе общерусская, выявленная в экспедициях.

Изменения в жизни Пермской области сказываются и на существовании говоров. Исчезло множество так называемых неперспективных деревень и вместе с ними их говоров. На речь деревенской молодежи в результате воздействия всеобщего среднего образования, газет, радио, телевидения активно влияет литературный язык, и молодежь не воспринимает значительную часть старой диалектной лексики. Такие слова забываются, утрачиваются.

Важная задача стоит сейчас перед лингвистами — собрать, записать, сохранить в карточках и словарях все, что уходит из живой речи. Утратившись навсегда, многие слова, существовавшие в пермских говорах на протяжении столетий, будут потеряны для истории русского языка, истории лексики. Этого допустить нельзя: народ должен знать свою историю, этапы развития своих культуры, языка.

Есть и еще один очень ценный источник изу-

---

[14] Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области. — Пермь, 1984. — Т. 1.

чения истории слов любого языка, и лексики Прикамья в частности. Это имена собственные, или, как они называются лингвистами, ономастика: географические названия, имена, фамилии, прозвища людей. Если, читая карту Пермской области, попробовать установить причину появления каждого названия, то можно получить интереснейшие материалы для истории русского языка, русской лексики.

Называют, например, на реке Вишере одну из береговых скалистых гор *Бойцом*. В Чердынском районе есть и деревня с таким же названием — *Боец*. Но как связать это название с современным общерусским литературным словом *боец* — солдат, воин, участник кулачных боев, участник студенческого стройотряда? Не связывается. Но оказывается, в говорах Урала и Сибири слово *боец* широко употреблялось с другим значением — береговая скала, на которую направлено сильное течение реки.

«Там Боец-камень[15] еще выше, течение бьет камень. Раньше на лесу (на плотах. — *Е. П.*) плавали, тута бойся Бойца, отгребали два человека», — записано в деревне Акчим Красновишерского района. Боец — потому, что его постоянно бьет течением, потому, что течением на него несет и о него бьет, разбивает, если не успеют отвернуть, все, что плывет по Вишере: катера, лодки, плоты. Не только на р. Вишере, но и на стремительной Чусовой есть камни-бойцы. Слово существовало некогда в пермских говорах как имя нарицательное, но исчезло и сохранилось только как географическое название — топоним. Но разве можно изучать историю слова *боец* в русском языке или однокоренных с

---

[15] Камень — гора, скала.

ним слов (глагола *бить* и других), пропустив сведения о старом географическом термине в пермских говорах? Нельзя: картина-то будет неполной и потому не совсем верной.

Вот и приходится восстанавливать многие старые слова, сохраняющиеся сейчас только среди топонимов: *быган* — склон горы, постоянно обдуваемый ветром (склон горы в д. Назарове Ильинского района), *гремяча* — ключ с каменистым руслом (д. Гремяча Осинского района), *толстик* — остров с высокими берегами (д. Толстик Соликамского района), *отнога* — узкий длинный залив озера или реки (болото Отнога и сезонный пролив из Чашкина озера в Каму; Отнога в Соликамском районе).

Если читать не мелкомасштабную карту области, а карты районов, карты землепользования, лоции и другие специальные карты, планы, схемы местности, то обнаруживаются сотни названий, которые дают возможность восстановить старую, некогда существовавшую лексику. Если же привлечь материалы, полученные в результате специальных топонимических экспедиций в различные деревни и села Пермской области, то таких слов окажутся тысячи.

Часть названий уже исчезла вместе с исчезновением небольших населенных пунктов, но многие еще существуют. Актуальная задача — спасти для науки, зафиксировать, записать эти названия, сохранить народную память о тех или иных местах. Сегодня еще есть люди, которые помнят прежние названия мест вокруг своих деревень. Завтра уже может быть поздно, т. к. знатоки уходят, а молодые люди часто просто не знают этих старых названий в окрестностях своих поселений. Спасать от забвения местные названия надо всем: не только специалистам-диа-

лектологам и топонимистам, но всем, кто может записать такие названия,— жителям сел и деревень, участникам различных нефилологических экспедиций. Многое в этом отношении может быть сделано школьниками под руководством учителей.

Существуют интереснейшие материалы для истории языка, которые дают названия населенным пунктам и участкам, в прошлом принадлежавшим определенным лицам, а также многим фамилиям. Имеются в виду те топонимы и фамилии, которые возникли некогда на основе прозвищ людей. Каким образом, к примеру, появились такие названия населенных пунктов, как *Жилино, Лежнево, Глазуны, Дылдино, Нагибино, Чернышево*? Они возникали обычно от прозвищ первопоселенцев: *жила* — скупой, *лежень* — лежебока, *глазун* — человек с большими глазами, *дылда* — высокий, *нагиба* — высокий, *черныш* — темноволосый или темнокожий. Таких названий тысячи, а фамилий, образованных от прозвищ, еще больше, чем географических названий.

В переписной книге Прокопия Елизарова (1647) читаем о людях с фамилиями Батов, Гилев, Елтышев, Жихарев, Калганов, Красиков, Латкин, Реутов, Тюлькин, Сутормин, Загоскин. Такие фамилии могли возникнуть лишь из старых прозвищ, а сами прозвища были сначала словами нарицательными: *бат* — лодка, *гиль* — порода птиц, *елтыш* — обрубок дерева, *жихарь* — удалец, *калган* — капризный человек, *красик* — красавец, *латка* — посуда, миска, *реут* — громкоголосый, *тюлька* — чурбан, *суторма* — суетливый человек, *загоска* — кукушка. Раз в XVII в. они попали в фамилии, а до этого в прозвища, значит, сначала существовали в русском языке.

Но в других источниках (помимо ономастических) их нет. Не зафиксировали их в деловых документах, не попали многие из них ни в литературу XVII в., ни в произведения фольклора. Тем ценнее данные географических карт и разного рода списков: писцовых и переписных книг, ревизских сказок, списков населенных мест Пермской губернии. Они содержат уникальный материал для историков русского языка.

Богатые источники изучения лексики живой речи Прикамья — деловые памятники письменности XVI—XVIII вв., современные народные говоры и ономастика, имена собственные разных эпох — и взяты за основу для рассказов о лексике, ее истории.

⁂

Откуда название Дивья?

Жаркий июль, суббота. На пермском железнодорожном вокзале суета выходного дня — множество людей спешат уехать из знойного города на дачи, в лес, к родным и друзьям в деревни. Слышны названия станций, до которых отправляются поезда: Пальники, Увал, Дивья... Привычные для пермских пассажиров названия.

Маленькая девочка тоненьким голоском спрашивает маму: «А почему Дивья так называется?» Действительно, почему? Задумывались ли вы над тем, как появились наименования станций, до которых или мимо которых едете, всегда ли понятно, почему так, а не иначе стали их называть?

Возникновение некоторых из таких названий объясняется легко. Например, *Пальники*. Видимо, горел когда-то в этих местах лес: то ли сам загорелся в жару и сушь, то ли его специально выжигали, чтобы получить хорошо удобренную площадь для посева. Таких участков в далеком прошлом при подсечно-огневом земледелии на территории Пермской области было великое множество. Об этом свидетельствуют сохранившиеся до сих пор названия: *Пальник, Пальники, Паль, Паленина, Паленинник, Палеж, Палежник, Гарь, Гари, Гарюшки, Гарник, Гарье, Пожарище*. Отсюда и названия сел, деревень, станций — Пальники и т. д.

Люди, знающие пермские говоры и просторечие, легко объяснят и появление такого названия железнодорожной площадки, как *Увал*.

Этим словом называют в Прикамье вытянутую гору или цепь гор, их склоны. Действительно, невдалеке от остановки Увал начинается кряж, состоящий из отдельных, соединенных между собой, покрытых еловым лесом гор. На одной из них сохранились следы древнего укрепленного места обитания людей — городища, привлекающего внимание археологов. От этого увала и получили название населенный пункт и железнодорожная площадка.

Современный литературный язык не дает расшифровки наименования *Дивья*. Даже люди, знающие пермские говоры, вряд ли могут в этом помочь, т. к. слова *дивья* или *дивий* существуют сейчас лишь в качестве географических названий, отдельно от них не употребляются. Правда, живет в пермских и соседних свердловских деревнях наречие *дивья́* в значении хорошо (например, «Дивья́ вам в городе жить-то: комаров нету»), но сло́ва с другим ударением — *ди́вья* — зафиксировать в речи жителей Пермской области не удалось. Наверное, в прошлом оно существовало, если попало в ряд топонимов — географических названий. Это наименование и станции Дивья в Добрянском районе, и на севере области, на реке Колве, скалистой горы — по местному выражению, камня Дивья или Дивьего камня. В горе есть большая пещера, посещаемая туристами.

Обычно местные жители, пытаясь объяснить появление названия *Дивья*, рассказывают красивые легенды о некоей деве, которая окаменела или бросилась со скалы от несчастной любви.

На реке Колве напротив горы Дивья находится другая гора — Ветлан. Живет в народе легенда о том, что красавица Дева полюбила богатыря Ветлана, но не пустила ее Колва к Вет-

лану, она от горя окаменела, и стали называть этот камень Девья, или Дивья гора.

Есть основания для сближения слов Девья (от дева) и Дивья в самом языке. Дело в том, что в далеком прошлом в русском языке существовал особый звук «ять» и именно он звучал в слове дѣва. В одних говорах русского языка он изменился к XVII в. в звук *Е* (дева) и попал в русский литературный язык. Но в части говоров его судьба была иной. Так, в пермских диалектах только перед твердым согласным звуком он перешел в звук *Е*, а перед мягким — в *И*. Случается, что в сельской местности говорят *место,* но на *мисте* (было слово мѣсто), *сено,* но на *сине* (было — сѣно). Так же сложилось и произношение слов дева (*Е* перед твердым *В*), но дивий (*И* перед мягким согласным *В*).

Связь между словами дивий и дева, приведшая к легендам, возникла позднее, чем появились прилагательные дивий и дивья. Они существовали еще до того, как звук «ять» стал переходить в *И*. Ни с какими девами эти прилагательные не были связаны. Чтобы разобраться в том, как они возникли, надо отвлечься на время от уральских легенд.

Оказывается, еще в древнерусском языке существовало слово *дивий* со значением дикий, не заселенный, не освоенный. Видимо, это было очень древнее прилагательное, оно пришло в древнерусский из праславянского языка [1], о чем

---

[1] В VI—XIV вв. восточные славяне (они жили в бассейнах Днепра, Волхова, Оки, Верхней Волги) говорили на общем древнерусском языке, на основе которого в XIV—XV вв. сформировались родственные, но разные языки — русский, украинский, белорусский.

В свою очередь, древнерусский язык выделился в се-

свидетельствует существование слова *дивий* (дикий) в говорах древнего болгарского (*дивий*), чешского (divi), польского (dziwi) и других славянских языков.

В древнерусских диалектах постепенно развивается добавочное значение слова *дивий* — это не только дикий, но и лесной. Слово сохраняется в старом фольклоре («За тридевять земель, в тридесятую землю, за белое море, в дивье царство»). Его отмечают и старые русские словари: «Словарь Академии Российской», «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля.

Не с этим ли значением прилагательного (дикий, лесной) связано название какого-то мифического существа Дива, упомянутого в одном из древнейших памятников русской литературы — «Слове о полку Игореве»: «Див кличет верху древа, велит послушати земле незнаеме[2]» или «Уже вержся[3] Див на землю»? По-видимому, Див — некое дикое, лесное, зловещее сказочное существо, предвещавшее беду, несчастье. Возможно, как предполагают некоторые ученые, и не сказочное, а вполне реальное — филин или другая зловещая птица, крик которой в глухом лесу наводил ужас.

В XIV—XV вв., когда русские приходили на притоки Камы и на саму Каму с северо-запада,

---

редине первого тысячелетия нашей эры из общего языка всех славян, называемого учеными общеславянским, или праславянским. Праславянский был предком различных славянских языков: польского, чешского, словацкого, болгарского, сербохорватского, русского и др. Слова, которые существовали в праславянском, нередко сохраняются и сейчас во всех или во многих славянских языках.

[2] Незнаемый — неизвестный.

[3] Вержся — был повергнут, упал.

из бассейна реки Вычегды, с севера, из бассейна Печоры, и осваивали суровые, неприветливые лесные места, они называли их привычными, употреблявшимися на протяжении веков словами. Если это было очень глухое, дикое лесное место с неприступными скалами, таинственными пещерами, в которых могли жить страшные лесные духи, то называли их дивьими, т. е. дикими.

Постепенно само прилагательное как слово нарицательное вышло из употребления, и места такие в официальных письменных текстах стали называть дикими и лешими, т. е. лесными. В грамоте 1628 г. читаем: «И береги пустые, и леса дикие, и озерка лешие». Но слова *дивий* и *дивья* все-таки сохранились в народной речи, правда, только как имена собственные — географические названия. Они-то и вызвали к жизни легенды.

Легенды могли быть очень старого происхождения. Так, в написанных еще в 1667 г. в городе Чердыни «Расспросных речах чердынцев о горах, озерах, зверях, серебряной или медной руде и прочем на северо-восток» отмечается: «Есть де вверх Колвы-реки на пустых[4] местех горы каменные, прозванья им — гора Девья, гора Боец...» Уже не Дивья, как в пермских говорах, а Девья, как должно быть в литературном языке, если речь идет о деве.

Если же отбросить легенды, сопоставить слово *дивий* с известными материалами различных славянских языков, то открывается такая временная даль, которая позволяет говорить об очень раннем проникновении русских в глухие лесные уголки Западного Урала, об освоении этих диких незаселенных мест и об использовании для называния их старых, существовавших

---

[4] Пустой — незаселенный.

еще в говорах праславянского, а затем и древнерусского языка слов.

Данные языка, пермских говоров рассказывают о том, что русские начали осваивать Прикамье в очень отдаленные времена, когда были живы многие древнерусские слова, впоследствии исчезнувшие или сохранившиеся в говорах, топонимах, но отсутствующие в современном литературном языке. Многие из них отмечаются в русском языке только в говорах и просторечии. Нередко они ведут свою историю с праславянской эпохи и в некоторых языках, например у западных славян (поляков, чехов), не только сохранились до настоящего времени в разговорной речи, но вошли и в литературный язык, развиваются в нем. Таковы прилагательное *шибкий* и наречие *шибко,* живущие в говорах Прикамья. Слова эти древние, полагают, что они являются однокоренными с глаголом *шибати* — бить, поражать, бросать[5]. В польских говорах существует слово szyb (шыб), называющее предмет, быстро летящий по воздуху.

Для прилагательного *шибкий* было важным значение «брошенный и потому быстро летящий», но постепенно на первый план выходит «быстро летящий». В разных славянских языках в слове *шибкий* закрепилось значение быстрый: чешское и словацкое šibky, польское szybki, украинское шибкий, белорусское шыбкі. В польском языке слова szybki и szybko настолько утвердились в литературном языке, что с ними стали образовываться новые, сложные слова: szybkowar — кастрюля-скороварка, szybkozmienny —быстроизменяющийся, szybkostrelny —

---

[5] Сейчас в русском литературном языке употребляется глагол от того же корня с приставкой *с* (сшибать).

скорострельный. Появилось слово szybkość — быстрота, а от него образовалось szybkościowy — скоростной.

В русский литературный язык ни прилагательное *шибкий,* ни наречие *шибко* не вошли, но почти все их понимают. Почему? Во-первых, многие слышали их в говорах и просторечии, во-вторых, их слышат обычно в контексте, т. е. само окружение подсказывает их значение.

Нередко поиски слова в русских говорах и в различных славянских языках позволяют установить его историю. Так обстоит дело не только с общей бытовой лексикой, но и со многими специальными словами, употребляемыми людьми разных профессий. Известен, например, плотникам и архитекторам термин *в обло.* Строить в обло — значит определенным образом скреплять бревна в срубе: недалеко от конца каждого нижнего бревна вырубается топором чаша, в которую закладывается под прямым углом к нему верхнее бревно. Стены многих современных деревенских изб, бань соединены в обло.

Откуда в этом термине такое непривычное и непонятное слово — *обло*? Может быть, известны какие-нибудь однокоренные слова, которые помогут раскрыть его историю? С одним из них сталкивались почти все внимательные читатели при изучении в школе произведения А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». В качестве эпиграфа к этой книге взят отрывок из «Тилемахиды» — произведения выдающегося писателя XVIII в. В. К. Тредиаковского: «Чудище обло, огромно, озорно, стозевно и лаяй». Под таким чудищем Радищев подразумевал самодержавие.

Что такое *обло* в этом отрывке? Переводят обычно так: «Чудовище толстое, огромное, хорошо видимое, имеющее сто ртов и лающее». Но как связать строительный термин *в обло* и прилагательное *облый?* Может быть, поискать какие-то другие звенья, связывающие их? Существует название рыбы *вобла,* которое тоже происходит от слова *облый,* только в названии появился начальный звук *В*. Почему же рыба — вобла? Потому что она толстенькая?

Видимо, существовали когда-то в русском языке краткие прилагательные *обл (обла, обло)* и полные *облый (облая, облое)*. Употреблялись они широко, в разных русских говорах, в том числе и в пермских. Вот свидетельства о прилагательном *облый* в кунгурских документах начала XVIII в., в которых описываются различные постройки: «Продал в городе под горой избу еловую облую», «Переписал двор ево избу сосновую облую». Какую же это — *облую?* Толстую, большую? Оказывается, нет, не толстую и не большую.

Если обратить внимание на расположение слова *облый* в предложениях, то можно увидеть, что параллельно с ним в других текстах употреблялись слова *плашинный* — построенный из плах или *брусчатый* — построенный из брусьев. Но если очевидно, что *плашинный* — построенный из плах, *брусчатый* — из брусьев, то и *облый* — из чего-то построенный? Из чего же? Из обычных круглых бревен: *облый* — бревенчатый.

В разных районах России существовало слово *облый* в значении круглый: *облое бревно, облые* (т. е. нерасколотые) *дрова.* Вместе с тем слова, однокоренные с русским *облый,* известны и в говорах других славянских языков в ос-

новном со значением круглый: украинское *вiблий,* болгарское *объл,* сербохорватское *о̑бао,* словенское *obel,* чешское *obly,* польское *obły.* Откуда эти одинаковые или близкие слова в различных славянских языках? Видимо, они возникли из праславянского слова *obъlъ,* скорее всего означавшего круглый.

Старое слово *облый* постепенно исчезает из речи, вытесненное другими словами: *круглый, бревенный, бревенчатый.* Но память о нем сохранилась в термине *в обло,* известном на разных русских территориях, а также в названии рыбы — *вобла.* Сопоставление материалов русских и славянских говоров и книжных текстов, в которых есть это слово, говорит о том, что оно сохранялось долгое время и в разговорной речи, и в старом книжном языке, где, наряду со значением круглый, развилось и новое — толстый.

Нередко в словах, звучавших в живой речи жителей Прикамья, отражались особенности жизни прошлых эпох. Так, сейчас мы привычно употребляем глаголы *бросать* или *бросить* (бросать камни, бросить палку). Но если заглянуть в пермские памятники письменности, то оказывается, что это глаголы довольно поздние, они активно утверждаются в русской речи лишь в XVII в., да и то очень часто вместо них в памятниках встречаются слова *метать, метнуть, метывать:* «Драницы он Григорей с товарыщи к себе не имывали и в воду не метывали», «Дрова учнем по дороге метати», «Поехал де я, Савка, сена метати». В говорах эти глаголы и по сей день распространены довольно широко, а в некоторых оборотах глагол *метать* закрепился навсегда, например: сено метать, т. е. складывать в стога.

В прошлом жители Прикамья использовали

и еще один глагол со значением бросать — *лукать*. В кунгурском памятнике XVII в. читаем: «Дочь его, девка, была на мосту, и она де охоча палками лукать». В разных диалектах — вятских (кировских), владимирских, тамбовских, рязанских, пензенских и, конечно же, пермских — в XIX—XX вв. жили слова *лукать* и *лукаться*. Правда, уже в XVII в. они считались сниженными, характерными только для разговорной речи. Редактируя показания крестьян или горожан, чтобы сделать язык документов более официальным, писцы старались заменять их словами, соответствующими нормам литературного языка того времени: *метать, метаться,* позднее — *бросать, бросаться.*

Памятники письменности и записи говоров показывают, как уходит слово *лукать* из языка. О том, как и почему оно пришло в живую речь, эти источники не говорят. Это можно установить, выяснив связи глагола *лукать* с другими словами. Корень глагола — *лук*. Известно, что *лук* — название древнего орудия стрельбы. Получается, что *лукать* — выпускать из лука стрелы, стрелять. Первоначально *лукать* действительно значило «стрелять из лука», но затем значение слова расширилось — вообще стрелять, направлять лететь что-либо.

Много упоминаний о луках, стрелах, сайдаках (чехлах для стрел), налучниках (чехлах для луков) встречается в судебных документах. Например, в кунгурских документах XVII—XVIII вв. читаем: «Пограбили у нас лук стрелебный, 20 стрел, цена 10 алтын», «Неведомо какой человек к той избе пришел, хотел де их застрелить из лука», «Взяли сайдак со стрелами и с налушником».

Интересно, что и в других славянских языках

наблюдается развитие от слова *лук* глаголов со значением целиться, метать, попадать, бросить: украинское *лучити*[6] (целиться, попадать), словенское lučati (бросать), чешское loučeti (метать), польское łuczyć (попадать).

На примере глагола *лукать* видно, как язык хранит память о прошлом, об истории. Но меняется жизнь, и напоминающие о старинном укладе слова могут исчезать, как случилось с глаголом *лукать* в пермских говорах. Хранит язык память и о собственной истории. Вот о чем рассказывает старое диалектное слово *редрый*, существовавшее в прошлом в говорах Верхнего Прикамья. *Редрый* значит рыжий, рыже-бурый. Им называли масть крупного рогатого скота — коров, быков, телят. В чердынских документах XVI—XVII вв. писцы нередко использовали это слово: «Да мне, Наталии, досталось корова редрая лыса, да другая корова редрая, да нетель[7] редрая, да бычок редрой-порозок», «Бык редрой да телушка редро-пестрая». Оно было некогда обычным словом в различных северно-русских говорах: архангельских, вологодских. Видимо, именно из них оно и попало в Прикамье при заселении его русскими.

В середине XIX в. В. И. Даль, помещая слово *редрый* в своем словаре, помечает его как старое. Тексты, составленные в конце XVII — начале XVIII в., показывают, как постепенно вытеснялось оно из обихода новым в то время цветообозначением *красный*. Сохранились документы XVII в., в которых записано, что одни лица называют скотину *редрой* («Украли у не-

[6] В корне звук *К* чередуется со звуком *Ч*, что наблюдается и в русском языке: лук, лучник.

[7] Нетель — молодая нетелившаяся корова.

го, Афонки, корову редрую да у брата его, Федьки, быка редрого ж»), а другие ту же скотину — *красной* («Украли из скотцкого выпуску две животины: корову да быка красных»), а вместо прилагательного *редро-пестрый* начинают писать *красно-пестрый* («Корова красно-пестрая рогатая, бык красно-пестрый»).

Слово *красный,* имевшее в древнерусском и в русском языке до XVI в. значение красивый, в XVII в. в Прикамье, как и повсюду в России, становится обозначением красного цвета вместо множества других слов: *червчатый, мясной, маковый, медный* и др. В документах того времени оно характеризует предметы по цвету (красное сукно, красный атлас, красные нитки, красный кафтан, красный сарафан, красный плат), а не по хорошему качеству, как в прошлом.

Цветообозначение *красный* постепенно становится очень распространенным, характеризуя не только предметы, но и различные объекты природы: им называют глинистый красноватый обрывистый берег (Красный Яр), сосновый бор, стволы сосен которого выглядят красноватыми (Красный Бор). Оно становится и обозначением масти домашних животных, вытесняя старое слово *редрый.* Процесс этот шел так последовательно, что привел к забвению в Прикамье прилагательного *редрый.*

Если восстановить по памятникам и старым записям говоров это старое диалектное пермское слово и сопоставить его с материалами различных языков, откроется глубокая древность корня слова. Прилагательное *редьръ* отмечается в древнерусских памятниках с XI в. Исторический корень его -red-, -r- очень древний суффикс, который был характерен еще для праславянских имен существительных и прилагательных. Так,

было некогда слово *doba (польза) с корнем -dob-, а в результате присоединения суффикса -r- появилось слово dobr (добрый). Существовал глагол *hytati (хватать, похищать) с корнем -hyt. С помощью суффикса -r- от него образовано прилагательное hytr (хитр, хитрый). От корня -pi- глагола *piti — слово пир, от корня -zi- глагола *ziti — жир, от древнего корня -red- — прилагательное redr — редрый.

Старый корень -red- можно обнаружить и в других современных и тем более древних русских словах. Правда, гласный звук в нем мог быть другой или исчезнуть совсем, т. к. в праславянском языке гласные нередко чередовались. С этим корнем есть глагол *рдеть,* существительное *руда,* которым в говорах называют кровь, грязь, содержащую металл земную породу. Этот корень (тоже с чередованием гласных) обнаруживается в украинском *рудий* — рыжий, в польском rudy — рыжий, чешском rudý — красный, в сербохорватском rûd — бурый. Родственные слова можно отыскать и в других языках: латышское ruds — рыжий, литовское raudas — бурый, английское red — красный, древнеисландское rodra — кровь убитого животного, немецкое rot — красный, древнеиндийское rudhiras — красный, кровавый, т. е. в ряде родственных славянским индоевропейских языках[8].

Таким образом, из глубокой древности пришло в уральские русские говоры слово *редрый,*

---

[8] Индоевропейской называют большую семью языков, связанных общим происхождением. К ним относятся группы языков: греческих, славянских, балтийских (латышский, литовский), германских (английский, немецкий, шведский), индийских (санскрит, бенгали, непали), иранских (фарси, таджикский), романских (французский, итальянский), греческих (новогреческий, древнегреческий) и др.

обозначавшее рыжий, красный цвет. Оно жило в Прикамье в течение нескольких столетий, а потом исчезло из живой речи, вытесненное словом-синонимом.

Мы вспомнили всего несколько слов, живших в прошлом в народной речи Прикамья. Своими корнями такие слова уходят в далекие времена: в древнерусский язык VI—XIV вв. или в общий для всех славян праславянский язык, существовавший до середины первого тысячелетия нашей эры, а иногда еще дальше в глубь веков, когда корни слов существовали в праиндоевропейских говорах. Таких слов было не несколько, а великое множество. Нередко они терялись в веках (*лукать, редрый*) или следы их сохранились только в топонимах (*Дивья*) и профессиональных языках (*в обло*). Но многие живут и по сей день в говорах и просторечии (*шибко*) или в современном литературном языке (*берег, болото, город, камень*). Восстановление истории каждого из этих слов помогает выявить детали истории Прикамья и развития пермских говоров, а нередко и расшифровать загадочные географические названия или фамилии, бытующие сейчас в Пермской области.

* * *

О согре, падунах и Печорском волоке

В 1970 г. в селе Камгорт Чердынского района работала экспедиция диалектологов Пермского университета — около 30 человек — студенты и преподаватели. Ранним утром после общего завтрака все, кроме дежурных по кухне, разбредались по разным домам, а иногда уходили в соседнее село Вильгорт, чтобы вести со старожилами неторопливую беседу об окрестностях (где, что, как называется или называлось), о хозяйстве, старинных обрядах (свадьбе, играх, посиделках), ремеслах, одежде, поверьях и т. д. Беседовали и записывали в экспедиционные тетради, потом обрабатывали тут же, в селе. То одна, то другая группа студентов возвращалась обрабатывать записи в школу, занимая два больших класса. В одном были спальня и столовая: у трех стен лежали тюфяки с соломой, на них постели. В середине класса — несколько сдвинутых вместе парт, за которыми располагались дежурные «повара», раздавая завтрак, обед или ужин. Есть устраивались тут же, обычно на своих тюфяках.

Обрабатывали материалы в другом классе — нашем рабочем кабинете. На специальные карточки из своих тетрадей выписывали все особые, диалектные слова, характерные для говора: и слово, и текст, в котором его записали, а также точный адрес карточки: из какой тетради, с какой страницы оно выписано.

Постепенно накапливаются сотни карточек, которые раскладывают строго по алфавиту. За-

тем их везут в Пермь и в университетском словарном кабинете ставят в особые ящики, где хранятся материалы будущего словаря Чердынской земли — территории бывшей Перми Великой, как официально в XVI—XVII вв. называлась северная часть Пермской области.

Когда заканчивалась экспедиция, мы собирались устроить последний костер. Место для него было присмотрено заранее на берегу Колвы. Чтобы не будоражить село, а особенно местных ребятишек, очень радостно и эмоционально воспринимавших экспедицию, было решено пробраться туда тайком.

Когда начало темнеть (а в июле в Камгорте ночи светлые), почти тридцать человек — каждый с заранее приготовленным для костра поленом под мышкой — вступили на тайную лесную тропу, разведанную нашими юношами. Мы лишь немного углубились в лес, как дорога стала ужасной, вернее, дороги не стало совсем. Мы пробирались по сырой, болотистой почве, заросшей густым ельником. Я знала, что это, по словам местных жителей, согра и что ничего хорошего нас тут не ждет, но пути к отступлению не было. Казалось, согра бесконечна. Но вдруг елки кончились, хотя чавканье под ногами продолжалось: мы вышли на кочкарник — болотистую низменность, сплошь поросшую травяными кочками. Прыгая с кочки на кочку, выбрались на уступ крутого берега Колвы. Здесь должен был состояться костер.

Поглядев наверх, мы ахнули: верх берега был усыпан ребятишками, которые давно явились сюда по удобной дороге прямо из села. Пока мы испытывали все прелести согры и кочкарника, они терпеливо ожидали нашего появления, расположившись как в амфитеатре.

Всегда, когда мы вспоминаем этот костер, в моей памяти встает путь по согре. Что же это за слово такое — *согра?* Почему именно им называют в Чердынском районе сырые, порой непроходимые места, поросшие еловым лесом, можжевельником, кустарником?

Происхождение этого слова до настоящего времени учеными окончательно не установлено. Но известно, что оно является весьма старым, распространенным в основном в говорах русского Севера — архангельских, вологодских. Широко известно оно и в коми-пермяцких, коми-зырянских говорах.

Называют им в разных местах различные угодья: заболоченное место, поросшее густым, непроходимым ельником, сырое низменное место под горой или на берегу реки, болото с травами, мхами, кустарником, густой сосновый лес, остров березового леса среди степи и т. д.

Слово *согра* попало в Прикамье из северных, скорее всего поморских говоров, во многих из которых оно распространено тоже как название болотистого угодья, поросшего лесом или кустарником. Ранние, дошедшие до нас пермские памятники письменности содержат этот географический термин. Так, в чердынских, соликамских, кунгурских документах XVII в. читаем: «Межа от речки Зырянки, до троегранные ели, через согру, впрямь до монастырского скотинного выгону», «По Усолке-реке, на левой стороне болото и согра подле мельнишной пруд», «От Молебного врагу (оврага. — *Е. П.*), от Шаквыречки в гору, на согру прямо да на ельник малой».

Писцы XVII в. ощущали разговорный, нелитературный характер слова *согра* и нередко, редактируя показания местных жителей, стреми-

лись заменить его. Для делового языка XVII в. были очень характерны словосочетания со словом *место: лесное место, боровое место, гаревое место, огородное место, степное место, болотистое место* и т. д. Вот и писали иногда в соответствии с термином *согра — согорное место, согрятное место* или *согретное место*: «И всякие лесные, и согорные, и болотные места», «И на то де согрятное и болотное место ныне и в прежних годах, годов за восемьдесят и больши дед и отец его выпущали, и он летным временем также выпущает конской и рогатой скот», «И великий государь пожаловал их, велел тем вышеписанным согретным и болотным местом владеть им и выпускать животинный скот конской и рогатой по-прежнему».

Складывается впечатление, что и в XVI—XVII вв. в Прикамье *согрой* называли сырые места, поросшие ельником, кустарником, травой. О том, что они были сырыми, свидетельствует обычно помещенное рядом со словами *согорный, согрятный, согретный* прилагательное *болотный*. Но вместе с тем это не были топи, на согру можно было выпустить скот для пастьбы. О том, что согры были покрыты еловым лесом, говорят записи XVII в.: «А межи тому лугу — согра — черный лес». Черный лес — это еловый лес (в отличие от красного — соснового).

Принесенное в древности на Верхнюю Каму и ее притоки северно-русское слово *согра* распространилось на всей территории Пермской области. Правда, называть им в разных говорах Прикамья стали различные топкие места. В Осинском районе *согрой* именовали пойменные луга у реки Тулвы. Вот что я записала в деревнях Мостовая, Ирьяк, Пещеры, расположенных на Тулве: «Согра есть, Тулвой затопи-

ло, там трава была, смородины было много, клубеники», «Согра была — покос у Тулвы, недалеко здеся низкое место», «Согра у Тулвы была, по ягоды ходили, косили там».

В Верхней Язьве *согрой* называют лес на болоте, в Куединском районе — березовую рощу в сырой низменной местности, в Ильинском районе — и заливные луга, и невысокую «горушку», покрытую травой.

Во многих районах Пермской области *сог-рой* называют сырые, непроходимые места по берегам маленьких речек, логов, а иногда и сами лога: «От угорышка началася согра — два ложка». В говоре деревни Акчим Красновишерского района географический термин *согра* превратился в имя собственное — в название впадающего в Волим (приток Вишеры) одного из небольших логов: «Первый ложок, он на Волим на речку вытекает; второй ложок; потом еще Согра лог называется, тоже такой же ложочек, тоже бежит в Волим...» Называли в Прикамье так же, как в Архангельской области и в Сибири, словом *согра* и некоторые деревни, расположенные по соседству с сырыми, болотистыми местами.

Сейчас слово *согра* забывается, исчезает из многих говоров. Заменяют его различными литературными и просторечными словами: *болото, болотина, зыбун* и др. Исчезли из списка населенных пунктов Пермской области и деревни с названием Согра. В справочнике 1963 г. еще значились в Кунгурском районе д. Согра и д. Согрино, а в справочнике 1982 г.[9] их уже нет.

Но так как существовало слово *согра* в го-

---

[9] Пермская область: Административно-территориальное деление. — Пермь, 1963; Пермская область: Административно-территориальное деление. — Пермь, 1982.

ворах Прикамья многие столетия, оно оставило след в микротопонимах, т. е. названиях небольших угодий: полян, логов, речек, лесов.

Изучение чердынской, соликамской лексики и сопоставление ее со словами других говоров свидетельствует о том, что таких северно-русских слов, как *согра,* в пермских памятниках XVI—XVII и говорах XIX—XX вв. много. Причина этого — в освоении территории Пермской области русскими — выходцами с севера, с притоков Вычегды, Печоры. Зафиксированные в XVI—XVII вв. в документах прозвища и фамилии жителей Перми Великой — Чердыни, Соли Камской и северных владений именитых людей Строгановых — говорят об освоении этой части Прикамья преимущественно жителями Вологодской, Архангельской земли, Поморья: Белозеров (с Белого озера), Важенин (с р. Ваги), Вологжанин, Вологжанинов (из Вологды), Двинянинов (с Северной Двины), Каргопольцев (из Каргополя), Колмогоров, Колмогорец (из Холмогор), Лузенин, Лузенинов (с р. Лузы), Мезенцев, Мезенин (с р. Мезени), Моржегоров (из Моржегор), Пинягин, Пинежанин (с р. Пинеги), Сысолятин, Сысолец (с р. Сысолы), Устьцилемов (из Усть-Цильмы на Печоре).

По разным причинам в XVI—XVII вв. пускались в путь русские крестьяне, чтобы осваивать обширные пустующие земли на Верхней Каме. Пути проникновения их сюда не забывались и продолжали действовать на протяжении долгого времени. Волоком переходили с речки Волосницы, притока Печоры, в бассейн Камы на речку Вогулку. На Волоснице и на Вогулке сохранились места с одинаковым названием — Печорский волок. С Вогулки попадали на речку Еловку, затем в Березовку, которая втекает в

обширное Чусовское озеро, из него — в Вишерку, впадающую в Колву, и, наконец, на саму Колву, в низовьях которой, в нескольких километрах от устья — месте впадения ее в Вишеру, — стоит город Чердынь, в прошлом центр Перми Великой.

У прибывших с севера сохранялась память о рыбных богатствах Печоры и ее притоков, особенно правых, восточных: Шугора, Илыча и др. В чердынских документах XVII в. — челобитных воеводам, отписках воевод — зафиксировано немало упоминаний о рыбаках, отправлявшихся на Печору и ее притоки на промысел: «Он, Лаврушка, взял на оброк рыбную ловлю — печорский падун (приток. — *Е. П.*) — реку Илыч на пять годов», «И кто из них сверх прежнего оброку наддаст, тому тот печорский падун — реку Щугор и рыбные ловли отдать», «Взял на оброк рыбную ловлю — печорский падун реку Подчерьу с 1640 г. до перекупки оброку».

На Печоре и ее притоках рыбу не только ловили, но и выменивали на различные вещи или покупали у манси, которых в памятниках XVII в. называли вогулами или вогуличами: «Ходили на Печору-реку, в Порыч и в Илыч Микифор Ларионов сын из Искора-погоста да Онцифорко Васильев Судницын сын, Иван Макарьев сын, имали на артиль (артель) Сидора Яковлева сына Бушкова. В Илыче покупали рыбу у вогулич: Микифор в артиль клал. Анцифер рыбу покупал, в артиль не клал. А пошедцы говорили так: сколько рыбы накупим — в артиль класти».

Сохранилась интересная челобитная чердынских рыбаков воеводе, составленная в 1648 г.: «Государю Ивану Васильевичу рыболове твои, Ивашко Федулов да Ивашко Калашников, челом бьют. Хотел ты, государь Иван Васильевич, жаловать — отпустить на Печору-реку на рыб-

ную ловлю с неводом. Надобе к походу невод изготовить. Да пожалуй, Иван Васильевич, вели дать рожь и всякий запас, чтоб, государь, хлеб к дороге и к походу испетчи. А рыбная, государь, ловля, Иван Васильевич, такова: которой преж приехал, тот больши и добыл. А лед, государь, от берегу, а у нас бы всего того было. А твоего, государь Иван Васильевич, жалованья — делей и ужищ[10] нам дать».

Шли годы, десятилетия, и вновь по старому зимнему пути по рекам и волоку уходили на север, на Печору, чердынцы, чтобы вернуться с рыбой. Так было и в XVII в., и позже. Именно чердынский зимний санный обоз описан в XIX в. Д. Н. Маминым-Сибиряком в рассказе «Зимовье на Студеной» — рассказе о жизни в зимовье сторожа Елески Шишмаря: «Обоз состоял возов из пятидесяти... На Печору чердынские купцы отправляли по первопутку хлеб, соль, разные харчи и рыболовную снасть, а оттуда вывозили свежую рыбу. Дело было самое спешное, чтобы добыть печорскую рыбу раньше других[11], шла дорогая печорская семга. Обоз должен сломать трудную путину в две недели, и ямщики спали только во время кормежки, пока лошади отдыхали. Особенно торопились назад, тогда уж и спать почти не приходилось. А дорога через волок была трудная... Дорога скверная, каменистая, сани некованые, а по речкам везде наледи да промоины. Много тут погублено хороших лошадей, и людям приходилось работать как нигде: вывозить возы в гору на себе, добывать их из воды, вытаскивать из раскатов. Только одни

---

[10] Дели и ужища — пеньковые нитки и веревки для невода.

[11] Как напоминают эти строки челобитную XVII в.: «Которой преж приехал, тот больши и добыл».

колвинские мужики и брались за такую работу, потому что гнала на Печору горькая нужда»[12].

Там, на Печоре, общались чердынцы с манси и с русскими — носителями северных, печорских говоров. Таким образом, не только происхождение чердынских говоров, но и это общение обусловливало употребление многочисленных северно-русских диалектных слов. Было таким, например, слово *падун,* которое в пермских памятниках XVI—XVII вв. и современных говорах имеет несколько значений. *Падуном* называют ручей, текущий по глубокому крутому оврагу, логу («Межа от разсох[13] логом по падуну вверх»). Такой ручей имеет обычно большой перепад высоты, вода низвергается, «падает» сверху, потому и назвали его *падуном.*

Сами овраги или лога с такими стремительными ручьями тоже называли *падунами.* Они нередко упоминаются в пермских деловых актах XVII в.: «На левой руке с Матвиева порогу до Пычан-реки половина Колвы-реки, и с озерами, и с истоком, и с малыми речками, и с падунами, и то у всех у нас, братеников, с племянники не в делу (т. е. не разделено. — *Е. П.*)».

Падунами называли и вообще любые притоки реки, не обязательно текущие быстро, в оврагах, но и широкие, медленно текущие с низкими берегами, потому что они тоже «падают» — впадают в реку. Глагол *падать* — впадать (о реке) — известен издавна. В пермских памятниках XVII в. читаем: «По Кишерти по обе стороны и с падунами, и по речке Аседы по обе стороны до вершины и с падунами». Сохранился он в

---

[12] Цитируется по кн.: Мамин-Сибиряк Д. Н. Зимовье на Студеной. — Свердловск, 1978. — С. 9—10.

[13] Рассоха или рассохи — место слияния двух оврагов, логов в один большой.

живой речи жителей некоторых деревень до нашего времени: «Речка Акчим пала в Вишеру с левой стороны, а Волим-речка — та пала справа».

В пермских актах XVII в. находим древние слова, употреблявшиеся в северно-русских говорах в прошлые эпохи с особыми значениями. Встретилось нам выше в чердынском документе упоминание о делях и ужищах. Что же это такое? *Дели* и *ужища* нужны были рыбакам, чтобы изготовить невод. *Делями* называли, так пишет В. И. Даль в своем словаре, «толстую пеньковую нитку для неводов», а *ужищами* — «длинные толстые веревки, тоже необходимые для них».

Слово *ужище,* называвшее веревку, было широко распространено в разговорной речи русских в прошлые эпохи. Видимо, оно было общерусским, но характерным именно для бытовой речи, особенно крестьянской. В книжных текстах в соответствии с ним употреблялся синоним *уже.* Эти слова связаны по происхождению с прилагательным *узкий* (его древний корень — уз). Действительно, веревка — *узкая.* Кстати, этого же происхождения и название змеи *уж* (тоже узкий).

Бытовавшее в XVII в. название веревки *ужище* употреблялось одновременно со словом *веревка.* Вот, например, что записано со слов крестьян в Прикамье: «Стояли те ворота полы [14] многое число [15], за очеп [16] веревкой не привязываны» или «Не довезли четырех веревок дровых». Значит, слово *веревка* было в речи. За-

---

[14] Полы — открыты.

[15] Многое число — много дней.

[16] Очеп — крюк.

чем же два слова для обозначения одного и того же предмета?

Видимо, слово *ужище* использовалось обычно для называния не любой, а какой-то особой веревки. *Ужище* упоминается тогда, когда речь идет о специальной длинной толстой веревке для невода: «Отпустить на Печору на рыбную ловлю с неводом, и конат и ужища отданы». Во-вторых, *ужищами* называли в северно-русских говорах длинные веревки, изготовленные из березовых прутьев и липового лыка — особое, диалектное значение. В вологодских памятниках письменности упоминаются *ужища* липовые, а в словаре архангельских говоров, составленном в 1885 г. А. Подвысоцким, об ужище говорится, что это «веревка, свитая из березовых прутьев, на которой привязывают лошадь на пастбище»[17]. Такая веревка должна быть достаточно длинной, чтобы лошадь не топталась на одном месте. Конечно, пускать на это пеньковую веревку было невыгодно, дорого, а березовую сплести — пожалуйста. И называли в северно-русских говорах эту длинную из березовых прутьев привязь — *ужищем.* В Прикамье в XVII в. пользовались такой привязью. В одном из актов читаем: «Украли у меня на Кунгуре из-за Сылвы-реки с ужища лошадь».

Из многих пермских говоров слово *ужище* постепенно ушло, его вытеснил характерный и для живой речи, и для литературного языка синоним *веревка.* Так случилось и потому, что изменилось многое в хозяйстве, специальные ужища из сплетенных веток перестали употреблять, и потому, что слово *веревка* стало обобщающим

---

[17] Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. — СПб, 1885. — С. 66.

названием разных веревок: и длинных, и коротких, и толстых, и тонких. Правда, в отдельных пермских, свердловских деревнях до сих пор можно услышать, как длинную толстую прочную веревку называют *ужищем.*

Исчезнув из употребления, слова *уже, ужище* и *уж* оставили некоторое напоминание о себе. Мы говорим: «Взялся за гуж — не говори, что не дюж». Что же это за *гуж* такой? Это веревка-*уж* (*ужище, уже*), только в слове развился начальный звук *Г.* Значит: «Взялся тянуть веревку, т. е. делать какое-то дело, — справляйся, не жалуйся».

В пермских говорах и просторечии долгое время сохранялось, а иногда содержится и сейчас немало северно-русских диалектных слов. Таков, например, диалектизм *голбец,* называющий подполье под избой. При существовании старых жилых построек — изб с подпольем — слово было настолько обычным и в селах, и в городах, что лет 20 тому назад оно даже попало в одно из школьных сочинений по роману А. М. Горького «Мать». Причем *голбцем* в нем назвали не подполье под избой, а подполье — переход на нелегальное положение. Слово было привычным для многих, развивалось, приобретало новое значение.

Но менялся облик сел и городов, в которых живет значительная масса населения Пермской области, и мало кто сейчас знает, что такое *голбец.* В прошлом оно имело даже несколько значений. Им называли и само помещение под полом, использовавшееся обычно для хозяйственных нужд — хранения овощей, различных предметов. Называли этим словом и специальный пристрой в избе около печи, через который делался вход в подполье. В архивах находится не-

мало юридических актов Прикамья XVII в., в которых рассказывается, что в голбцах прятали имущество, зарывая его в землю, в голбцы спускались в поисках прячущихся людей, исчезнувших предметов и т. д.

Сохранился документ, написанный в 1678 г. со слов жителя погоста (села) Цидвы Чердынского уезда. В нем слово *голбец* употребляется в обоих значениях. Хранящийся в Чердынском краеведческом музее, этот документ настолько колоритен, что хочется его процитировать: «Андреева дочь Евдокейка ко мне, сироте[18], полезла окном передним из спередизбья[19] татем[20]. А изба была заперта на круке, из нутреную сторону было круком и замком сничным заперто. И та Евдокейка стала отпирати голбец. И я, сирота, пришел домой, и окошко перед избой отперто, стало поло. И в окошко заглянул, и в избе ходит Андреева дочь, лизет в голбец. И я, сирота, полез в избу, одва[21] окошком попал. И та Евдокейка бросилася утти в окошко в задное. И я, сирота, захватил ее тут в окошке и за ноги ее схватил. И в то время люди набежали, как она, Евдокейка, в окошке закрычала: Фотей де, отпусти де меня, Евдокейку, не я де крала тебя, сестра моя Танька. И мы де пропажу твою принесем де всю к тебе назад».

Так что Евдокейка должна была отпереть *голбец* — вход в подполье и попасть в само подполье — тоже *голбец*.

Голбец был настолько естественной частью крестьянской избы на всем севере европейской

---

[18] Сирота — обычное название челобитчика (жалующегося).

[19] Спередизбье — место перед избой.

[20] Тать — вор.

[21] Одва — едва.

части России, что слово проникло из русских в коми-пермяцкие и коми-зырянские говоры, правда, несколько изменившись фонетически (*гöбöч, гöбеч*), и закрепилось в них.

В диалектном северно-русском значении отмечалось в пермских памятниках XVII в. и слово *вежа*. Оно существовало уже в древнерусском языке, где обозначало башню, шатер или кибитку кочевников. Так, в летописи, где рассказывается о побеге из половецкого плена князя Игоря, упоминаются кибитки половцев: «Вежи половецкие подвизашася (задвигались.— *Е. П.*)». Видимо, от старого, древнерусского названия кибитки — жилища кочевников — ведет свою историю и слово *вежа* как название построенного жилища нерусских (марийцев, татар). О таких вежах есть записи в памятниках Среднего Прикамья, Кунгурского уезда. Этнографы, изучающие быт, одежду, постройки, ремесла нерусских народов в Поволжье и Прикамье, отмечают *вежу* как постройку (типа избы под крышей, но без потолка), в которой устанавливались нары (полок), покрытые войлоком. В кунгурских актах упоминаются, видимо, именно такие вежи татар и марийцев. В одном из актов читаем: «Подкинул в веже на полку под войлок табак» — тут и вежа, и полок, и войлок. Правда, слово это употреблялось в актах обычно при передаче речи нерусских людей. Русские крестьяне называли те же постройки избами.

В памятниках Верхнего Прикамья *вежей* называлась постройка не жилая, а хозяйственная. Например, в акте перечисляются строения одного крестьянского двора: «Изба старая, да два сенника с подклетом, да вежа с погребом». *Вежа* — какая-то постройка над погребом. Трудно сказать, был ли это род шалаша из жердей, по-

крытый дерном и хворостом, или срубная постройка без потолка с крышей в виде двух несомкнутых скатов. Очевидно одно: слово это принадлежало живой речи и имело северное, диалектное значение. Как только писцы начинали редактировать документы и отказывались от слов сниженных, диалектных, они старались обойтись без слова *вежа* и писали: «Погреб с напогребицей».

Северно-русскими диалектными словами назывались многие предметы одежды, обуви, головные уборы. Девушки носили особый головной убор — *головодец*. Видимо, это была повязка вокруг головы, расшитая жемчугом и имеющая красивые ленты для завязывания — *паворозы*. Во всяком случае в пермских актах XVII в. не раз упоминаются в описях имущества и сами головодцы, и паворозы от головодцев.

Оказывается, слово *головодец* — не только пермское. Оно было известно и в некоторых других северно-русских говорах, например в вологодских, архангельских, и из русских тоже попало в коми говоры (*головодеч*).

Северно-русскими были некоторые названия теплой обуви: *угеди* — меховая обувь, *тюни* — валяная. В кунгурском памятнике читаем: «Приносил тюни-валенцы». Обычно так называли короткие обрезанные валенки, иногда с пришитыми холщовыми или суконными голенищами.

Сложилось так, что, давая отрицательные, обзывные характеристики в прозвищах, люди нередко использовали названия обуви. Обзывали человека Лапоть, Валенок, Сапог... Прозвище Тюня, которым именовали вялого, нерасторопного, неуклюжего человека, ведет свою историю от названия обуви.

Сопоставляя материалы старой письменности

Перми Великой с архангельскими, вологодскими, вятскими (кировскими), владимирскими, тверскими и другими текстами, удалось установить, что из всех этих памятников ближе всего к пермским по лексике были архангельские и вологодские. Очень много совпадений в словах и в значениях слов обнаруживается в географической терминологии. Это естественно: приходили в Прикамье с севера и северо-запада новые жители, видели угодья, урочища, напоминавшие места их прежнего поселения, и называли их привычными словами. Потому и совпадают с архангельскими и вологодскими по ряду значений такие пермские диалектизмы, как *волок* (дорога через глухой лес и глухой лес), *гремячий* (ручей, текущий по каменистому руслу), *исада* (берег, удобный для причаливания судов), *курган* (глубокая естественная яма, наполненная водой), *ласта* (низкий, заливаемый в половодье берег озера), *материк* (высокий коренной берег), *падун* (овраг, лог, приток реки), *полой* (весенний разлив), *слуда* (высокая каменистая или глинистая гора), *сузем* и *суземье* (дальний, глухой лес), *толстик* (высокий крутой берег), *холуй* (место наноса на реке веток, вымытых кустов, деревьев) и т. д.

Складывающиеся пермские говоры в XV—XVI вв. не становились простым слепком с какого-то одного диалекта или даже группы диалектов. Развивались они по-своему. Потому и обнаруживаются различия в пермских и других северно-русских словах. Например, в говорах Прикамья употребляются слова *лыва, лывина,* называющие лужу после дождя или большую яму, наполненную водой. Иногда так называют небольшие озерки, оставшиеся в пойме реки после весеннего разлива. В таких озерках может со-

храниться попавшая из реки во время половодья рыба: «В лывах-то весной мы щук ловили», «Лывина есть около Камы: весной с Камы заходит вода, все лето не высыхает».

М. В. Ломоносов в одной из своих од писал: «Из лыв густых выходит волк». Из луж и ям, наполненных водой? Нет. Откуда же? Из сырого густого леса, видимо, выросшего в болотистой местности. В Прикамье такое место называют *согрой*. Ломоносов — архангелогородец (он вырос около Холмогор на Северной Двине) — называет его *лывой*. Это только один пример отличия говоров пермских от некоторых архангельских. Существовало и существует таких отличий немало. Но и совпадений в лексике пермской и архангельской достаточно много.

Казалось бы, больше всего сходства у пермских говоров должно быть с вятскими: они самые близкие соседи. Прозвища и фамилии жителей Прикамья XVI—XVII вв. (Вятчанин, Вятчанинов) свидетельствуют о том, что сюда приходили выходцы с Вятки. В диалектных словарях ряд слов помечен только как вятские и пермские диалектизмы (*шутем* — заброшенное, заросшее травой и кустарником поле).

Памятники письменности говорят и о том, что между вятскими и пермскими документами XVII в. много отличий даже в географической терминологии — наиболее последовательно сохраняемой первопоселенцами части словаря. В пермских памятниках исток реки называют *вершиной*, в вятских — *верховиной*, выжженное место в лесу — соответственно *гарью* и *гарником*, залив озера — *отногой* и *заливом*, лес — *лесом* и *раменьем*, поле из-под репы — *репищем и репенником*, болото, поросшее ельником, кустами, — *согрой* и *шохрой* и т. д.

Отличий набирается достаточно много, и это понятно: для крестьян, осваивающих в это время земли в бассейне Вятки, проникновение в Прикамье не было таким актуальным, как для выходцев с Северной Двины, Пинеги, Мезени, Печоры. Суровый климат и другие причины заставляли их искать удобные для земледелия места. В этом отношении более южное и редко заселенное Прикамье с условиями, пригодными для хлебопашества, выращивания овощей, льна, конопли, богатое лесами, зверем, солью, их очень привлекало. Вот почему ранние русские говоры Верхнего Прикамья — Чердынской земли — складываются на базе вологодских, архангельских, поморских, печорских. Это отражалось не только в письменности XVI—XVII вв., но и до сих пор отражается в чердынских и красновишерских говорах, имеющих отличия от диалектов Среднего Прикамья.

* * *

Жил ли человек по прозвищу Чашка на берегу Чашкина озера?

Я ехала в гости к археологам, ведущим раскопки древнего памятника на берегу Чашкина озера, расположенного на середине пути от Березников до Соликамска, в нескольких километрах от деревни Чашкино и села Родники. Ехала с тем, чтобы послушать речь жителей этих мест. Особенно меня интересовали Родники — старое поселение, упоминаемое в соликамских рукописях еще в XVII в.

Само название села притягивало внимание. Дело в том, что названия населенных пунктов Родник, Родники, встречающиеся в Пермской области, характерны только для Верхнего Прикамья. В Среднем и Нижнем Прикамье употреблялись в речи жителей в качестве географических названий слова Ключ, Ключи. Они-то и становились названиями деревень.

Я совсем не думала, что, оказавшись в этих краях, попытаюсь разгадать название Чашкина озера, протянувшегося полосой почти на пять километров. На карте видно, что железная дорога на Соликамск проходит параллельно этому озеру, превратившемуся в результате подъема воды после подпора плотиной Камской ГЭС в залив Камы.

Помню, где-то читала о том, что озеро, должно быть, получило свое название по прозвищу человека, жившего около него. Да и наименование деревни Чашкино тоже могло возникнуть от прозвища первопоселенца, что часто бывало в Прикамье. Казалось, это не должно вызывать

особых сомнений, т. к. в Прикамье таких деревень множество: *Воронино* — от прозвища первопоселенца Ворона, *Дремина* — от Дрема, *Кривошеина* — от Кривошея, *Лопатина* — от Лопата и др.

Проводником в вагоне оказалась студентка университета, работавшая в стройотряде. Узнав, что я из университета и что должна выходить на площадке Чашкино, где поезд стоит всего минуту, она забеспокоилась, чтоб я не проехала свою остановку и успела сойти. Когда поезд тронулся от предшествующей остановки, мы с ней вышли в тамбур и стали ждать Чашкино.

Поезд шел по лесу. Вдруг он остановился. Девушка открыла дверь вагона, выглянула и спросила, знаю ли я местность. Я не знала, и она ехала этим маршрутом первый раз. Но, увидев, что из первого вагона вышли люди, она откинула подножку, и я с рюкзаком на спине и корзинкой в руках спрыгнула на насыпь. Очутившись на ней, я поняла, что это совсем не железнодорожная площадка.

Впереди шли несколько человек. Окликнув, я догнала их — мужчин в рабочей одежде с рыболовными снастями — и спросила, не Чашкино ли это. Они ответили, что Чашкино в шести километрах, а их высадил машинист, чтоб идти на озера.

С невеселыми мыслями, сгибаясь под рюкзаком, я шла по колее, высматривая железнодорожные столбики через каждые сто метров. Постепенно я стала привыкать к дороге, к своему положению. Вглядываясь в величественные сосны, я вспоминала все, что знала об этом месте. Знала я о нем из памятников письменности XVI—XVII вв., частично опубликованных в «Пермской летописи» В. Н. Шишонко, «Перм-

ской старине» А. А. Дмитриева, частично хранящихся в различных архивах. Уезжая сюда, я перечитала тексты документов, относящихся к Чашкину озеру и окрестностям. Они упоминали о том, что в 1558 г. обширное угодье под названием Чашкино было отдано во владение крупным землевладельцам Строгановым, а те в 1570 г. передали его Пыскорскому Спасо-Преображенскому монастырю. В их поступной грамоте было написано: «Которые жильцы живут у городка Канкора, которым давано от нас под дворы места и пахотные земли и покосы в Чашкине, и те жилецкие земли и пашни по смерти тех жильцов владеть монастырю же».

Упоминали о Чашкине озере при переписи населения Перми Великой и Соли Камской писцы Иван Яхонтов (1579) и Михаил Кайсаров (1623): «А по левую сторону Камы-реки межа Спасского монастыря с крестьяны от верхнего конца Чашкина озера, от Чудского селища, прорывом к Каме-реке». Чудское селище — наверное, тот памятник, который раскапывают археологи.

Описывается в старых документах и тот сосновый бор, краем которого я шла по железнодорожному полотну. Отмечая границы земельных владений, в грамоте 1674 г. записали: «Межа... через речку Ленву, вверх по Чашкину истоку, по правой стороне по увалу, по край материка к Чашкинскому бору и по материку же Чашкинского бору, по горе, к Чудскому селищу по верхний конец Чашкина озера».

Итак, несколько связанных названий: Чашкино озеро, Чашкин, или Чашкинский, исток (рукав, протока из него), Чашкинский бор. Только деревня Чашкино появилась гораздо позже, чем названия этих угодий. В конце XVII в. в пере-

писных книгах Федора Бельского упоминается «деревня на Чашкине верх родников». Не Чашкино, а на Чашкине, т. е. в урочище или близ озера с таким названием. Неясно даже, о каком современном поселении идет речь: о селе Родники («верх родников») или о деревне Чашкино.

Значит, думала я, шагая по шпалам, сначала появились названия обширной территории, прилегающей к озеру, самого озера, бора, а уж потом деревни. Но откуда такое странное название?

Крупные озера в Прикамье имеют древнюю нерусскую основу, например, Чусовское или Толычское в Чердынском районе. Небольшие озера имеют русские наименования, обычно отражающие их внешние особенности: Гнилое, Подкаменное, Красное, Осиновое. Но Чашкино? На сравнение по форме с чашкой непохоже: озеро вытянутое, длинное, довольно узкое. Местные жители говорят: «Когда вода уйдет, оно как в корыте стоит». Да и суффикс *ин* в названии указывает на принадлежность кому-либо: Чашкин — принадлежавший человеку по прозвищу Чашка. Но о таком Чашке в древних документах нет никаких упоминаний, и обширное угодье вряд ли могло получить название по принадлежности одному человеку.

С русским словом *чашка* географическое название не связывается. Может быть, в основе его какое-то затемненное нерусское название? Если бы я знала, как близка была тогда к истине!

Жизнь в экспедиции, постоянные походы в Чашкино и Родники, изучение лексики в речи жителей отодвинули размышления о происхождении названия озера, тем более, что никаких легенд или толкований об этом записать не уда-

лось. На мой вопрос, почему так называется озеро, местные жители отвечали обычно, что так оно называлось «исстари веков, всегда», а почему — никто не знает.

В то же время я столкнулась с еще одним загадочным названием: довольно значительную часть берега Чашкина озера, именно ту, на которой шли раскопки, местные жители называли Содомом. Уж совсем невероятный топоним — нечто библейское.

Ему в письменных документах прошлого повезло меньше, чем Чашкину озеру, но и он есть в памятниках письменности. Слово *Содом* встречается в жалованной грамоте Григорию Строганову 1701 г. Правда, именуют в ней *Содомом* совсем другое угодье: «По реке Каме к Савинскому лугу — луг Поповский, Содом он же... Тем же лугом Содомом владеть им». Это угодье не на Чашкине озере, а на левом берегу Камы, недалеко от старого устья реки Яйвы.

Размышляя об этих Содомах, я обратила внимание на еще одно совпадение. Недалеко от Содома на Чашкине озере протекает речка Лёнва, впадающая в Чашкин исток. Она известна и по современным данным, и по памятникам XVII в.: «Вверх по обе стороны Чашкинского истоку до усть речки Лёнвы». В районе луга Содом выше устья Яйвы есть другая речка, но с таким же названием — Лёнва.

Вряд ли совпадение нескольких топонимов в разных, хотя и относительно близко отстоящих друг от друга местах было случайным. Скорее всего, они были между собой связаны в далеком прошлом, когда здесь жило древнее дорусское комиязычное население. Слово Лёнва могло возникнуть в коми диалектах, где *л'онь* — тихий

(о слабом течении воды), а *ва* — вода, река, т. е. Лёнва — тихая, спокойная река.

Есть на территории от устья Яйвы до Чашкина озера и другие коми названия: *Быгель* (ср.: *быгыльтны* — катить, скатить), *Лызőб* — трясина, *Ворга* — русло реки. Не появилось ли название *Содом* на основе коми слова? Из русского языка оно плохо выводится, хотя и есть в русских говорах и просторечии возникшее в результате переноса библейского названия слово *содом* — шум, крик, гам, брань, шумная толпа.

Поискам основы топонима *Содом* в коми языке помогли результаты археологических раскопок. Они показали, что на берегу Чашкина озера, в том месте, которое жители современной деревни Чашкино называют Содомом, в IX—XII вв. существовали своего рода мастерские, в которых выплавляли металл. В земле сохранились немые свидетели этого: горны, шлаки. Видимо, существовал на берегу озера ремесленный центр, который был хорошо известен в округе как место, где плавят металл. Вместе с тем в коми говорах есть разные варианты слова, назывaвшего плавку, выплавку — *сыыдэм, сывдом, сывдӧм.* Вероятно, каким-то из этих вариантов и называли место, где выплавляли металл на берегу Чашкина озера в далеком прошлом.

Топонимы обычно очень стойки, живут долго, переходят из одного языка в другой. Но, приходя в новый язык, они приспосабливаются к его фонетике, иногда совпадают с существующим в новом языке словом. Название *Сывдӧм* могло восприниматься пришедшими сюда русскими как известное в русском языке и очень близкое по звучанию слово *Содом,* а первоначальное зна-

чение топонима (место, где плавят металл) стало забываться, затемняться.

Изучение топонима *Содом* показывает, что основа современного названия части берега Чашкина озера скорее всего древняя, коми-пермяцкая. Может быть, и название самого Чашкина озера идет от нерусского слова.

Посмотрим еще раз на озеро, на его вид, форму, окружение, на то, что говорит о нем местное население. Озеро представляет собой не одно, а целую цепь связанных протоками озер, каждое из которых у жителей Чашкина и Родников имеет свое название: Родницкое, Подкаменное, Чашкино, Содом, Дедюхино. Рассказывают, что до подпора воды плотиной Камской ГЭС эти озера большую часть года четко отграничивались друг от друга и были связаны только протоками. В половодье же вода поднималась так высоко, что Подкаменное, Чашкино и Содом образовывали одно озеро, имевшее на юге протоку (исток, как здесь говорят) в Дедюхино озеро, а из него выход в Каму. Сейчас все они слились и напоминают узкий длинный залив Камы.

В рассказах местных жителей отражено представление о том, что в далекие времена ложе этого длинного озера или цепи озер было руслом Камы. Потом Кама пробила себе новый путь, старое русло (старица) потеряло связь с Камой и превратилось в цепь озер. Вот как об этом рассказывают в деревне Чашкино: «Озеро — это Камы старица, когда-то она текла, русло было. Потом река отшагнула, присада наросла. Быстриной тащит песок да что, оседает, зарастает ивняком и травой. Природа создает присаду». Течет теперь Кама параллельно озеру в нескольких километрах от него, а между ними болотистая, густо заросшая низина. В половодье

появляется на этой низине узкая и длинная протока, называемая Отногой, и все окружающее ее место — болотца, поляны — тоже зовут Отногой: «Подмористое (топкое, сырое. — *Е. П.*) место раньше было, косили луга. Круг озер все ласта, покос же, нерасчищенное мокрое место, веснами затопляло. Ляга — вроде грязь одна была частично около озер, болото Отнога».

Итак, Чашкино озеро — старое русло Камы. По прорыву в половодье вода поступает в него из Камы, которая течет двумя разделенными руслами, хотя поток в Чашкине озере по величине ни в какое сравнение не может идти с потоком в русле Камы. Но в отдаленные времена, когда жили на Чудском селище, он мог быть и гораздо больше. Ощущалось, что русло озера как бы отделилось, отщепилось от русла Камы.

Есть в коми-пермяцких, как и в коми-зырянских говорах, слова с очень древней общепермской основой čaš (чаш) — расщеплять; например, глаголы *чашкавны* — разъехаться в разные стороны, разъединиться, *чашкӧдны* — расщепить, разъединить, *чаштыны* — расщепиться вдоль, лопнуть. Представляется, что древние жители Чудского селища и других поселений поблизости, видя, что озеро отъединено, отщеплено от Камы, должны были именовать его словом с корнем *чаш.*

Кажется естественным, что не от русского прозвища Чашка получило название озеро и все урочище возле него, а от коми-пермяцкого. Получается, что оба топонима — и Чашкино, и Содом — это приспособленные к русскому языку, к его фонетике переосмысленные иноязычные по происхождению слова. Видимо, русское население слышало от своих соседей — коми-пермя-

ков — названия здешних рек (Лёнва, Быгель, Ворга), урочищ (Чашкино), мест, давно оставленных поселений (Содом). Некоторые из них, особенно названия рек, усваивались в исконной, нерусской форме, о чем свидетельствуют многочисленные в Прикамье названия, оканчивающиеся на *-ва: Обва, Сылва, Тулва, Гайва, Лысьва, Лёнва.* Новые поселенцы очень быстро усвоили эти гидронимы в исконном виде и потому, что в Прикамье они были многочисленными, привычными, и потому, что названия на *-ва* могли слышать и в других районах русского Севера. Эта модель названия была привычной, потому и хорошо сохранилась.

Анализ двух топонимов — Чашкино озеро и Содом — рассказывает о многом: и о самой истории названий, и о том, что усвоение русскими местных названий могло происходить только при непосредственном контакте с дорусским населением, причем при мирном сосуществовании людей разных народностей, и такой контакт русских с коми-пермяками в этих местах или в местах, где хорошо знали этот район, должен был существовать. Анализ топонимов говорит и о том, что, раз в древности группы одинаковых коми названий (Лёнва, Содом) существовали на разных, хотя и относительно близких территориях, значит, эти территории каким-то образом были связаны друг с другом. То ли, отделившись по каким-то причинам, ушла часть древнего племени на новое место, а угодья там назвала привычными словами, то ли обе местности заселялись из какого-то третьего источника и на оба новые места принесли старые одинаковые названия.

Рассказ о Чашкине и Содоме дает возможность видеть, что ранние русские говоры в Верх-

нем Прикамье с самого начала своего формирования должны были испытывать и воздействие лексики нерусского населения, проживавшего здесь, хранившего память о древних поселениях и урочищах. Наиболее тесными эти связи у русских в Прикамье были с коми-пермяками, у которых они усвоили многое из местных географических названий, хотя в XV—XVII вв. существовали связи и с другим иноязычным населением: с манси (вогулами), татарами, башкирами. Постоянное общение русских и коми-пермяков привело и к тому, что последние усваивают множество слов из бытовой русской лексики, впоследствии окончательно закрепившихся в коми-пермяцком языке. Об этом следующий рассказ.

Чудь, чуды, чучканы

Древнее поселение у Чашкина озера, на котором вели раскопки археологи, упоминалось в русских памятниках письменности Прикамья уже в XVI—XVII вв. Оно названо в актах того времени Чудским селищем. Но не только в этих актах встречаются названия чудских поселений: городищ и селищ. Сведения о них находятся в различных русских документах Прикамья, причем говорится об этих местах как о заселенных именно в прошлом, а в то время, когда велась запись (XVI—XVII вв.), уже давно оставленных. На это, в частности, указывает суффикс *-ище-* в словах *городище* и *селище,* встречавшийся обычно в словах, называвших места, на которых что-то происходило ранее: *мятище* — место, где раньше мяли, обмолачивали зерно («Починок над Чусовою-рекою, на мятище»), *прудище* — место, где ранее был пруд, *репище* — участок, на котором сеяли репу, *городище* — место, на котором было укрепленное (огороженное) поселение[22], *селище* — место, на котором было неукрепленное поселение.

Чудское городище на реке Усолке называет в писцовых книгах писец Иван Яхонтов (1579), его же упоминает писец Михаил Кайсаров

---

[22] Городища создавали обычно на высоких местах на берегах рек при впадении в них других рек или оврагов, на стрелке. Обрывы к реке, к оврагу были естественной защитой от неприятеля, а с незащищенной стороны возводились оборонительные сооружения из насыпанного вала, укрепленного частоколом, и вырытого перед ним рва. Иногда на пермских городищах встречается 2—3 вала и рва сразу.

(1623). Он же пишет о Чудском городище в устье реки Чусовой. Остатки его и сейчас видны на стрелке, в месте слияния Камы и Чусовой. Правда, в результате подпора плотиной Камской ГЭС вода поднялась очень высоко, и городище уже не выглядит таким высоким и неприступным, как в древности.

В 1614 г. в памятниках отмечается *починок* (вновь основанное поселение, состоящее из одного, реже двух хозяйств-дворов) под Чудским городищем на реке Очер. В 1678 г. несколько деревень на Верхней Каме и ее притоках носили название Чудское городище.

На протяжении многих веков в Верхнем Прикамье передавались легенды о живших на Чудских городищах и селищах древних людях. Причем современные жители расположенных неподалеку от древних Чудских городищ сел и деревень нередко недоброжелательно отзывались об этих местах, считая, что там обитает нечистая сила. Когда в 1953 г., находясь в селе Пянтег, я попросила проводить меня на городище, расположенное в нескольких километрах от села, то многие не советовали идти на это «нечистое» место, чтобы не было потом неприятностей.

Почему же такие древние поселения в Верхнем Прикамье называют чудскими? Почему отношение к этим древним местам недоброжелательное?

Слово *чудской* употребляется в русском языке на обширной территории. Неоднократно ученые обращались к его исследованию, и появилось немало гипотез о его происхождении. Прилагательное *чудской* связано с древним названием соседей восточных славян, именуемых ими *чудью.* О чуди можно прочитать еще в «Повести временных лет», в той части, где перечисляются

племена восточных славян (поляне, древляне, вятичи, радимичи, кривичи, словене и др.) и их соседи. О соседях написано: «А се суть инии языци, иже[23] дань дають Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, печера...»

В разных древнерусских летописях упоминали чудь, жившую по соседству с северными племенами восточных славян — словенами и кривичами: «Во времена же Кыя, Щека и Хорива[24] новгородские люди, рекомыи[25] словене, и кривичи, и меря: словене свою волость имели, а кривичи свою, кождо своим родом владяще[26], а чудь своим родом», «Имаху дань варязи[27], приходящие из-за мория на чуди, на словенях, и на мерях, и на всех кривичах». Иногда *чудь* называли в летописях *чудской землей:* «Той же зиме приходоша вся чудская земля к Пльскову[28] и бишася с ними... а чуди множество избиша».

Итак, в летописи, где говорится о дописьменных временах, упоминается о народе под названием *чудь*, жившем вблизи от новгородцев-словен и от кривичей, т. е. в северо-западной части современной Европейской территории России, и находившемся в тесной связи со славянами: «Реша[29] русь, чудь, словени и кривичи: земля наша велика и обильна». Они находились то в мире, то в раздорах с восточными славянами. Везде они упоминаются наряду с другими неславянскими народами. Видимо, это были фин-

---

[23] А се суть инии языци, иже — а это другие племена, которые.

[24] Кый, Кий — по преданию, основатель Киева, Щек и Хорив — его братья.

[25] Рекомыи — называемые.

[26] Владяще — владел.

[27] Варязи — варяги.

[28] Пльсков — Псков.

[29] Реша — сказали.

ноязычные племена, говорящие на прибалтийско-финских диалектах.

Места обитания этих племен славяне называли чудскими, поэтому понятно существование названий вроде Чудское озеро на северо-западе. Но в Прикамье? Эта территория так далека от мест расселения летописной чуди и никак с ней в том далеком прошлом не связана. Как же случилось, что слово попало сюда?

Слово *чудь,* оформленное в древнерусском языке, как и другие названия нерусских народов (*пермь, корсь, либь, водь, весь, ямь*), видимо, по каким-то причинам приобрело в древнерусском языке новое значение. *Чудью* постепенно стали называть не конкретные финноязычные племена, а вообще далеких исчезнувших предков финноязычных народов, и не только западной (прибалтийско-финской), но и пермской группы, т. е. живших на коми-зырянской и коми-пермяцкой территории. Именно в значении названия исчезнувшего финноязычного народа слово *чудь* распространилось на русском Севере в результате проникновения туда древних новгородцев и было занесено в Прикамье при заселении его русскими.

О древних, уже исчезнувших поселениях на высоких местах русские узнавали от соседей — коми-пермяков — по их многовековым преданиям, а также по находкам различных древних вещей на бывших городищах: бус, подвесок, ножей, стрел, шильев, остатков глиняной посуды. Как и в других районах русского Севера, здесь эти древние поселения стали называть *чудскими,* предполагая, что они принадлежали в прошлом *чуди* — исчезнувшему народу.

Именно от русских слово *чудь* (чуд) попало

в язык коми-зырян[30] и коми-пермяков, которые тоже стали называть им народ, живший, по преданию, на территории коми края и давно исчезнувший. Как показывают историки, на этих местах в далеком прошлом обитали финноязычные (пермские) племена, родственные или даже непосредственные предшественники современных коми.

Предания о древней чуди на территории Прикамья сохраняются и в настоящее время. В деревне Копально Чусовского района записано: «Старое поселение было, кака-то чудь жила, это место и называют городищем. Люди тут раньше жили, сейчас на городище то серьги найдут, то кольцо». В деревне Ирьяк Осинского района: «Топорики маленьки тут выпахивали, старинны очень. Чудские люди жили». Подобных записей по всей Пермской области много.

Однако, попав в различные русские и коми говоры, слова *чудь* и *чудские* претерпевали фонетические и морфологические изменения, а также переосмыслялись — получали новые значения, называли что-то иное, нежели древний исчезнувший народ, хотя и это значение тоже сохранялось. Вокруг слов создавались легенды, которые нередко связывались и со старыми преданиями. Новая лексика, появившаяся на основе слов *чудь, чудской,* была разной в различных районах Прикамья: *чукчи́, цуцки́, чучки́, чучка́ны,*

---

[30] Слово чудь обнаруживается во многих топонимах Коми АССР, где живут коми-зыряне: Чудью (чудская река) — приток Вишеры, протекающей по территории республики; Чудью-вож (чудской приток) — приток реки Чудью; Чудьшор (чудской ручей) — приток реки Ижмы; Чуйднюр (чудское болото) у села Коковицы; Чуйдкар (чудское городище) у деревни Ипать; Чуднöрыс (чудская возвышенность) у села Руч и др.

чýды, чýчи, чýча, цýци, цýца, чудкú, чуткú, чучкарú. Этими словами во многих местах тоже называют таинственное, исчезнувшее население.

Почему же возник целый ряд слов, связанных с существительным *чудь* и прилагательным *чудской?* Слово *чудь* в диалектах Прикамья постепенно связывалось не с обозначением древнего населения, а с глаголом *чудить* и существительным *чудо.* В деревне Акчим Красновишерского района записано: «Вот в обозе ездил Леонтей, говорил: у нас есть это чудь, колдует да чо. Не знаю, насколько справедливо». В Чердынском районе: «Не ходи на городище, чудь там, ну чудится там что-то». В говорах Свердловской области *чудь* — странность, неприятность: «Знаешь, ведь в деревне чуди-то много». Так что в живой речи, в диалектах слово *чудь* как название исчезнувшего народа постепенно утрачивается, а вместо него появились другие названия.

Вот как возникли некоторые из них. Употребление словосочетания *чудские люди* неудобно в разговорной речи, в ней стараются избавиться от двух слов, если можно вместо них употребить одно. Из двух слов остается одно, самое важное — *чудские.* Далее: для пермских говоров характерно так называемое стяжение двух гласных звуков в один (*бегат* вместо бегает, *делашь* вместо делаешь, *красны* вместо красные), и прилагательное *чудские* получает стяженную форму *чудски.* Звук *Д* под влиянием следующего глухого согласного *С* оглушается и переходит в *Т* (чутски), два звука *ТС* сливаются в русском языке в один *Ц* (чуцки). Для северных пермских говоров характерно цоканье, т. е. одинаковое произнесение двух звуков: *Ч* и *Ц.* В одних местах эти звуки произносят как *Ч*

(чоканье) и появляется из *цуцкй* слово *чучкй,* в других произносят *Ц* и появляется *цуцкй.*

В некоторых диалектах теряется суффикс *-к-* (сравни: *печи* — печки, *ночи* — ночки), и говорят там *чучи* вместо *чучки, цуци* вместо *цуцки* или в форме единственного числа: *чуча, цуца.* Иногда, наоборот, не только не теряется *-к-*, но на слово нарастают новые суффиксы: в одних диалектах суффикс *-ан (лобан, старикан, мужлан, горлан, братан),* и появляются названия *чучкан, чучканы,* в других *-арь (главарь, волгарь, дударь, лекарь, дикарь, писарь),* и возникают *чучкарь, чучкари.*

В некоторых диалектах в слове *чучкй* произошла перестановка звуков и стали произносить *чукчй.* Возможно, в какой-то мере повлияло и название современного народа на северо-востоке страны — *чýкчи,* стремление объяснить, с чем-то сблизить старое слово.

Случается, что попытки осмыслить, объяснить слово, связав его с известными, приводят к появлению нового названия. Так, в деревне Пещеры Осинского района высокая гора, на которой располагалось городище, имеет несколько названий: *Кузьмичева рёлка, Копчаг* и *Кучки.* Одно из них легко объясняется самим населением: Кузьмичева рёлка. Рёлкой в говоре называют гору. Там же известны Николина рёлка, Журавлевская рёлка, Максины рёлки. На Кузьмичевой рёлке в прошлом было поле, которое обрабатывал некий Кузьма, потом его сын — Кузьмич. Отсюда и название: Кузьмичева рёлка принадлежала в прошлом Кузьмичу.

Причину возникновения названия *Копчаг* объяснить труднее, но тоже можно. Оно тюркское по происхождению и появилось в татарских

или башкирских говорах, которые широко распространены в Осинском районе. В тюркских языках есть слова: *капчагай* — тесное, глубокое ущелье, по которому течет река, *капшагай* — тонкий, узкий. Видимо, так называло местное тюркоязычное население большой, очень глубокий и узкий овраг (лог) с крутыми склонами, заросшими хвойным лесом. Пришедшие сюда русские восприняли это слово как имя собственное, оно претерпело некоторые внешние изменения (из *капчагай* возникло *копчаг*), и им стали называть не только овраг, напоминающий узкое и глубокое ущелье, но и примыкающую к оврагу гору, на части которой расположено городище.

С подобными случаями перехода названия с одного объекта на другой мы часто встречаемся в топонимике Пермской области: река Ласьва (река равнинного луга) и населенный пункт Ласьва, река Очер (медвежий ручей) и город Очер. В деревне Пещеры — лог Копчаг, и гора рядом с ним — Копчаг. Причина появления имени собственного забылась, и даже само название лога начинает уходить: его чаще в Пещерах и окрестных деревнях называют Большим логом. Но все-таки среди разных наименований горы, на которой расположено городище, еще сохраняется старое — *Копчаг:* «Копчаг, где копаете. И дальше туда Копчаг — ямисто место с километр от раскопу. Еще Большой лог говорят».

Сложнее с установлением причины названия горы *Кучки́:* «Кучки́, где копаете, лес да пашня тут от Кучко́в пойдет». Ключ к разгадке этого топонима видим в рассказе о городище: «На Кучка́х жили каки-то чукчи́». Действительно, на городище и около него в далеком прошлом, судя

по данным археологии, обитали финноязычные (пермские) племена. Их, мы уже знаем, называют *чудью* и другими родственными словами, в частности, *чучки́* и *чукчи́*. Слова эти в представлении жителей окрестных деревень не связываются ни с какой другой знакомой лексикой, с помощью других слов не объясняются. Вот и происходят изменения: вместо *чукчи́ — кучки́*. Это приводит к тому, что название начинает хотя бы отдаленно напоминать знакомые русские слова (*ку́чи, ку́чки*), правда, ударение сохраняется старое: *чудски́* (из чудские люди) — *чутски́ — чуцки́ — чучки́ — кучки́.*

В ряде случаев развитие названия древних людей прикамских городищ шло другим путем. *Чудь* — существительное собирательное единственного числа (чудь — она). А для названия многих людей в говорах обычно используются слова множественного числа. Такие слова появились: *чуди, чуды*, а с суффиксом *-к-* — *чудки*.

Трудно сразу увидеть, что многочисленные названия жителей древних городищ (*чучки́, цуци́, чучкари* и др.) связаны между собой и со словами, от которых возникли (*чудь* и *чудской*). Но если учесть те фонетические и морфологические изменения, которые могли произойти в словах пермских говоров, то установить связи и пути развития этих слов совсем не сложно.

Считалось, что древние люди были дикими, темными, отличались отсталостью, и появилось новое значение слов *чуди, чучканы, чучкари* — отсталые, необразованные, невежественные люди: «Мы ведь чуди были. Что мы знали?», «Раньше-то мы как чучканы жили, нечо не знали, нечо не понимали», «Дикие, как чучкари,

раньше жили, не смели ничего, кромя отца[31], сделать, нечо не знали, не учились дак».

Чучей стали называть грязного, неряшливого человека. Это слово в уральских говорах употребляется и в другом смысле — всякая всячина, мелочь, что-то незначительное («Дома строил да чучу всякую»), неприятность («Из Свердловска ехали, никакой чучи не было»). Иногда слово *чуча* употребляется как бранное: «Чуча тебе в руку» или «Чуча бы тебя взяла!».

В соликамских говорах междометие *чучо* известно при передаче удивления («Зинка-то уж наездилась, вечор домой приехала. — Чучо, робята») или несогласия с чем-либо («Никуда ты седни не собирайся, не пойдешь никуда. — Чучо».)

Итак, слова *чудь, чудской* явились основой для целого ряда других слов пермских говоров. Вся «чудская» лексика обрастала различными легендами. Одна из легенд в основе своей была принесена при переселении русскими, правда, в разных местах существовали разные ее варианты.

В ней говорится о том, что древняя чудь, селившаяся на высоких горах и мысах по берегам рек (как раз в таких местах, где остались городища), была представлена высокими и сильными людьми. Чудские девушки были красивы, чернобровы, их косы свисали ниже колен. Это был гордый народ, стремившийся устоять против врагов. Чудь укрепляла свои городища, но, опасаясь недругов, богатства свои прятала в лесу.

Узнала чудь, что надвигается на нее страш-

---

[31] Кромя отца — без разрешения своего отца.

ное несчастье, идут полчища сильных врагов[32], и решили храбрые и гордые люди не сдаваться, умереть своей смертью. Они вырыли глубокие ямы, поставили в них столбы, а поверх положили плахи или бревна и засыпали их землей. Когда эти срубы были готовы, все чудские люди забрались в срубы. Столбы подрубили, настил с земляной насыпью рухнул, и вся чудь оказалась погребенной. Так исчез древний народ.

В различных вариантах эта легенда, принесенная в Прикамье с русского Севера и с территории, где жили коми-зыряне, живет и у русских, и у коми-пермяков. Трудно сказать, какие события послужили ее основой, что заставило жителей Прикамья принять ее. Может быть, то, что позднее население находило древние могильники с бревенчатыми срубами, может быть, то, что на городищах видели следы бревенчатых укреплений: вал могли насыпать между двумя рядами частокола, а земля между бревенчатыми стенами наводила на мысль о рухнувших срубах и о гибели людей под ними. Находили и древние клады в лесах, на пашнях, где сводили лес, и считали, что клады эти должны быть оставлены чудью. Может быть, дошли до нашего времени несколько измененные, окрашенные легендами свидетельства о том, как тюркское население древней Булгарии, расположенной на территории современной Татарской АССР, проникало далеко на север, в Прикамье, и теснило пермские племена, которые жили тут по рекам, а прятались от врагов на защищенных городищах.

Возникали в Прикамье легенды и совсем другого рода. В них говорится о том, что жили

---

[32] В других вариантах — мор, болезни.

здесь некогда в полуземлянках очень маленькие люди — чуды. Они всего боялись и старались прятаться в густых зарослях. Они были настолько малы, что в траве прятались, как в лесу, а, убирая урожай злаков, которые выращивали, использовали шило вместо серпа. Однажды нашли чуды настоящий серп и очень испугались, приняв его за чудовище. Одни из них спрятались, а другие решили избавиться от серпа, утопив его в реке. С трудом дотащили его к берегу реки, положили в маленькую лодку, сели в нее сами и выехали на середину реки. Но тяжелый серп перевернул лодку и утопил всех чудов, которые в ней были. Остались в живых только те, кто успел спрятаться.

В других вариантах от маленьких чудов пошли злые духи. В этих легендах маленькие чуды тоже нашли серп, но, когда стали поднимать его, он упал и убил одного из них. Выскочили из его утробы разные гады и разбежались: в лес, речку, баню, под овин. От них пошла всякая нечисть: леший, водяной, банник (банный чуд), овинник (овинный чуд).

Были ли какие-то основания для появления легенд о маленьких людях древности? Возможно, причиной возникновения таких легенд были находки на чудских городищах и селищах так называемых вотивных вещей — очень маленьких металлических серпов, топориков, а также маленьких сосудов. Все эти вещи использовались в далеком прошлом как ритуальные, для жертвоприношений.

Легенды о маленьких чудах связаны с различными языческими поверьями русских и коми-пермяков. Эти поверья существовали очень долго, на протяжении многих столетий даже после крещения и борьбы церкви с язычеством. Древ-

ние языческие поверья можно услышать и сейчас в некоторых деревнях Прикамья. В Чердынском крае рассказывают о мифологических существах, которые живут в темноте, банях, овинных ямах, мельницах, конюшнях, около проруби, в лесу. Они могут причинять множество неприятностей: запутать путника так, что он потеряет дорогу, увести к проруби, задушить (угаром) в бане, запутать гриву лошади.

В коми-пермяцкой мифологии их называют чудами, русские в Верхнем Прикамье называют такое мифологическое существо мужского пола словом *суседко,* а женского — *суседиха.* Суседко и суседиха живут рядом с людьми. Это домовые за печью, в бане, подполье (голбце), конюшне, сарае. Несчастья, неудобства, которые могут возникнуть там, приписываются действию этих существ. Вот, например, записи в Соликамском районе Пермской области: «У мамы большая коса была, а суседко путал ночью, — захохлится и растеребить нельзя», «Увидишь во сне, суседиха подавит, ровно как, вроде, навалится на тебя — тяжело станет, а крикнуть не можешь».

Вера в существование такого рода домовых, называемых словом *суседко*, известна и на русском Севере, и повсюду на Урале. На Урале сделаны записи, в которых говорится о домовом, называемом словами *суседко* («Раньше нас стращали: вон, говорят, суседко», «Я видела как-то суседка, серый такой, под вид хомяка», «Суседко ростичком как котенок», «Котору любит лошадь суседко, той и наплетет кос на хвосте»), *соседко* («Девки! Ужинать, а то соседко рубаху порвет»), *соседушко* («Батюшко-соседушко, люби мою скотинушку», — говорят при переселении в новый дом), *соседушка-букануша* («А когда переезжаешь в новый дом, обязательно го-

воришь: соседушка-буканушка, иди с нами жить»).

О домовом, которого называют *суседко,* рассказывают и в деревнях Сибири.

Слово *суседко* — очень древнее, о чем говорит старая приставка *су-*, встречающаяся в различных древнерусских и старых диалектных словах: *супруги* (буквально: запряженные вместе, рядом), *сутки* (день и ночь, текущие вместе), *суболоть* (место рядом с болотом), *суглинь* (почва вместе с глиной), *суземье* (лес, расположенный за (рядом) с возделываемой землей), *супрядки* (прядение вместе — собрание женщин в доме одной из них для того, чтобы прясть для хозяйки) и т. д.

Корень в слове *суседко -сед-* (ср.: седло). *Суседко* — сидящий, находящийся, живущий рядом — в избе (за печью, в подполье, на чердаке), хлеве, бане, сарае.

Такие мифологические существа назывались и чудами. Но чуды не только в избе и на дворе. Они и в лесу, и в поле, и на реке — недобрые духи, причиняющие несчастья.

Так старые русские слова *чудь* и *чудской* изменились в пермских говорах внешне и приобрели нередко новые значения, связанные с отражением старых, языческих поверий. Так как поверья, связанные с чудами, предсказывают людям всяческие несчастья, то и посещение старых, чудских мест, поселений, по уверениям старожилов, нежелательно, потому что может привести к чему-то недоброму.

⁂

Изба о два жира

Изучающие историю русских говоров Прикамья стараются использовать все возможные источники реконструкции, т. е. восстановления древней лексики, в частности слов, которые звучали в разговорной речи прошлого, но со временем исчезли. Мы не находим их ни в современных говорах, ни в памятниках письменности XVI—XVII вв., ни в произведениях устного народного творчества: не все слова, которые звучали в живой речи, попали в памятники или в фольклор. Чтобы слово вошло в древний документ, песню, сказ и т. д., речь должна идти о названном им предмете, действии, а документы и фольклор не охватывали всех сторон жизни. Потому в тексты попала только часть лексики живой речи. Не все старые слова сохранились и в говорах, потому что говоры живут, развиваются, подвергаются изменениям.

Существуют такие важные источники, которые позволяют установить многие из слов русской разговорной речи жителей Прикамья прошлых эпох, отсутствующие в говорах Пермской области, а подчас неизвестные и в памятниках письменности и фольклора. Один из таких источников — нерусские языки, функционирующие в Прикамье, особенно коми-пермяцкий, связи с которым очень древние и очень прочные.

Пришедшие в Прикамье русские селились подчас рядом с коми-пермяками, постоянно общались с ними. Шла торговля, у коми распространялась христианская религия, возникали

русско-коми-пермяцкие браки, и дети нередко были двуязычными. Это соприкосновение русского и коми населения приводило к обоюдному заимствованию слов. В частности, в коми-пермяцком языке появились многочисленные заимствования слов как общерусских, так и диалектных северно-русских, занесенных сюда первопоселенцами с севера европейской части России.

Исследователи сталкиваются с тем, что из русских говоров эти старые диалектизмы с течением времени исчезли, а в языке коми сохранились. Такие сохранившиеся в коми-пермяцком языке русские по происхождению слова являются поистине бесценным источником для восстановления лексики старых русских говоров Прикамья. В 1985 г. вышел в свет «Коми-пермяцко-русский словарь», составленный Р. М. Баталовой и А. С. Кривощековой-Гантман. Он включает 27 тыс. слов, т. е. основную лексику коми языка. В нем зафиксировано значительное количество заимствованных в прошлом диалектных русских слов.

Одно из таких отмеченных в словаре старых заимствований — слово *жир*. Русские употребляют его, называя сало или масло. Жирный для нас — содержащий много сала или масла. В коми-пермяцком языке, как свидетельствует словарь, тоже есть слово *жир,* но называют им жилое помещение, комнату, класс, аудиторию. В коми-зырянских говорах слово *жир* тоже обозначает комнату, спальню.

Что это — случайное совпадение никак не связанных слов разных языков? Оказывается, нет. Помогают установить это русские памятники письменности Прикамья XVII в., в которых словом *жир* называли помещение внутри избы, кле-

ти[33] или на одном из этажей избы. В кунгурских документах нередко перечисляются все строения какого-либо описываемого или продаваемого двора-усадьбы: «Двор: изба о два жира с сеньми, а перед избою клеть о три жира», «Да против избы клетишко об одном жиру». О том, что *жир* — это помещение на одном из этажей, говорят документы, описывающие имущество, хранящееся либо в нижнем, либо в верхнем этаже клети: «Клеть елевая ж о дву жирах, в исподнем (нижнем. — *Е. П.*) жиру в двух закромах ярицы (яровой пшеницы. — *Е. П.*) по смете четвертей с двадцать», «Против той избы клеть на погребу о два жира. В той верхней клети пожитков его зипун сермяжной, кожан телятинный на подкладе, шестнадцать овчин деланных, две шубы овчинные, сарафан кумашной поношенной, коробка окованная с нутреным замком. Да в нижней клети хлеба: двадцать четвертей овса, осмина солоду, осмина муки яшной, два пуда сала говяжья соленого, осмина муки овсяной, полтора пуда масла коровья».

Получается, что слово *жир* существовало в русских говорах Прикамья XVII в. как название помещения, этажа, а сейчас его с этим смыслом нет. Так получилось потому, что слово *жир* в русском языке имело богатую историю развития значений.

Видимо, в далеком прошлом это было общеславянское слово, связанное по происхождению с глаголом *жить* (у них общий древний корень *-жи-* и уже знакомый нам древний суффикс *-р*). *Жиром* называли то, что необходимо для жизни — корм, пищу. В этом значении слово *жир*

---

[33] Клеть — срубная постройка без печи, предназначенная обычно для хранения имущества.

известно и сейчас в различных польских, чешских, словацких, словенских и других говорах славянских языков, в которые пришло из общеславянского. С таким смыслом пришло оно и в древнерусский язык.

Постепенно шло развитие старого смысла слово *жир* в древнерусском и русском языке в разных направлениях: корм — пастбище, на котором корм, — пастбище — богатство, включающее пастбище, — богатство — богатство, включающее имущество, — имущество — помещение, где хранят имущество, — помещение — помещение на одном из этажей — этаж. Два последних значения фиксируются в пермских документах XVII в.

Слово *жир,* называющее помещение, было широко распространено в различных северно-русских говорах. Именно оно и попало в коми-пермяцкие и коми-зырянские говоры, в которых сохраняется и развивается дальше: *жир* — не только помещение вообще, но и такое конкретное помещение, как класс, комната, спальня.

На основе значения «этаж» в северных русских говорах появилось слово *двужирный* — двухэтажный. *Двужирный* — прилагательное, хорошо известное не только в говорах, но и в специальных языках архитекторов, этнографов, в которые пришло как термин из живой речи. Описывая большие двухэтажные деревянные избы, повторяя местные названия их, архитекторы, этнографы обычно называют их *двужирными.*

Другое направление развития — корм, пища — привело в итоге к значению, которое используется сейчас в литературном языке и говорах, когда *жиром* называют сало, масло. *Жир* в этом значении распространялось все более и вытеснило старое древнерусское название сала *тук.*

Правда, образованное от последнего прилагательное *тучный* сохранилось, но стало более общим, характеризующим нечто крупное, большое, обильное (тучный человек, тучные стада). Прилагательное *жирный*, напротив, сузило свое старое значение и стало характеризовать что-либо, содержащее масло, сало (жирная свинина, жирная рыба).

Особенно ценны для лингвистов русские по происхождению слова коми-пермяцкого языка, которых нет сейчас ни в русских говорах, ни в памятниках письменности. Таково слово *кудеяр* — ряженый на свадьбе. Его знают пожилые люди, владеющие северным коми-пермяцким диалектом. *Кудеяр,* по старому обряду, должен был на свадьбе своим видом и действиями развлекать участников свадьбы, иногда пугать их. Он мог изображать медведя, духов. По-видимому, в коми-пермяцкое слово *кудеяр* пришло из русских говоров Чердыни в очень отдаленные времена.

Из русских говоров в коми-пермяцкие попали и некоторые другие названия участников свадьбы: *седач* — сват, *вежливец* — человек, который должен был быть распорядителем на свадьбе, оберегать молодых от «дурного глаза» и всяческой порчи. О вежливце рассказывается, например, в кунгурском документе 1705 г.: «Аника Детлев на той свадьбе у него, Родиона, был в вежливцах. А для обороны де с собою на тое свадьбу, чтобы его, Родиона, и жену его сторонние люди не испортили, имал громовую стрелу да святую траву». В современном литературном русском языке слова *вежливец* нет, но оно долгое время было известно в говорах Прикамья и Сибири. Именно как о пермском и сибирском слове пишет о нем в своем замечательном словаре

В. Даль: «*Вежливец* — почетное название колдуна, знахаря, который на всех свадьбах занимает первое место, оберегает свадьбу, особенно молодых, от порчи и распоряжается всем; он бывает нестерпимо груб и сидит в шапке»[34]. Упоминаются вежливцы и в описаниях коми-пермяцкой свадьбы XIX — начала XX в.

Слово *вежливец* явно заимствовано коми из русского языка. Оно, как и аналогичные существительные из других говоров, называвшие колдунов, распорядителей на свадьбах, родственно глаголу *ведать* — знать, т. е. *вежливец* — ведающий, знающий, знахарь.

От русских пришло к коми и слово *кудеяр*, происхождение которого весьма интересно. Оно было известно различным говорам русского языка, но встречается и как имя в русском фольклоре. Народные песни XIX в., особенно поволжские, хранили память об атамане разбойников Кудеяре. Имя Кудеяр было известно в центральной и южной России: в Тамбовской, Саратовской, Курской, Орловской, Тульской, Калужской губерниях. В легендах это имя приписывалось татарскому сборщику податей во времена монголо-татарского ига.

Появление самого имени ученые объясняют воздействием на русский одного из тюркских языков[35], в который оно попало, как полагают ученые, в древности из персидского, где было kudai — бог, yar — друг, возлюбленный.

Возможно, это было действительно тюркское имя, которое проникло непосредственно из тюркских говоров в коми-пермяцкие и стало по какой-то причине словом нарицательным. Но не

---

[34] Даль, 1, 330.

[35] Тюркские языки: татарский, башкирский, булгарский, турецкий, казахский, киргизский, узбекский и др.

исключено, что путь этого слова в коми-пермяцкий язык шел через русский.

Чтобы слово перешло из имен собственных в нарицательное, получило определенное значение, необходима какая-то причина, толчок. Такой причиной мог быть в данном случае внешний облик слова — общий корень *-куд-* с целым рядом древних русских и общеславянских слов, например, со словом *кудесник*. У Пушкина в «Песне о вещем Олеге» читаем:

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях проведший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег:
— Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?..

Кудесник — колдун, предсказатель судьбы, *кудесить* — колдовать, заниматься ворожбой, *кудесный* — колдовской. Много веков тому назад предсказания кудесников были особым ритуалом с определенными действиями и особым внешним видом колдуна, его нарядом. Все это — наряд, действия, обстановка, в которой действия колдуна совершались, — должно было производить неизгладимое впечатление на слушающего, чтобы он обязательно поверил в исключительность, силу колдуна и в его предсказания.

Слова с корнем *-куд-* существовали еще в праславянском языке, т. е. во времена язычества. После принятия христианства церковь боролась с проявлениями язычества, в частности с колдовством. В это понятие входили разного рода заговоры, лечение травами, кореньями. В пермских памятниках письменности XVI—XVII вв. встречаются документы, запрещавшие

произносить присушные, приворотные слова, заговоры, собирать, хранить и использовать для колдовства, «для волховства или волшества» травы и коренья. Так, в царской грамоте, направленной в 1654 г. в Чердынь, говорилось: «Велено сыскивать всякие еретические дела: и заговоры, и травы, и коренья. Где отыщется в Перми Великой в Чердыни и в уезде, и присылать те еретические дела к государю, к Москве. И вам бы в Чердынском уезде в Кульчужском стану про такие дела сыскивать накрепко».

Тем не менее заговоры, колдовские действия, или, как тогда писали в деловых актах, «волшество», «волховство», постоянно упоминаются в пермских документах XVII—XVIII вв. Тех, кто занимался «волшеством», заговорами, предсказаниями, называли *волхитами* и *волхидами,* а в далеком прошлом — *волхвами.*

Официальное преследование колдовства и колдунов привело к изменениям в употреблении слова *кудесник* и однокоренных с ним слов. Они сохранились во многих говорах, но приобрели новый смысл. *Кудесником, кудешником, кудесом* стали называть ряженого, проказника, скомороха, лицедея, словом *кудешная* — действия скомороха, лицедея.

В русских говорах произошло сближение двух слов: *кудесник* и *Кудеяр.* Имя Кудеяр стало нарицательным и использовалось вместо названия ряженого. Затем слово *кудеяр* — ряженый — проникает в северные коми-пермяцкие говоры и закрепляется в них.

Некоторые современные коми-пермяцкие слова позволяют реконструировать целые группы лексики, существовавшие в прошлом в русских говорах Верхнего Прикамья и исчезнувшие впоследствии. Например, термины *кинович* — отче-

ство мужчины и *киновна* — отчество женщины — помогают установить некоторые формы отчеств, употреблявшихся, по-видимому, в живой народной речи.

Привычный для современных людей термин *отчество* как именование по отцу (Алексеевич, Петрович, Николаевна, Васильевна) распространился в русском языке лишь в XVII в. До этого были именования по отцу (Добрыня Никитич, Игорь Святославич) и их общие названия: *прозвище, назвище, прозванье.* В деловой речи в XVI в. появился официальный термин *вич.* В это время даже издавались царские указы о том, кому из дворян персонально можно именоваться «с вичем», т. е. отчеством в форме Иванович, Петрович, Алексеевич, Андреевич.

Из общей концовки всех мужских отчеств и родился термин *вич.* Когда писали указы об именовании женщин-дворянок, тоже использовали термин *вич,* но уже как название женского отчества типа Андреевна, Петровна: «Буде кто напишет думного дворянина жену без вича, и на тех людях править бесчестие[36]». Таким образом, слово *вич,* оторвавшись от мужских отчеств, стало названием по отцу всех лиц высокого социального положения.

В XVI в. именоваться с *вичем* могли только представители правящей верхушки — князья, бояре, отдельные дворяне. А как же именовали каждого из остальных жителей России, которые составляли подавляющее большинство: крестьян, ремесленников, купцов, стрельцов, солдат и т. д.? Андреев сын, Петров сын, Никитин сын, Андреева дочь, Петрова дочь, т. е. притяжательным

---

[36] Править бесчестие — штрафовать за оскорбление.

прилагательным от имени в сочетании со словом *сын* или *дочь*. Если мужское имя оканчивалось на согласный звук, к нему прибавлялся суффикс *-ов* (Петр — Петров), если на *-й*, то суффикс *-ев* (Андрей — Андреев), а если имя оканчивалось на *-а*, то суффикс *-ин* (Никита — Никитин, Кузьма — Кузьмин).

Существовала в официальных русских документах XVI—XVII вв. и еще одна особенность именований крестьян и горожан, не принадлежавших к высшим сословиям. Их официально называли именем с суффиксом *-к(а)*: Ивашка, Гришка. Такие именования были широко распространены и в официальных документах, и в неофициальной речи жителей Прикамья XVI—XVII вв. и попадали в коми-пермяцкий язык. Когда коми-пермяки при крещении получали полные канонические имена, то в качестве неполных к ним выступали обычно русские бытовые имена на *-к(а)*. Они попадали и в коми-пермяцкие топонимы — географические названия. На карте Коми-Пермяцкого округа немало названий вроде Сенька-Шор (ручей Сеньки), Ванька-Шор (ручей Ваньки), Юрка-Вож (Юркин приток).

В русском языке от таких уменьшительных имен возникали притяжательные прилагательные с суффиксом *-ин:* Алешкин, Ванькин, Федькин. От неофициальных имен (Петька, Мишка) появлялись формы Петькин сын, Мишкин сын. Вместо официального *сын* здесь могли употребить слово *вич, ович* или *овна.* Появлялись новые именования по отцу: Ванькинович, Петькинович, Мишкинович, Ванькиновна, Петькиновна, Мишкиновна. Концовки таких именований — *кинович* и *киновна* — и стали терминами, называющими отчество.

Именование по отцу (отчеству) пожилых, уважаемых людей — старая русская традиция, встречающаяся еще в древнерусских текстах. В «Слове о полку Игореве» автор называет жену князя Игоря не по имени — Ефросиньей, — а по отцу — Ярославной. Другую княгиню — жену Буй-Тура Всеволода, брата Игоря, он именует не Ольгой, а Глебовной. До сегодняшнего дня в говорах и городском просторечии живут именования по отцу: Петрович, Денисыч, Павловна, Николаевна.

Однако сами формы отчеств могли быть в разных местах в живой речи различными. Возможно, существовали в каких-то говорах в Верхнем Прикамье и такие, которые оканчивались на *кинович* и *киновна:* Мишкинович, Петькиновна. Но в официальном языке и говорах давно утвердились современные литературные отчества.

Изучение лексики коми-пермяцкого языка позволяет восстановить немало русских по происхождению слов. Преимущественно это лексика, отражающая быт, например, названия предметов одежды, их частей, украшений: *брыжжи* — оборка, *дубас* — сарафан из крашеной (дубленой) ткани, *запон* — передник, фартук, *подув* — подол, *покром* — пояс, *пристежь* — бусы. Из русского языка пришли многие названия предметов, явлений быта, действующих лиц, обрядов: *беремё* — охапка, *вешняг* — подъемный заслон в плотине, *голик* — веник без листьев, *горбуша* — коса с короткой ручкой, *дружок* — пара ведер, *дупля* — долбленая кадка, *заборка* — перегородка в избе, *залавка* — стол, *заплот* — забор, *кашник* — горшок, *клетка* — способ укладки дров, *морёнка* — брага, *налевка* — ковш, *павужн* — обеденное время, *седач* — сват.

Были восприняты многие русские диалектные географические термины: *бечева* — низкий берег реки или озера, *веретя* — сухая гряда на болоте, *визир, визирка* — просека в лесу, *волок* — лесная гужевая дорога, *елушник* — ельник, *материк* — возвышенность, покрытая хвойным лесом, *мыс* — холм, *палёж* — участок выгоревшего леса, *росстань* — место разветвления дороги (расставания).

Немало было усвоено коми-пермяками и таких русских слов, которыми отрицательно характеризовали, обзывали людей за их недостатки, внешние особенности: *ашный* (из алчный) — прожорливый, *бачаляга* — хромоногий, *баян* (от баять) — говорун, *верзень* — верзила, *жила* — скряга, *жолвак* — обжора, *зимогор* — бродяга, *мижуй* — медлительный, недалекий и др. Часть обзывных слов исчезла из русских говоров Прикамья, и фиксация таких заимствований в коми-пермяцком языке важна для реконструкции этого утраченного звена лексики русского языка.

По заимствованным русским словам можно установить ту форму, в какой они употреблялись в живой русской речи: *завид* — зависть, *замор* — хворь, болезнь, *зык* — шум, *надея* — надежда, *опас* — опасность, *принуд* — принуждение.

Конечно, заимствованные русские слова подвергались фонетическим изменениям в соответствии с законами коми-пермяцкого языка. Так, в соответствии с *Ц* в них стал звучать звук *Ч*: *говбеч* из русского голбец — подполье, *губнича* из губница — грибная похлебка, *зöрнича* из зарница — утренняя заря, *косича* из косица — висок, *сельнича* из сельница — лоток для просеивания муки. В русских архаических говорах Верхнего Прикамья существовало чоканье — употребление звука *Ч* вместо *Ц*. Так что какие-то

из этих слов могли уже с *Ч* попасть к коми-пермякам.

В заимствованиях происходили не только фонетические изменения. В новом языке слова начинали жить своей жизнью, в некоторых из них появлялись новые значения. Так, в русских диалектах Верхнего Прикамья жили слова *рамень, раменье, рамене,* называвшие густой, труднопроходимый, обычно хвойный лес («Тут рамень — темный лес; ни поляны там, ни солнышка»). В коми-пермяцких северных говорах тоже существует заимствованное слово *рамень,* но называют им сырое место, т. е. в нем развилось новое значение. Правда, в других говорах коми языка есть и слово *раменнё* (из *раменье, раменьё*), обозначающее высокий строевой лес, более близкое по значению исконному русскому слову.

В русских говорах Верхнего Прикамья XVI—XVII вв., как и вообще в русском языке того периода, жили слова *хоромы* — жилые и хозяйственные строения крестьянского двора — и *хоромина* — отдельная жилая или хозяйственная постройка (дом, изба, клеть). В чердынском документе XVII в. читаем: «А воеводскую дворовую поделку, которая хоромина или городьба будет ветха, велено им, чердынцам, поделать». В соликамском акте: «А во дворе хором: изба наземная да две клети». Распространено было и прилагательное *хоромный* — относящийся к хоромам, предназначенный для хором: «Переписывать у них в Чердыни на посаде и в уезде дворы, и люди, и всякое хоромное строение», «А лес нам вымати (рубить. — *Е. П.*) хоромной и судовой».

Проникнув в коми-пермяцкий язык, слово *хоромина* изменилось и в фонетическом отноше-

нии (стали произносить *коромина,* т. к. в древности в коми-пермяцком языке не было звука *X*), и в значении: им стали называть не только отдельную постройку, но и крышу. Дело в том, что в прошлом в русской и коми-пермяцкой деревне Верхнего Прикамья крыша в строениях играла очень большую роль, старались, если позволяли возможности, покрыть общей крышей весь крестьянский двор: избу, клеть, хлев, амбар. Так было удобнее вести хозяйство: в любую погоду можно было, не одеваясь специально, выйти из избы к скоту, принести ему сено, сходить в амбар. Такой двор было легче содержать в чистоте, его не нужно было вычищать от снега зимой. Постепенно в коми говорах словом *коромина* стали называть не только отдельную постройку, но и крышу: и общую над всем двором, и принадлежащую отдельно стоящей постройке.

Реконструируя на основе материалов коми-пермяцкого языка старую лексику русских говоров Верхнего Прикамья, лингвистам приходится учитывать возможные изменения смысла слов, подходить к восстановлению старой лексики русских диалектов очень осторожно, принимать во внимание и обратный процесс — заимствование русскими говорами коми-пермяцких слов. Они есть и в современных диалектах Верхнего Прикамья, и в памятниках письменности Перми Великой и Соли Камской. Например, в ряде чердынских юридических документов XVII в., фиксирующих кражи, упоминаются *пелькиши* или *пелькищи:* «Судное дело за пелькищи серебряные в двадцати алтынех», «Судное дело... за украденные пелькиши, и за котел, и за топор». Что же называли *пелькишами* или *пелькищами?* В коми-пермяцком языке есть слово *пелькыт<u>ш</u>* —

серьга. Присутствие его одновременно и в коми, и в русских говорах (правда, с некоторыми фонетическими различиями) говорит о том, что какой-то из языков заимствовал его у другого. Как установить, какой именно? Надо поискать однокоренные слова в каждом из языков. В коми-пермяцком есть слова *пель* — ухо и *кытш* — круг, кольцо. Отсюда *пелькытш* — кольцо в ухе, серьга. Явно слово *пелькиши* — русское заимствование коми-пермяцкого слова. Разное написание свидетельствует о том, что писцы пытались приспособить это заимствование к русской фонетике, русской орфографии. Возможно, *пелькишами* в памятниках называли не любые серьги, а определенной формы (например, в виде кольца): ведь наряду с пелькишами в чердынских документах XVII в. упоминаются и серьги-двоенцы, т. е. с двумя подвесками.

В соликамском документе встречается название *сорд*: «Тому Роде (Родиону. — *Е. П.*) пожни, присадные места, кошебные места на Бадьякиче, над Велвою-рекою, опричь сорда». Что же это за место такое — *сорд?* Из данных истории русского языка объяснить значение и происхождение слова *сорд* невозможно. Но, видимо, оно существовало давно в коми-пермяцком языке (хотя и исчезло, сохранившись лишь в топонимах — д. Сордва в Кудымкарском районе), т. к. отмечается в родственных коми-пермяцкому языках — коми-зырянском (*сорд*) и удмуртском (*сурд*). В удмуртском им называют рощу. Видимо, и в приведенном выше отрывке из русского документа, написанного в XVII в. в Соли Камской, оно тоже называло рощу.

Итак, связи разных языков в Прикамье дают очень интересные материалы для историков языка. Особенно ценны они для реконструкции в

том случае, когда слово исчезло из говоров, давших его (вспомните: *жир, кудеяр*), но сохранилось в говорах принявших. Поэтому и возможно использовать соседние языки, говоры для восстановления утраченных звеньев лексики русских диалектов.

Таким образом, в лексике русских и коми-пермяцких говоров Верхнего Прикамья хранится память о старых, мирных, бытовых связях русских жителей Чердынской земли и Соли Камской с коми-пермяками, о чертах сходства в хозяйственном укладе и некоторых обрядах в прошлые эпохи.

⁂

Заимка в городе и фамилия Векшин

Каждый раз, когда я рассказываю студентам-филологам о происхождении неофициальных названий различных мест в Перми, спрашиваю о том, как называют старожилы территорию, на которой расположен Пермский университет. Многие знают — Заимка, а почему так названо это место, ответить обычно затрудняются.

Однако ответ существует: *заимкой* называли в Прикамье, как и во многих местах России, участок земли, занятый кем-либо под хозяйственное угодье (для покоса, выпаса скота) или даже под крестьянский двор. В такой двор входили жилая изба, хозяйственные сооружения (клеть, сарай, хлев, баня), огород. Нередко к нему примыкали участки для пастьбы скота и для пашни. Находилась заимка, как правило, на значительном расстоянии от населенного пункта. Иными словами, это был хутор.

Видимо, и на месте, где стоит сейчас университет, мог находиться в прошлом такой хутор, появившийся тогда, когда город, начинавшийся от Егошихи и Разгуляя, был маленьким и между ним и Заимкой было несколько километров. Затем город разросся, дошел до Заимки, поглотил ее и пошел расти дальше. Исчез одинокий двор с угодьями, а название сохранилось. Выросли корпуса университета, а слово *заимка* продолжало жить в народной речи. Правда, давно уже стало это слово именем собственным, и значение старого географического термина *заимка* просто многими забыто.

Возник же некогда этот термин на основе глагола *заимать, имать* — брать, занимать.

Однако не исключено, что история слова *заимка* в Перми уходит в очень далекие времена, когда не было тут никакого поселения, одинокого хутора. Дело в том, что есть у этого слова в различных русских говорах и другие значения: речной залив, место, занятое водой, участок реки, запруженный с двух сторон, запруда. Может быть, существовала какая-то очень старая связь с одним из таких значений: у Заимки протекала река Данилиха, и место здесь было сырое, болотистое, «занимавшееся» водой в половодье.

Возможно и другое. Слово *заимка* как географический термин распространилось в пермских говорах не раньше XVIII в. До этого времени оно употреблялось обычно как название взятия чего-либо в долг. Например, в кунгурском акте XVII в. так называли взятие в долг денег: «Челобитная по заемной кабале в недоплатных деньгах в четырех рублех заимки его Яковлевы. И в той заимке по той заемной кабале он, Яков, на Кунгуре... допрашиван».

В XVII в., когда города Перми еще не было, но уже существовали различные русские поселения на его будущей территории (деревни Брюханова, Костарева, Субботина и др.), в памятниках письменности Прикамья использовалось другое слово — *займище.* Оно пришло в пермские документы из разговорной речи. *Займище*— это место, занятое под хозяйство кем-либо, хутор, заимка: «Деревня Левонтьевская или Мальгина, что было займище Кондрашки Леонтьева на Оринине селище», «Починок Тетерин на реке Каме, что было займище посадского человека Гришки Иванова».

Но *займищем* называли, кроме того, и низкие

болотистые места, пойменные луга, заливаемые (занимаемые) водой в половодье: «Купили они пустошь прозвища у Поспелки Двинянинова с пашнею, и с росчистыми, и с займища — с лугами, и с рыбными ловлями, и с озеры».

Слова *заимка* и *займище,* несомненно, связаны между собою и общим корнем, и значением. Вполне могло быть, что некогда места у Данилихи называли *займищем* потому, что они были сырыми, болотистыми, заливаемыми в половодье. Немало пришлось навозить земли и прокопать канав, чтобы осушить, приспособить это место под постройки, под ботанический сад университета. Постепенно слово *займище* сменилось однокоренным *заимка,* и в таком виде название этого места дошло до нашего времени.

В пермских памятниках и диалектах можно отыскать немало и других слов, которыми в разное время называли однодворки, выделившиеся из какой-либо деревни. Долгое время их называли *починками,* термином, возникшим от слова *починать — начинать:* «Починок Горохово займище, а в нем один двор». Это слово было характерно для официального делового языка, но употреблялось и в живой разговорной речи. Называли однодворок *выставком,* потому что выделился, «выставился» из какой-либо деревни, починка: «Кирдым на речке Кирдымке — выставок починка Туманского городища». Называли *заимкой* и *займищем.* В XIX в. в Пермской губернии фиксируются еще и такие названия, как *одина, однодворок, хутор.* Итак, только одно географическое название, к которому мы прикоснулись, в данном случае *Заимка,* тянет за собой целую цепочку слов. В этой цепочке —память о появлении слов, об их смысле, о развитии лексики, истории именуемых ими мест.

Географические названия — имена собственные, существующие в Пермской области, — дают интересный материал для изучения нарицательной лексики. Особенно важно то, что часть из них может помочь восстановить такие слова нарицательные, которые существовали, но давно исчезли из живой народной речи. Например, в Пермской области существовала деревня Бутыры в Добрянском районе. В списках населенных мест начала XX в. ее называют и Бутырами, и Бутырками. Откуда такое название?

В ряде говоров, и не только северных (архангельских), но и центральных (московских), и южнорусских (рязанских), существовало некогда слово *бутырки,* называвшее крестьянский двор в стороне от села, т. е. то же, что починок, выставок, заимка, одина, хутор. Имя собственное сохранило память о том, что слово *бутырки* употреблялось в некоторых пермских говорах. Сначала им называли определенный хутор, потом, когда он разросся, появилось несколько дворов, по старой памяти место продолжали называть *бутырками,* и слово перешло уже в разряд имен собственных. Постепенно это наименование изменилось в *Бутыры,* а причина появления его забылась. Во всяком случае, при изучении говора жителей деревни Бутыры в 1973 г. никто из местных жителей не смог объяснить нам, откуда появилось название их деревни.

Географические названия позволяют восстановить существовавшее в прошлом в пермских говорах слово *гляден.* Им обозначали большую гору, с которой хорошо просматриваются окрестности. Сейчас есть деревни Гляден в районе Александровска и Гляденово в Осинском районе. В прошлом же существовало в Пермской

губернии несколько деревень с названием Гляденово. Обычно они были расположены на высоком берегу реки, на той его части, которая выделялась большей высотой по сравнению с окружающими местами, — на горе, на холме.

На одном из таких гляденов неподалеку от Нижних Муллов был обнаружен в XIX в. замечательный археологический памятник — древнее ритуальное место предков современных коми-пермяков, которое назвали по близлежащей деревне Гляденово — Гляденовское костище. По этому памятнику и вся древняя культура, которую он представляет, названа гляденовской. Памятник свидетельствует о том, что высокие места, удобные как сторожевые пункты и малодоступные для врагов, использовали в Прикамье, начиная с глубокой древности.

Были в русской речи жителей Прикамья такие слова, как *дуван* — высокая гора, место, открытое для ветра, *опалиха* — выжженное место в лесу, *песьянка* — песчаное место, *кекур* — одинокая скала на равнине или камень, скала, утес на берегу. Мы знаем сейчас о них потому, что они попали в наименования деревень. Пять деревень с названием Кекур известно в Сивинском, Усольском, Кудымкарском районах. В прошлом на территории Пермской губернии их было значительно больше.

Не всегда можно точно установить смысл, с которым слово, ставшее географическим названием, употреблялось в говорах. Так, были в Пермской губе́рнии деревни с именованием Вар, Вары. Одна такая деревня сохранилась в Большесосновском районе. В русских говорах было известно нарицательное слово *вар*. Использовалось оно в разных значениях: в диалектах рязанских, тамбовских, курских, тверских *вар* —

скотный двор, загон для скота, в тобольских — специально устроенная в реке изгородь для рыбной ловли. В пермских памятниках XVI—XVIII вв. такую изгородь в реке называли обычно словом *ез*.

Трудно сказать, с каким значением жило слово *вар* в речи жителей Прикамья. Можно только предположить, что, скорее всего, оно называло изгородь в реке, сооружаемую для рыбной ловли, и все место поблизости, потому что именно с таким значением фиксировали его в тобольских говорах, которые связаны с пермскими и общим источником (северно-русская основа), и непосредственно (жители Перми Великой, Пермской губернии переселялись в Сибирь). Но все это только предположения. Само восстановление забытого в пермских говорах слова *вар,* даже без выявления значения, важно для историков языка.

Географические названия дают интересный материал для реконструкции старых слов пермских говоров уже потому, что позволяют восстанавливать многие диалектизмы. Десятки географических терминов перешли без изменений в топонимы — названия рек, гор, населенных пунктов, лугов. Вместе с тем есть сотни географических названий, помогающих восстанавливать множество слов, функционирующих в прошлом, а иногда и теперь, в качестве прозвищ людей. Получив суффиксы, характерные для топонимов, они стали основой огромного количества названий деревень, хуторов, различных хозяйственных угодий, существовавших или существующих в Пермской области.

Вот один из примеров. Из кунгурского памятника начала XVIII в. мы знаем, что жил в одной из деревень Кунгурского уезда крестьянин

Андрей Минеев сын Глинских, у которого было прозвище Кляп. Почему его так прозвали, неизвестно, но само слово *кляп* употреблялось в пермских говорах. Деревню, в которой он жил, стали называть Кляповой: не по имени (Андреева), не по фамилии (Глинская), а по прозвищу (Кляпова). Она и сейчас существует недалеко от села Березовки Березовского района.

Так было повсеместно на территории Пермской области: наряду с существовавшими дорусскими названиями поселений (Лысьва, Гайва), названиями, образованными на основе географических терминов (Гляден, Кекур) или от имен первопоселенцев (Андреевка, Оверята), появлялись сотни названий деревень на базе прозвищ людей. Сами прозвища возникали из слов нарицательных. Их-то и можно восстановить в результате исследования топонимов: *баранник* — человек, укравший барана (деревня Баранники), *булдырь* — волдырь (Булдыри), *вачега* — рукавица из холста (Вачегино), *горбун* (Горбуново), *груздь* (Грузди), *дубас* — сарафан (Дубасы), *жйла* — скряга (Жилино), *зык* — крикун (Зыковка), *колотыга* — драчун (Колотыги), *лобан* — человек с большим лбом (Лобаново), *мезенец* — человек с реки Мезени (Мезенцы), *мороз* (Морозово), *налим* (Налимы), *новик* — человек, поселившийся впервые (Новиково), *олень* (Олени), *пестерь* — лубочная или берестяная корзина с крышкой, которую носили на спине (Пестери), *поедуга* — прожорливый человек (Поедуги), *решетник* — человек, делающий решета (Решетники), *смурыга* — хмурый человек (Смурыги), *шестак* — шестой сын в семье (Шестаково).

Среди таких восстановленных слов есть известные современному литературному языку

(*груздь, горбун, налим, олень*), есть общерусские, но сейчас устаревшие (*новик, решетник, шестак*), но много и диалектизмов (*вачега, пестерь, поедуга, смурыга*). Невозможно установить, почему тому или иному человеку было дано в прошлом определенное прозвище. Об этом можно лишь догадываться. Но даже лишь констатация того, что в пермских диалектах жили конкретные слова, попавшие в прозвища, очень важна для историков языка, т. к. дает возможность реконструировать слова, употреблявшиеся в прошлом в живой речи. Много их можно получить, изучая географические названия. Но еще больше их дает другой источник — пермские фамилии, особенно записанные в старых писцовых и переписных книгах, в ревизских сказках, в юридических актах XVI—XVIII вв.

Около четверти всех пермских фамилий сложились на основе русских имен — полных (Петров — Петр, Андреев — Андрей, Потапов — Потап, Федоров — Федор) или неполных (Алешин — Алеша, Ванин — Ваня, Васин — Вася, Демин — Дема, Илюшин — Илюша, Филин — Филя), а также имен нерусских: коми-пермяков (Азегов — Азег, Иртегов — Иртег, Тунегов — Тунег), татар (Казымов — Казым, Карабаев — Карабай, Маметов — Мамет) и представителей других народностей. Три четверти фамилий образовано от прозвищ. Известны тысячи фамилий, возникших на территории Пермской губернии в XVII—XVIII вв. из разного рода прозвищ. Прозвища оформлялись суффиксами *-ов, -ев, -ин, -ых* (Комаров, Катанайкин, Носырев, Больших), передаваясь от отца к сыну, закреплялись как родовые прозвания, становились фамилиями.

Проведя обратную операцию, т. е. отбросив суффиксы *-ов, -ев, -ин, -ых,* можно восстановить

сотни и тысячи прозвищ, от которых ранее были образованы фамилии, и прийти к словам нарицательным. Одни прозвища давались по принадлежности человека или его предков к определенной народности: *пермин, пермяк* — коми-пермяк; *зырян, зырянец* — коми-зырянец; *отин, вотин, отяк, вотяк* — удмурт; *вогул, вогула* — манси, татарин, башкирец и др. Фамилии, основанные на таких словах, позволяют установить не официальное, литературное слово, а народное, характерное для живой речи и отличное от официального. Например, в официальном языке XVII—XVIII вв. представителя манси, или, как говорили тогда, вогулов, называли *вогулятин* или *вогулетин,* во множественном числе *вогуличи.* Так, в документе XVII в. записано: «Пришли с Вишеры ясашные целовальники[37] Ивашко Антонов с товарыщем да с ними два вогулетина и принесли государева ясаку только 8 соболей да две лосины. А больше де того вогуличи ясаку добыть не могли».

В документах XVII в. названия представителей народностей нередко оканчивались на *-ятин, -етин: корелятин, корелетин, башкирятин,* — также и *вогулятин, вогулетин.* В живой речи, в русских говорах Прикамья употреблялись иные формы (вогул и вогула), ставшие основой и географических названий (речка Вогулка), и фамилий (Вогулин).

Слово *пермин* тоже не зафиксировано в пермских памятниках как слово нарицательное, но оно жило в разговорной речи и стало прозвищем («Кипрянко Константинов сын Пермин, двинянин», т. е. он приехал с Двины), попало в фа-

---

[37] Ясашный целовальник — сборщик ясака, дани мехами.

милию Перминов: «Зять его Федосейко сын Перминов». Тексты дают возможность убедиться в том, что слово *пермин* называло не жителя Перми (Перми Великой) любой народности, а именно представителя народа коми.

Прозвища и фамилии свидетельствуют о том, что в живой речи жителей Прикамья существовало три однокоренных слова: *пермин, пермяк и пермитин.* Однако, как показывают памятники, они не были одинаковыми по значению. *Пермин и пермяк* — этнонимы, называвшие представителя народа коми. А *пермитин* (во множественном числе *пермичи)* — название жителя Перми Великой — Чердынской земли, независимо от его принадлежности к какой-либо народности. Установить это помогают и пермские тексты, и сама конструкция названия *пермитин — пермичи.* На *-итин, -ичи* оканчивались названия людей по отнесенности их к определенному городу.

Фамилии дали возможность восстановить множество прозвищ людей по местности, из которой они вышли: *белозерец* (с Белого озера), *вологжанин* (из Вологды), *вятчанин* (с реки Вятки), а также *двинянин, казанец, муромец, матигорец, мезенец, москвитин, новгородец, тверитин.* Причем было немало попавших в фамилии прозвищ, именовавших людей по местности в Прикамье: *гаенец* (из Гайн), *иньвенец* (с реки Иньвы), *лысьвенец* (с реки Лысьвы), *обвенец* (с реки Обвы), *осинец* (из города Осы).

Восстанавливаются на базе фамилий названия людей по роду занятий. Особенно интересны для историков языка, этнографов названия людей по роду исчезнувших занятий: *бердник* — человек, делавший берда, особую часть ткацкого стана, похожую на гребень; *бортник* — человек, добывающий мед из бортей на деревьях;

деготник — человек, варящий деготь; *дранишник* — человек, изготовляющий дранки, лемех; *кормщик* — рулевой на судне; *лодейщик* — строитель судов; *оханщик* — человек, изготовляющий оханы, особые рыболовные снаряды; *санник* — человек, делающий сани; *циренщик* — человек, делающий цирены (или црены), особые металлические жаровни на ножках, на которые в солеварнях заливали соляной рассол, чтобы, выварив его, получить соль; *черепан* — человек, делающий глиняную посуду.

Нередко прозвища давались метафорически, на основе сходства в чем-либо людей с животными, рыбами, птицами, насекомыми, растениями. Сами такие названия как слова нарицательные не всегда попадали в памятники письменности. Зато фамилии и прозвища говорят о том, что в ходу были слова *барсук* (об этом знаем по фамилии Барсуков), *волк* (Волков), *выдра* (Выдрин), *зайка* (Зайкин), *кошечка* (Кошечкин), *мышь* (Мышев), *воробей* (Воробьев), *ворон* (Воронов), *ворона* (Воронин), *галка* (Галкин), *жаворонок* (Жаворонков), *клест* (Клестов), *ерш* (Ершов), *краснопер* (Красноперов), *окунь* (Окунев), *осетрик* (Осетриков), *комар* (Комаров), *сорога* (Сорогин), *берсень* — крыжовник (Берсенев), *горох* (Горохов), *кульбик* — гриб определенного вида (Кульбиков).

Имена собственные позволяют реконструировать жившие в разговорной речи названия предметов одежды, обуви (*епанча, рукавица, чулок, тюни, поршни*), кушаний (*блин, каша, кисель, коврига, простокиша, шаньга*), разных предметов домашнего обихода, ремесел (*гвоздь, горшок, доска, кочерга, ложка, лопата, оглобля, хомут*). В иных (кроме имен собственных) источниках XVI—XVIII вв. они не зафиксирова-

ны, и только фамилии (Епанчин, Блинов, Гвоздев, Горшков и т. д.) дают основу для реконструкции этой лексики в говорах Прикамья прошлых эпох.

Особый интерес представляют слова, характерные только для говоров и просторечия. Смысл их можно установить гипотетически, сравнивая с материалами русских говоров различных эпох. Таковы, например, слова *вахоть* — осадок, гуща (из фамилии Вахотин), *векша* — белка (Векшин), *гиль* — порода птиц (Гилев), *елтыш* — обрубок ствола дерева (Елтышев), *жихарь* — удалец (Жихарев), *кочера* — суховатое дерево (Кочерин), *куш* — малица, верхняя меховая одежда жителей севера (Кушев), *олек* — часть пчелиной борти (Олеков), *плюсна* — стопа (Плюснин), *кичига* — палка для обивания льна (Кичигин), *ташка* — вязанка лучины (Ташкин).

Особенно много среди прозвищ было слов, характеризующих людей по каким-либо склонностям, недостаткам, особенностям поведения, например, по манере говорить: *базан* — крикун (Базанов), *баланда* — болтун (Баландин), *бахарь* — болтун, краснобай (Бахарев), *бобоша* — тот, кто бормочет (Бобошин), *бормот* — бормочущий (Бормотов), *ватлаш* — болтающий вздор, бранящийся (Ватлашев), *верещага* — крикун (Верещагин), *зык* — крикун (Зыков), *колта* — громко говорящий (Колтин), *шепель* — шепелявый (Шепелев). Множество слов характеризует людей в других отношениях: *бусорга* — глуповатый (Бусоргин), *бушмака* — толстый (Бушмакин), *бызан* — мечущийся (Бызанов), *выгало* — таращащий глаза (Выгалов), *жуня* — медлительный (Жунев), *колтыря* — идущий вперевалку (Колтырин), *корчан* — корчащийся (Корчанов), *лемзя* — ротозей (Лемзин), *мотыш* — суетящийся

(Мотышев), *муньга* — ротозей (Муньгин), *ряха* — медлительный, копающийся (Ряхин), *слябун* — лакомка (Слябунов), *чмут* — сплетник, вздорный человек (Чмутов).

Часть восстановленных слов характеризует людей по внешности: *беклемыш* — толстый, неповоротливый (Беклемышев), *бровун* — с большими бровями (Бровунов), *брюхан* — с большим животом (Брюханов), *бухряк* — толстый (Бухряков), *глазун* — с большими глазами (Глазунов), *губарь* — с большим ртом (Губарев), *долган* — высокий (Долганов), *засуха* — тощий (Засухин), *зубарь* — с постоянно открытыми большими зубами (Зубарев), *кубас* — толстый (Кубасов), *мигун* — часто моргающий (Мигунов), *митус* — одноглазый (Митусов), *плехан* — с плешью (Плеханов).

Есть ряд реконструированных обзывных прозвищ, оканчивающихся на *-а*, которые одинаково могли относиться и к мужчине, и к женщине. Это так называемые слова общего рода: *басарыга* — суетливый и суетливая (Басарыгин), *бусыга* — босяк и босячка (Бусыгин), *бутылга* — драчун и драчунья (Бутылгин), *бухоня* — толстый и толстая (Бухонин), *варзуга* — неаккуратный и неаккуратная (Варзугин), *верещага* — крикун и крикунья (Верещагин), *голомолза* — болтун и болтунья (Голомолзин), *дряга* — непоседливый и непоседливая (Дрягин), *дубака* — драчун и драчунья (Дубакин), *дылда* — высокий и высокая (Дылдин), *задора* — вздорный и вздорная (Задорин), *корепа* — ломака (о мужчине и женщине) (Корепин), *корза* — сварливый и сварливая (Корзин), *коротыга* — маленький и маленькая (Коротыгин), *корпака* — ковыряющий и ковыряющая (Корпакин), *коряка* — с кривыми ногами (о мужчине и женщине) (Корякин), *лы-*

ба — улыбчивый и улыбчивая (Лыбин), *мигава* — мигающий и мигающая (Мигавин), *рябуха* — рябой и рябая (Рябухин).

Пермские фамилии в массе своей еще ждут исследователей. Но уже сейчас, по первым наблюдениям, можно сказать, что они так же, как и географические названия, — бесценный клад для историков и лингвистов, изучающих русские говоры Прикамья. Они сохраняют память о множестве слов, которые уже давно ушли из живой народной речи или сохраняются только в отдельных говорах, — слов ярких, метких, образных.

* * *

Что носили модницы в XVII веке?

Диалектологи, находясь в экспедициях, обычно не только расспрашивают о старинных обычаях, обрядах, вещах, но и просят показать те предметы, которые сохранились от старины. Рассматривая их, легче вести беседу о том, как они делались, из какого материала, как украшались, когда употреблялись, как называются их части и т. д.

Девушкам особенно нравится изучать лексику, называющую старинную одежду, обувь, головные уборы, украшения, а заодно и примерять на себя вещи, которые сохранялись бабушками в деревнях в течение многих десятилетий. Кое-какие из них были сшиты в XIX в.

Эта одежда совсем не похожа на нашу. Иначе выглядела повседневная одежда, надевавшаяся в прошлом девушками и женщинами, например, в чердынских деревнях: расширяющиеся книзу, длинные, как говорили, косоклинные *дубасы* — сарафаны на бретельках (лямках) из *крашенины* — домотканой, крашенной чаще в синий цвет ткани. Их надевали на домотканые рубахи с рукавами.

Очень нравится нашим современницам сохранившаяся от начала XX в. выходная одежда: длинные юбки и плотно облегающие фигуру кофты, сшитые в талию, с рукавом и баской. Их изготавливали обычно из шелковой ткани, отделывали кружевами и пуговицами. В таких нарядах щеголяли по праздникам жительницы Виль-

горта, Камгорта, Пянтега, Больших Долд и других чердынских сел и деревень.

Занявшись лексикой пермских, и в частности чердынских памятников письменности XVI—XVIII вв., я обнаружила, с одной стороны, устойчивость лексики, называвшей домашнюю рабочую одежду, и сохранность самих предметов этой одежды. С другой стороны, памятники и говоры свидетельствовали о существенных изменениях, происходивших в выходных, праздничных нарядах, влиянии на сельскую одежду городской, а на лексику говоров — слов городской речи. Оказывается, выходная женская одежда XIX—XX вв. существенно отличалась от той, которую носили в XVII—XVIII вв. Это отражалось и на названиях нарядов.

Изучая отдельно историю каждого слова из лексики одежды, записанной в деловых актах Прикамья XVI—XVIII вв., исследуя его смысл, особенности употребления в разных русских говорах и памятниках (особенно северно-русских), можно восстановить в общих чертах, как одевались и обувались в Прикамье. Данные языка тут очень важны: только письменные тексты и слова диалектов хранят память об одежде далекого прошлого. Сами же предметы одежды, как правило, не сохранились. Вот, например, хорошо известное всем слово *сарафан,* которое стало некогда одним из символов русской одежды женщин севера европейской части и центра России. Даже сейчас участницы многочисленных самодеятельных танцевальных и хоровых коллективов одеваются для выступлений преимущественно в сарафаны.

Пришло это слово в древнерусский язык с Востока как название мужской одежды — длиннополого застегивающегося кафтана. Долгое

время оно называло именно мужскую одежду. Однако в XVII в. многочисленные памятники письменности разных территорий России содержат уже сведения и о женских сарафанах. Нередко это выделяется в текстах деловых документов с помощью прилагательного «женский». Например, в кунгурском юридическом акте XVIII в. записано: «В ноче неведомые воровские люди покрали у меня, Агафона, воровски из клети сарафан женской дорогильный[38], подклад крашенина[39]». По известным пермским памятникам мы не можем абсолютно точно воспроизвести, что представлял из себя этот предмет женской одежды в XVII в., но о некоторых его особенностях судить можно.

Как же выглядели пермские женские сарафаны XVII в.? Что нам говорят об этом данные языка памятников письменности?

Оказывается, сарафаны были различными. Женщины Прикамья носили сарафаны и тонкие, легкие, и теплые. В одном из деловых актов перечисляются «сарафаны толстые и тонкие числом 15». Их шили из разных тканей: привозных, покупных шелковых, полушелковых или бумажных (из *зендени, дорог, китайки, кумача, киндяка*), домотканых — *крашенины* (крашеной льняной ткани) и *сукманины* (полусукна). Толстые сарафаны шились с подкладкой: «Сарафан кумачной красной, подклад холщовой». Подкладка делалась обычно из непокупной ткани — своего холста.

По-видимому, сарафаны в Прикамье в XVII в. были распашными, т. е. расстегивались сверху

[38] Дорогильный — сшитый из привозной шелковой ткани, называемой дороги.

[39] Крашенина — крашеная ткань домашнего изготовления.

донизу, распахивались. Об этом говорит упоминание в актах пуговиц: «Сарафан кумачной красной, подклад холщовой, с пуговицы, с кружживом мишурным». Нарядные сарафаны отделывались вдоль застежки и по низу дорогими (привозными с Востока) кружевами — «круживом кизылбашским».

В одном из пермских документов есть уникальное, не известное пока из каких-либо других русских источников употребление слова *барма*. Обычно *барма* или *бармы* — это название украшенного золотым шитьем и драгоценными камнями оплечья царского или княжеского наряда. А в кунгурском тексте начала XVIII в. рассказывается об одежде девушки-крестьянки, у которой «взяли сарафан кумачной подержаной, по вороту обложен белою бармою». Видимо, этот сарафан имел отделку по вороту: большую округлую вставку или что-то вроде большого воротника, пелерины. Эту отделку и называли бармой.

Получается в итоге, что пермский сарафан XVII — начала XVIII в. очень отличается от современного: он был длинным, распашным, имел отделку по вороту (у него не было узких бретелек). Он скорее напоминал платье.

Когда-то сарафан пришел на Русь как одежда с рукавами. Из различных этнографических источников известно, что в прошлом сарафан мог иметь ложные, висящие сзади рукава. Были ли они у пермских сарафанов прошлого, установить по языковым данным пока невозможно. Может быть, были, но не исключено, что утрачивались или уже утратились.

Известно, что женщины под сарафаны надевали рубашки с красивыми кружевными рукавами. Такие выходные рубашки и назывались

рукавами, а сплетенные из ниток кружева, скорее всего местного изготовления, называли в Прикамье *коклюшками:* «Рубашка женская с коклюшками нитными». Интересно, что нитяные кружева местного производства в некоторых говорах Западного и Среднего Урала вплоть до XX в. известны как *коклюшки,* хотя обычно в других русских говорах этим словом называли только деревянные, с утолщением на конце палочки, на которые наматывали нитки, используемые для плетения кружев.

Название кружев — *коклюшки* — свидетельствует о том, что кружева не вязали крючком, а плели с помощью палочек — коклюшек, как в Вологде, где это ремесло живет и развивается и в настоящее время.

Сейчас старое диалектное название плетеного кружева — *коклюшки* — в Прикамье вышло из употребления. Но само слово стойко держится как название палочек с утолщением на конце и даже получило развитие: так стали называть не только коклюшки для плетения кружев, но и деревянные, а затем и пластмассовые палочки, используемые парикмахерами для накручивания волос при химической завивке. Изменяются условия, и старые слова, сохраняясь, теряют старые значения и приобретают новые.

Итак, под сарафаны надевали расшитые, отделанные рукава. Стало быть, сами сарафаны если и имели рукава, то ложные, свисающие сзади. Иначе как бы демонстрировались красивые, украшенные кружевами рукава рубашки?

Сарафаны часто упоминаются, а иногда и описываются в пермских памятниках. Само слово *сарафан* в XVII в. было общерусским, распространенным, хорошо известным на всех тер-

риториях России, обычным в деловом языке. Это важно для нас и вот почему.

Писцы, составляющие документы, были знакомы и с другими, местными названиями женской одежды, которую надевали на рукава (рубашку). Названий таких было́ несколько. Но в памятники они попадали относительно редко, потому что составители документов старались выглядеть грамотными, употреблять общерусскую лексику, принятую в деловом языке, а не такие слова, которые они ощущали как местные. Документы вольно или невольно редактировали. Потому-то другие названия сарафана редко встречаются в документах, но все-таки попадаются в них. Для историков языка и этнографов это очень ценно.

В некоторых документах одежду, надеваемую на рукава, называли *верхницей.* Появление такого слова понятно — надевали поверх рубашки: «Верхница синяя ветхая», «Две верхницы желтые», «Взяли верхницу-дубленник новой». *Дубленник* — это тоже сарафан, но такой, который сшит из ткани, крашенной дубом (корой некоторых деревьев) или привозными красками.

Сарафан, сшитый из сукманины, т. е. полусукна домашнего изготовления, назывался *сукманом* («Сукман женской желтой»), а сшитый из кумача — *кумачником.*

Не очень ясно из памятников, как выглядела такая одежда, как *шушун:* «Шушун крашенинной», «Шушун мухоярный [40] с пуговицы серебряными». Слово *шушун* сейчас выходит из употребления, хотя и известно многим людям, владеющим русским литературным языком (не гово-

---

[40] Мухоярный — сшитый из мухояра — шелковой ткани.

рами) по стихотворению С. Есенина «Письмо матери»:

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

В различных русских говорах XIX—XX вв. им называли очень разные предметы одежды: рубашку, кофту, блузу, шубейку, сарафан и даже головной платок. По наблюдениям этнографов и лингвистов, в южных областях европейской части России им называли короткополую одежду (кофту, блузу, шубейку), а в северных — долгополую (длинный сарафан).

На северо-западе России, там, где существовали так называемые олонецкие говоры, шушун представлял из себя долгополую одежду с застежкой и свисающими сзади ложными рукавами. Но в одних местах шушуны постепенно перестали быть долгополыми, а их свисающие сзади рукава стали использоваться как рукава в современной одежде. Так в южной России превратились шушуны в кофты, блузы, шубейки.

На Севере шушуны потеряли неудобные свисающие рукава, застежку и превратились в сарафаны. Постепенные изменения самих вещей, происходившие по-разному в различных регионах России, приводили к развитию новых значений в называвших их словах, и в слове *шушун* в частности.

Шушунами называли сарафаны в некоторых архангельских (а ведь пермские диалекты, как мы уже видели, связаны с ними происхождением), а также в коми-пермяцких и коми-зырянских говорах, соседствующих с чердынскими диалектами Прикамья. Видимо, и в пермских памятниках XVII в. *шушун* — сарафан. Только ка-

кого вида? Со свисающими рукавами или уже без них?

Упоминаемый в одном из актов Перми Великой (Чердыни) «шушун мухоярный с пуговицы серебряными» сшит из шелковой ткани (дорогой, привозной) и украшен дорогими пуговицами. Это явно выходная, праздничная одежда. Он, может быть, имел традиционные ложные рукава, украшавшие одежду. Но об этом сейчас можно только гадать. К сожалению, писцы прошлого, составлявшие юридические и административные акты, и подумать не могли, что через 300—400 лет их далекие потомки будут внимательно вчитываться в каждое слово, искать косвенные данные, непермские параллели для расшифровки значений слов. Писали они скупо, как того требовало делопроизводство, обычно лишь называли вещи и характеризовали только некоторые их качества, в основном такие, которые могли дать представление о цене вещи.

Возможно, в документах Прикамья, пока не попавших в поле зрения ученых, и найдутся сведения, которые помогут уточнить, как же выглядел шушун XVII в. Но даже те скромные данные, какие мы уже имеем — упоминание о шушунах в Прикамье, — важны для изучения культуры этого края, тем более что мы имеем возможность исследовать пермскую лексику в сопоставлении с материалами непермских говоров и памятников письменности.

Итак, жительницы Прикамья в XVI—XVIII вв. надевали поверх украшенной рубахи-рукавов одежду, называемую в документах прошлого по-разному: *сарафан, верхница, дубленник, кумачник, сукман, шушун*. Некоторые из этих слов были связаны по происхождению с наименованием сорта или характера изготовления ткани,

из которой шили одежду: кумачник из кумача, сукман из сукманины (полусукна), дубленник из дубленой (крашенной дубом) ткани.

Слова, называвшие такую одежду, неодинаково употреблялись в пермских памятниках разных территорий. Так, слово *шушун* отмечается в чердынских актах XVII в., и в XX в. оно известно в соседних с чердынскими коми говорах. Название *верхница* характерно для кунгурских текстов XVII—XVIII вв. В коми говорах его нет. В русских говорах XIX—XX вв., о которых у нас есть сведения, оно отмечено в Среднем Прикамье: в кунгурских, оханских, осинских источниках. Данные текстов актов XVII в. о территории употребления этих названий совпадают с материалами позднейших говоров. Значит, уже памятники XVII в. говорят о территориальной прикрепленности слов, об употреблении их как диалектных. Неудивительно, что слова *верхница, шушун* довольно редки в памятниках. Писцы, ощущая их стилистические особенности, могли заменить такие диалектные слова общерусским синонимом *сарафан* и, видимо, делали это.

Название *дубленник* вообще не зафиксировано ни в пермских, ни в каких-либо других говорах XIX—XX вв. Значит, пермские памятники пополняют имеющиеся диалектные материалы таким словом, которое и в XVII—XVIII вв. употреблялось на ограниченной территории — в Прикамье лишь в кунгурских документах.

Возможно, были какие-то различия в покрое, украшении, изготовлении одежды, называемой всеми этими словами — *верхница, шушун, дубленник, кумачник, сукман.* Но было и нечто объединяющее их — общий вид и предназначение. Это была женская одежда, надеваемая поверх рубахи, одежда, судя по качеству тканей, украше-

ниям, изначально выходная, праздничная. Обобщающим ее названием и было слово *сарафан*, которое отмечается в десятках пермских текстов, тогда как все остальные названия встречаются лишь в единичных случаях, в отдельных документах.

Работали женщины, судя по материалам памятников XVII—XVIII вв. и говоров XIX—XX вв., в особой одежде — *дубасах*. Дубас — сарафан особого покроя (на узких лямках), сшитый из ткани собственного изготовления. Все для такой одежды крестьянки готовили сами: выращивали и обрабатывали лен или коноплю, пряли нитки, ткали холст, дубили его — красили дубом, т. е. красителями, вываренными из местных растений (иногда и привозными). Сшитый из такой дубленой (крашеной) ткани сарафан называли *дубасом*. Весь север, все женское сельское население Прикамья носило дубасы на протяжении нескольких веков.

Разница в употреблении слов *сарафан* и *дубас* была хорошо видна даже в 50—60-е гг. XX столетия. Не называли женщины в сельской местности дубасы сарафанами, а когда диалектологи воспринимали их как нечто одинаковое (для незнающей говора горожанки, работающей в экспедиции, дубас был просто вариантом сарафана), всегда поправляли: не сарафан это, а дубас. Различие в покрое, ткани, предназначении, существовавшее между сарафаном и дубасом в прошлом, продолжало ощущаться и в XX в. Из поколения в поколение шили дубас не так, как сарафан: он никогда не имел рукавов, у него были узкие бретельки через плечи: «Дубас холщовой у меня был, с лямкима, взаде еще крест-накрест».

В качестве верхней одежды, судя по памят-

никам, женщины носили что-то вроде теплых застегивающихся жакетов, называвшихся разными словами, в зависимости от покроя и материала для изготовления: *однорядка, свитка, сукня:* «Женских две однорядки: одна красно-вишневая, другая вишневая», «Свитка сукна летчинного[41] поношена», «Сукню темно-зеленого сукна анбурского[42] купил».

Кроме того, шили шубки — только женскую, видимо, недлинную одежду, которую шили мехом внутрь и покрывали сверху тканью: «Шубка женская — мех хорьковой под зелеными дорогами[43]», «Покрали шубку женскую мерлушчатую под крашениной», «Хотел де из тех белок и зайчин сделать мехи и шить шубки жене своей и племяннице».

Зимой в мороз надевали шубы. Их делали из шкурок мехом внутрь и покрывали сверху какой-либо тканью, а, кроме того, у шуб были меховые воротники — *ожерелки:* «Взяли шубу под крашениной овчинную, ожерелок бобровой» (т. е. шубу из овчины мехом внутрь, обшитую сверху крашеной тканью домашнего изготовления, с бобровым воротником), «Шуба белья под киндяком с пуговицы серебряными» (дорогая шуба из беличьих шкурок, обшитая сверху привозной шелковой тканью — киндяком — и застегивавшаяся на серебряные пуговицы), «Андрюшка у той шубы тое выбойку спорол и обложил холстом» (снял обшивку из ткани-выбойки и обшил холстом).

Обувь, как, впрочем, и одежда, зависела в прошлом от достатка. Она была очень разной.

---

[41] Летчина, летчинное сукно — сорт сукна.

[42] Анбурское сукно (от *гамбургское сукно)* — сорт сукна.

[43] Дороги, как видно выше, — шелковая ткань.

Носили лапти, сплетенные из лыка. В пермских памятниках встречаются названия не только этого рода обуви, но и орудия, с помощью которого плели лапти и шили обувь: *коточиг,* то же, что и общерусское *кочедык* — применяемое при плетении лаптей плоское изогнутое шило. Название онучей, которыми обматывали ноги, надевая лапти (и другую обувь), тоже было в пермских документах XVII—XVIII вв. особенным, диалектным — *скуты:* «Скуты суконные белые», «Двои скуты белые». Само название свидетельствует о том, что ноги окутывали, обматывали.

Носили обувь и кожаную, например, *ступни* («Двои ступни красные поношенные»), сделанные из одного куска кожи, обтягивающие низ ноги, ступню. Очень распространены были *коты* — кожаная невысокая обувь (вроде низких ботинок), они имели сверху оторочку из ткани — *опушку,* в которую продергивалась тесемка для завязывания («Коты красные, опушка вишневая»), шились на твердой кожаной подошве («Восьмеры подошвы котовые дубленой кожи», «Девятеры подошвы дубленые котошные»). Эта обувь, известная в XVII в. во всей России, была настолько распространена в Прикамье, что даже обувной ряд в торговых рядах Соли Камской называли *котовым:* «Дала сие договорное письмо в котовом ряду на лавочное место».

Распространена была и такая кожаная обувь, как сапоги («Сапоги красные телятинные»), в XVIII в. — башмаки («Взяли десятеры башмаки барановые»). Шили и меховую обувь — уледи. Зимой, кроме нее, носили валенцы (валенки) и тюни. Тюни состояли из валяных головок и пришитых к ним суконных или холщовых голенищ. Встречается в кунгурских памятниках слово

киндерски («Взял двои киндереки валяные»), отсутствующее в русских материалах для сопоставления. Параллели к нему находим в башкирских материалах: *киндер ойок* — холщовые чулки, *бышымлы кынйырак* — меховые опорки из шкуры лошади мехом наружу с небольшим холщовым или суконным верхом. В кунгурских актах *киндереками* названа похожая, но валяная обувь (видимо, с пришивными голенищами из ткани).

Обращает на себя внимание то, что в пермских памятниках наряду с общерусскими названиями обуви (лапти, сапоги, коты, башмаки) присутствуют и диалектные, известные северно-русским говорам: *скуты, тюни, валенцы, ступни, уледи,* а также заимствование *киндереки.*

Особенной заботы женщин требовали головные уборы. Они были показателем семейного положения женщин и, конечно же, достатка. Девушки в XVII в. носили *перевязку* или *перевязченку* — род расшитой ленты, повязываемой вокруг головы, или *головодец* с *паворозами.* Судя по поздним материалам Прикамья, *головодец* — род венца, охватывающий голову, завязывавшийся сзади красивыми, дорогими (как показывают документы XVII в.) паворозами-лентами. Эти названия головных уборов, сохранявшиеся еще в XIX — начале XX в., теперь забыты. В говорах Прикамья в XX в. распространено было иное название — *косоплетка* — лента, полоска материи, вплетаемая в девичью косу. *Косоплетками* в деревнях и сейчас пожилые женщины называют ленты, которые девочки вплетают в волосы.

На протяжении многих веков во время свадьбы существовал особый обряд, когда под пение подружек невесты расплетали ее косу и запле-

тали две косы, укладывая их вокруг головы или завивая волосы в узел, но и в том и другом случае голову покрывали особой шапочкой. В XVII в. это был *волосник* с завязками, или *подубрусник*. Поверх надевался *убрус* (платок). Появляться с непокрытой головой замужней женщине при посторонних было неприличным. В Пермском краеведческом музее хранится шадринский документ XVII в., в котором резко порицается некая Ксеньица, которая, «растрепав волосы, по слободе бегала».

В течение столетий женщины Урала и Зауралья, как и других территорий России, обязательно носили специально сшитые головные уборы — сшитые из тонкого материала шапочки с твердой накладкой на лоб и с завязками сзади. Видимо, в XVIII в. на Урале появляется такой вид головного убора, надеваемого непосредственно на волосы, как *шамшура*. В пермских говорах XIX—XX вв. *шамшурой* называли расшитую шелком или бисером шапочку с подкладкой или стеганую, с плотной твердой задней стенкой. Поверх шамшуры надевали платок.

В пермских памятниках XVII—XVIII вв. нет слова *шамшура*. Однако можно утверждать, что такой головной убор уже существовал в XVIII в., потому что встречается в документах Прикамья фамилия Шамшурин, а фамилия могла возникнуть только из прозвища Шамшура, появившегося из нарицательного слова *шамшура*. Стало быть, существовали шамшуры в XVIII в., но не попали в тексты памятников.

Слово *шамшура* просуществовало в пермских говорах столько, сколько существовал в деревне сам обычай замужних женщин покрывать волосы сначала постоянно, а позднее только во время свадебного обряда, а слова *волосник* и

подубрусник исчезли, видимо, вытесненные пришедшими им на смену словами *шамшура* и *моршень* — синоним слова *волосник*. Известно слово *шамшура* и в соседних с чердынскими коми говорах.

В холодное время года на убрусы надевали шапки. Шапки в XVII—XVIII вв. делались чаще всего из овчины, а также из беличьих шкурок мехом внутрь, сверху покрывались разной тканью, сукном или шелком. Такое покрытие именовалось *вершком*, или *верхом*: «Шапка овчинная, вершок сукна темно-зеленого», «Шапка, вершок вишневый», «Верх шапошной атласной ветхой». Снаружи по краю шапка имела пушистую меховую оторочку — пух. Пух мог быть лисьим, собольим, бобровым, овчинным. Шапки были дорогими, высоко ценились. В пермских деловых документах мы находим немало уголовных дел, в которых обвиняют преступников за «срыв шапки». Вот как описывали шапки и их детали в юридических актах Прикамья XVII—XVIII вв.: «Шапка женская сукно лазоревое с лисицею, испод белей [44]», «Шапка вершок вишневый одинцового сукна, пух овчинный», «Пух бобровой шапошной женской».

Во многих документах XVII—XVIII вв. упоминаются женские праздничные головные уборы. Они не дошли до нас, и судить о них можно только по памятникам письменности и по дошедшим до нашего времени костюмам XIX в., а кроме того, по лингвистическим материалам — данным разных северно-русских говоров.

В праздничные дни замужние женщины носили *кокошники*. Используя сведения о *кокошни-*

---

[44] Испод белей, т. е. подкладка из беличьего меха.

ках, которые носили русские, коми-пермяцкие и коми-зырянские женщины в прошлом веке, можно предположить, что *кокошник* представлял собой род чепца, завязывающегося сзади, с разукрашенным вышивкой или бисером очелком или очельем: «Взяли восемь очелей кокошников женских холщовых, шиты шелками», «Очелки женские кокошников».

Само название *очелок* говорит о том, что эта часть головного убора находилась спереди, «у чела». Очелки делались твердыми. Верх очелка был прямым, а внизу делалась полукруглая выемка, приходящаяся на лоб. Очелки (очелья) кокошников были и шелковыми, и холщовыми, но обязательно расшитыми шелками, золотой нитью. Чепец кокошника обычно делался из покупной ткани. В памятниках XVII в. упоминаются кокошники китаешные (из ткани китайки), кумачные. Правда, чаще, чем ткань, в документах XVII в. характеризовались цвет кокошника («Кокошник белой», «Кокошник красной»), его отделка («Кокошник шит золотом», «Кокошник золотной»). Но иногда при описании такого головного убора в документах характеризовали все вместе: и цвет, и ткань: «Два кокошника женских простых лазоревого байбереку[45]».

Любопытно, что в памятниках и по этнографическим данным совпадают названия головных уборов у русских и коми-пермячек. В коми-пермяцком языке есть слова *шамшура, кокошник.* А вот татарки, жившие в Прикамье в XVII—XVIII вв., судя по документам, носили особые, отличные от русских головные уборы. В кунгурском документе начала XVIII в. читаем: «Взяли

---

[45] Байберек — шелковая ткань.

у жены его, Елкины, с головы кашпол, на том кашполе денег старых было шесть рублев с полтиной... Два тастара, по концам шито шелком». Что же такое *тастар* и *кашпол?* В XIX—XX вв. в татарских и башкирских говорах употреблялись слова *кашпау, кашмау* как название высокой женской шапочки, на которую нашивались монеты, бусины, бисер. Что же касается слова *тастар,* то как название платка, расшитого по краям и особым образом завязывающегося на голове, оно до сих пор сохраняется в татарских и башкирских говорах.

Наиболее подробно по результатам изучения слов пермских памятников восстанавливаются особенности и детали женского костюма. Однако многое можно сказать и о наряде мужчин, живших в Прикамье в XVII—XVIII вв., о предметах, не сохранившихся до наших дней.

Мужчины носили в будничные дни рубахи из холста и штаны из толстого, грубого холста, называемого *хрящом* («Взяли десятере рубах мужских и порток из холста-хрящу», «Купил на деньги штаны льняные»), и из сукманины (полусукна). Выходные рубашки шились и из холста, и из покупных бумажных и шелковых тканей («Онцыфор продавал на Печоре-реке вогуличам рубашку шолковую и прошивана золотом да другую рубашку шолковую»). Нередко они украшались вышивкой: «Две рубашки, одна шита шолком, а другая шита шолком с золотом», «В мешке кафтан синий, да рубашка мужская шита шолком черным, да штаны холщовые».

Рубашки подпоясывали специально сотканными *опоясками.* Плели их обычно с помощью немудрого приспособления на руках из бумажных и цветных шерстяных ниток («Несла она чел-

пан[46] хлеба и опояску суконную жичану[47]»), причем обычно выводили на опоясках какой-либо узор («Украли опояску суконную полосатую»). В юридических актах XVII в., описывающих имущество, наряду с ценными предметами одежды упоминаются и опояски. Традиция плести опояски дожила в Прикамье до наших дней.

Мужские штаны из тканей домашнего изготовления были некрашеными, но шили штаны и из крашеной ткани. Покрашенные штаны, как и шелковые рубахи, были признаком достатка. Сохранился любопытный кунгурский документ начала XVIII в., в котором некоего жителя Кунгура Филиппа обвиняют в краже лошади и продаже ее мяса. А в качестве доказательства, увеличившегося в результате этого достатка, выдвигается тот факт, что у сына Филиппа Лаврентия появились синие штаны: «Говорила она, Марфа, сыну моему, Лаврентию, такие речи: «Стал де ты, Лаврентий, носить на себе синие штаны, как де зарубил отец твой, Филипп, лошадь мою».

Поверх рубах надевали *кафтаны, зипуны, кожаны:* «Сермяжной де свой кафтан Алексею носить давал», «Кожан телятинной на подкладе». *Зипуны* и *кафтаны* шились из сукна или полусукна (нередко домашнего изготовления), они были выходной одеждой, обычно украшались — отделывались по краю *подпушкой* из яркой дорогой ткани: «У зипуна подпушка выбойки теврюйской, а у другого подпушка кумачная».

Есть в пермских памятниках диалектное слово, которым называли мужскую верхнюю одежду, — *шабур.* В русских и коми-пермяцких гово-

---

[46] Челпан — каравай.

[47] Жича — хлопчатобумажные нитки, используемые как основа в опоясках.

рах Прикамья XIX—XX вв. *шабур* — название верхней рабочей одежды с застежкой посередине из холста без подкладки. В кунгурском тексте 1710 г. упоминаются «шабур холщовой и два шабура шыты шолком». Эти два шабура, «шыты шолком», конечно, не были предназначены для работы. Видимо, это была выходная одежда. Скорее всего, шабуры отличались от других предметов мужской верхней одежды не предназначением (для работы), а внешними особенностями, характером покроя, отсутствием подкладки.

Мужской обувью были *лапти, сапоги, ступни, уледи, тюни, валенки*. Под них мужчины, как и женщины, надевали сшитые или вязаные *чулки*, а также обматывали ноги *скутами*.

На голове мужчины носили валяный колпак, зимой шапку, чаще овчинную, хотя упоминаются в документах и шапки с дорогим верхом из привозного сукна (анбурского или летчинного), бобровым пухом (или опушкой) или с лисьими полками.

Выбирая лексику из пермских памятников, сопоставляя ее со словами, записанными при изучении говоров во время диалектологических экспедиций, а также известными по словарям XIX—XX столетий, можно представить, как выглядели жители Прикамья в XVII в., во что они были одеты. Вместе с тем слова из памятников помогают восстановить не только внешний облик людей того времени, но и многие факты их жизни. Так, лексика свидетельствует о том, что ткани, из которых шили обычную, повседневную одежду, делали сами.

На огородцах-конoплянниках, которые были почти в каждом хозяйстве, выращивали лен и коноплю. Их, а иногда и крапиву, для получения пряжи долго и сложно обрабатывали. Стеб-

ли льна и конопли дергали, обмолачивали (обивали головки с семенами), мочили или просто расстилали на лугу на долгое время, потом сушили на улице и в печи, мяли, трепали, чтобы очистить волокна, и получали, как пишут в памятниках, *куделю*. Ее чесали специальными гребнями или щетками, и только после этого из кудели можно было прясть нитки. Пряли женщины с осени и до весны, потому что напрясть надо было очень много. Затем ткали ткань на специальных станах — сновали *кросна*[48], как писали в пермских документах XVII в.: «Марфа, Ананьина дочь, а Козьмина жена Нефедьева, приходила ко мне в дом сновать кросна». Вытканные полотнища отбеливали на солнце, а если была необходимость и возможность, дубили, т. е. красили отварами из коры (дуба) некоторых кустарников и деревьев или привозными красками.

Много труда нужно было положить и для того, чтобы получить шерстяную пряжу для вязанья или для тканья *сермяги, сукманины* и *понитка,* как называли полушерстяную ткань, широко употреблявшуюся для изготовления одежды. В пермских памятниках письменности немало отрывков, в которых упоминаются шерстяные нитки, приготовленные для ткачества. Называли их в Прикамье не только общерусским словом *пряжа* («Явилось в мешке пряжи суконной 6 мотов»), но и диалектным *прядено* («Отдано было прядена суконного выткати сукно», «Взял пять мотов прядена толстого»), сохранявшимся в пермских говорах до XX в.

---

[48] Кросна — часть ткацкого стана. Выражение сновать кросна — навивать основу будущей ткани на детали стана — сохранилось в говорах Прикамья до настоящего времени.

В документах Прикамья XVII—XVIII вв. множество названий привозных тканей — хлопчатобумажных (*выбойка, киндяк, кумач*), шерстяных (*анбурское сукно,* или *анбурщина, корновое сукно, летчинное сукно,* или *летчина, лундыш, яренговое сукно,* или *яренок, кармазин, настрофиль, шиптух*), шелковых (*атлас, байберек, бархат, дороги, зеньдень, камка, китайка, самца, тафта*). Ввозимые в Россию, они были дорогими, их было мало, шли они только на самую дорогую одежду или на ее отделку, а также на церковную утварь. Но все эти названия тканей встречаются в переписях одежды, имущества крестьянских семей и жителей растущих городов Прикамья.

По памятникам можно судить о том, как жили новые, заимствованные слова в живой народной речи. Их изменяли, произносили по-новому. Например, неудобно было в живой речи использовать словосочетание *анбурское сукно* (возникшее из *гамбургское сукно*), и появлялось на месте словосочетания одно вновь созданное слово *анбурщина.* Не принято было называть ткань словом в форме множественного числа, и заимствованные слова, к примеру, название шелковой ткани *дороги* («Шубка женская, мех хорьковой, под зелеными дорогами»), воспринимавшееся по окончанию как слово множественного числа, переделывали в существительное, употреблявшееся как слово единственного числа, в данном случае *дорог:* «Подзатыльник золотом же шит по дорогу желтому».

Названия предметов одежды — замечательная лексика. Она хранит память о прошлом, о быте людей, о самом языке ушедших эпох. В ней много слов общерусских, частью сохранившихся до нашего времени (*рубашка, сарафан, шапка,*

шуба, сапоги), частью исчезнувших (*пух* — меховая оторочка, *испод* — внутренняя сторона одежды, подкладка). Немало и слов диалектных, таких, которые и в XVII в. употреблялись в живой речи не везде в России, а только на определенной, ограниченной территории. Например, меховая оторочка одежды называлась не только общерусским словом *пух*, но и местным, диалектным, — *напушица*: «Шапка овинная, черная, с напушицей бобровой».

Использовалось, например, некогда слово *платье* в качестве общего названия всей одежды, надеваемой поверх белья. Так, в одной из пермских грамот XVII в. читаем: «Владеная[49] на платье: на два зипуна вишневые, да на два кафтана, да на сарафан». Но постепенно у слова вырабатывалось еще одно, более узкое значение: им стали называть появившийся конкретный предмет женской одежды, пришедший на смену старому сарафану. Употребление этого нового значения постепенно становилось все более активным. Сфера же применения старого, общего значения сократилась. Сейчас мы встречаем его преимущественно в произведениях литературы XIX — начала XX в.: у Пушкина в «Метели» («Марья Гавриловна не спала всю ночь, она укладывала, увязывала белье и платье»), у Чернышевского в «Лессинге» («Верхнее платье из грубого сукна имели только немногие поселяне»). Используется оно и в официальном языке: «Магазин готового платья».

Вместо слова *платье* в литературном языке утверждается общее название, пришедшее из книжного языка, — *одежда*, которому в русских

---

[49] Владеная — грамота на владение чем-либо.

говорах и просторечии соответствовало слово *одёжа*.

История этих слов в значительной мере объясняется лингвистическими причинами: возможностью развития новых значений слов или перехода из одного стилистического пласта лексики в другой (*одежда* из высокого стиля — в средний). Но нельзя забывать, что изменения в лексике одежды были продиктованы прежде всего изменениями в самих предметах одежды и их отделке, назначении, исчезновением некоторых тканей (лундыш, настрофиль, шиптух, байберек, дороги, зандень) и появлением новых. Как говорят языковеды, здесь действуют экстралингвистические факторы — внеязыковые причины изменений. Они в области лексики одежды были очень существенными: предметы одежды менялись, и это не могло не отразиться на языке.

Итак, история каждого отдельного слова из лексики одежды отражает историю самих предметов одежды — существенной части материальной культуры людей. Вместе с тем изучение пермской лексики очень важно для изучения не только материальной, но и духовной культуры жителей Прикамья в прошлом.

⁂ ⁂ ⁂

Присушные слова и приворотное зелье

Очень интересно составлять словари говоров и памятников письменности. Работа словарников, или лексикографов, сложна и весьма трудоемка. Даже самые совершенные электронно-вычислительные машины могут лишь частично помочь лексикографам: рассортировать материал по алфавиту, сосчитать количество словоупотреблений в том или ином тексте, зафиксировать те данные о словах, которые предложит машине человек. Главную же работу по определению значений, смысла слов, по установлению их стилистических особенностей, выбору иллюстраций слова из текстов делают люди.

В разные эпохи деятельность лексикографов привлекала многих исследователей. В XVIII в. известный русский общественный деятель и писатель Феофан Прокопович, переводя французского филолога XVI в. Скалигера, писал:

Если в мучительские осужден кто руки,
Ждет бедная голова печали и муки,
Не вели томить его делом кузниц трудных,
Не посылать в тяжкие работы мест рудных:
Пусть лексикон [50] делает — то одно давлеет,
Всех мук роды сей един труд в себе имеет.

Но трудности никогда не останавливали ученых, и в мире появлялись новые и новые словари.

В последнее время по материалам Прикамья вышли однотомный «Словарь говоров Соликам-

[50] Лексикон — словарь.

ского района Пермской области», 1-й том «Словаря говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области», словарь географических терминов Пермской области[51]. Пришла очередь составлять словарь пермских памятников.

В архивах различных городов Советского Союза нужно было выявить тексты, написанные в Прикамье в тот период. Их надо было найти, прочитать (рукописи, написанные сложной скорописью 400—300-летней давности), скопировать, соотнести с современной орфографией, составить картотеку словаря — каждое слово выписать на отдельную карточку, на которой помещались также отрывок из текста, где зафиксировано слово, чтобы можно было по окружающему тексту определить его смысл, дата, место написания текста и точный адрес слова (в каком документе, из какого архива, на каком листе, в какой строке оно отмечено).

В пермской картотеке лексики памятников насчитывается более 100 тыс. карточек. Они расставляются строго по алфавиту (как в словарях и энциклопедиях), и в результате вместе оказываются все карточки на одно слово, расписанные по разным документам, например, на слово *сарафан* их несколько десятков, *дубас* — несколько штук, *холст* — более 100.

Основные трудности встают перед лексикографом при составлении словарных статей. Приходится не только внимательно анализировать тексты, в которых встречается слово, но и изучать по различным источникам особенности жизни Прикамья в прошлые эпохи, чтобы до конца

---

[51] Полякова Е. Н. От «араины» до «яра»: Русская народная географическая терминология Пермской области. — Пермь, 1988. — С. 49—168.

понять составителя документов. В результате изучения лексики памятников открываются многие стороны жизни, характерные черты духовной и материальной культуры жителей края. Составляли, например, словарную статью на слово *молить*. В картотеке лексики пермских памятников есть карточки, в которых этот глагол отмечается в сочетании со словами *бог, господь*: *молить бога, молить господа*. Но есть и непривычное употребление слова *молить*: *молить быка, молить мясо*. Так, в кунгурском документе рассказывается о событиях, развернувшихся в 1674 г. в деревне Кобенякове Кунгурского уезда. Житель деревни черемисин[52] Умербахтка Метяков украл на торговище[53] «осенним временем» белого быка, которого неделю держали во дворе, а потом «убили того быка... на богомолье». Мясо быка «молили», а затем носили по деревне и давали есть жителям.

О чем же свидетельствуют все эти записи? Что за событие описывают? Возможно, так отмечали в XVII в. жители Прикамья праздник Фрола и Лавра: забивали быков, часть мяса и кожу отдавали церкви, которая такой обряд поощряла, а остальное мясо делили между прихожанами как ритуальное. Однако очень чувствуются в описании события в кунгурском памятнике пережитки язычества. Во-первых, имена жителей деревни явно не христианские, хотя и приспособленные к русскому деловому языку: все они имеют уничижительный русский суффикс *-к(о)* (Тербакышко, Алшибайко), но основы у

---

[52] Черемисин (черемисы) — старое название представителя (представителей) марийской народности. В Кунгурском уезде в XVII—XVIII вв. жило много марийцев.

[53] Торговище — рынок, базар.

них неканонические. Во-вторых, сами обстоятельства события наводят на мысль о дохристианском, языческом обряде.

Исследователи культуры марийцев сообщают о том, что у них существовал народный осенний праздник (*угинде пайрем* — праздник нового хлеба), который сопровождался приготовлением обрядовых блюд и семейными молениями. Праздник этот уходит своими корнями в глубокую языческую древность, и в кунгурском акте находим, возможно, свидетельство именно о нем. Возможно, здесь рассказывается о том, что совершалась «мольба» — культовый обряд, во время которого приносили в жертву белого быка. Видимо, животные белой масти имели особенный смысл для ритуала жертвоприношения.

Все это оказалось необходимым установить, чтобы выяснить значение глагола *молить* в словосочетаниях *молить быка* и *молить мясо.* В результате в словаре пермских памятников можно показать не только известное в русских текстах значение глагола *молить* — страстно, горячо, униженно просить бога о чем-либо, но и такое неизвестное по другим памятникам значение, как, совершая моление, освящать животное, приносимое в жертву.

Нередко в памятниках идет речь о волшебстве, волховстве, еретичестве. В прошлом люди верили, что наговорами, специально произнесенными присушными словами можно кого-либо «присушить», т. е. вызвать чувство любви, тоску: «Наговорил де он, Павел, в стокане в пиво присушные слова... И она де, Мавра, тот стакан приняв, пила и с того времени по нем, Павле, стала тосковать и сохнуть». Но верили и в то, что другими наговоренными словами можно снять «присуху»: «А ныне де он, Павел, то сде-

лает, что де она, Мавра, по нем, Павле, тосковать и сохнуть не станет».

Было множество различных примет, действий, вызывавших отрицательные результаты. Например, верили в то, что человека можно испортить, если наговорить определенные слова на питье или еду, что человек заболеет, если вылить ему под ноги недопитое им вино, пиво. Так, в 1706 г. кунгурскому воеводе была подана крестьянином Иваном Федоровым жалоба на Дементия Володимерова сына Новоселова, о котором челобитчик говорил: «В доме своем, в клете, поил меня вином. И я из посуды допить вина не мог. И он, Дементей, из той посуды остаток вина вылил на пол. И после того явилась во мне немочь на нутре, тайная порча. И от той икотной порчи ныне я вне ума».

Изучая употреблявшееся в памятниках Прикамья слово *зелье,* лингвисты столкнулись с тем, что оно в XVII—XVIII вв. использовалось в двух значениях. Во-первых, в пермских документах словом *зелье* называли порох. Когда в XVII в. каждый бывший воевода сдавал дела новому, в документе — расписном списке — переписывалось все, что передавалось в ведение нового воеводы: город (городские стены), башни, ворота, оружие, документы и т. д. В расписных списках встречаются записи о порохе, называемом зельем: «Принял зелья, опричь кадей, сорок три пуда с полупудом. А тот порох был старинной, сыр и излежал».

В других документах, где передавались слова местных жителей, зельем называли сушеную траву, используемую для волшебства, отравы. В одном из пермских документов написано: «Мавра спрашивает зелья и его де, Семена, хочет испортить». Далее в документе говорится,

что ей дали траву и «после той травы она, Мавра, иного зелья не искала». Впрочем, травы использовали и для порчи, колдовства, как приворотное зелье и от болезней.

Действия знахарей в деловых текстах называли волшебством, волховством и еретичеством, и нередки среди документов XVII в. челобитные — жалобы на еретичество знахарей. Иногда жители Прикамья обращались к знахарям за помощью: «Игнатей от той болезни ей, Евдокие, волховством своим и травами пособлял». Но если болезнь не вылечивалась, знахаря тут же могли обвинить в порче: «Игнатей Амвросимов пустил де на женку его, Семенову Евдокию Прокопьеву дочь, болезнь неведомо де какую».

Волховство, еретичество преследовались властями. В ряде документов говорится об изъятии в результате обыска «трав и травного коренья».

Судя по актам XVII—XVIII вв., знахарями были и женщины, и мужчины, но чаще говорится о волховстве мужчин.

Различные способы обережения, ведущие свою историю с языческих времен, перемешивались с церковными. Так, в начале XVIII в. упоминаются тетрадки с молитвами для обережения от стрельбы. В документе 1710 г. написано: «Казал ему Федор Анисимов на поле тетрадку небольшую скорописную, а в ней написаны молитвы господу богу, и пресвятой богородице, и животворящему кресту, и многим святым, чтоб от всякого ружья быть невредну. И весною ездил на поле для пахания и имал тое тетрадку с собою, чая какого хранения от ружья... И стреляли из луков издалека, а стрелою де за дальностию по нем дострелять и убить было неспособно». У этой тетрадки была непростая судьба. Ее отбирали у владельца, т. к.

«Федор не учен грамоте, а ту де тетрадку у себя имеет, а читать не умеет, потому де ему в ней не надлежит нужды», ее крали, т. к. верили в защитную силу и хотели иметь у себя. Хранили ее на полице (полочке) у иконы.

Изучение слов, называющих нечистую силу, показало, что жители Прикамья XVII—XVIII вв. считали совершенно недопустимым поминать черта, а уж если кого-нибудь обвиняли в «службе черту», то это почиталось за страшный грех. Однако в одном из документов 1707 г. есть запись, помогающая лексикографам установить, что слово *черт* хоть изредка, но использовалось в живой речи: «Говорил де он, Елфим: наши де дети служат великому государю. А Осип де Нестеров его де, Елфима, взяв за бороду, драл и говорил: ваши де дети черту служат, а не государю... И он де, Осип, ему, Елфиму, говорил: черту ваши дети служат, а не государю, потому что де сын его, Елфимов, солдат Антипа, со службы великого государя бежал и в бегах де живет в Устюжском уезде у дяди своего».

Жители Прикамья в XVII—XVIII вв. чувствовали себя незащищенными от болезней, обстоятельств, недобрых людей, нечистой силы и всячески пытались оберегать себя от всех напастей. Особенно оберегали от порчи молодых на свадьбе. Выше уже рассказывалось о колдунах на свадьбах — вежливцах, которые с помощью особой травы и громовой стрелы, по поверью, охраняли молодых. Изучая по памятникам лексику свадебного обряда, можно восстановить некоторые этапы и особенности заключения брака в то время.

Изучая слово *обрученье,* лингвисты столкнулись с любопытным документом 1703 г., в котором рассказывается, что «кунгурец Антон Ряза-

нов звал де его, попа Стефана, и з женою его в деревню Мячину на обрученье к Константину Андрееву». Во время обрученья, на котором присутствовали родственники и жениха, и невесты, «Константин де у него, Антона, в приданом просил расписку. И от того де у них меж собою учинился здор[54]. А Антон де Рязанов Константинова сына толкнул, и он упал на середину. И в то де время неведомо кто огонь угасил. А кто кого перебил, того де он, Стефан, не знает, потому что, как огонь угасили, и он, поп Стефан, из избы бежал».

Сохранившийся текст является юридическим актом, в котором разбирается дело о «здоре» по поводу приданого. Из него можно узнать о некоторых особенностях самого обряда обрученья, например, то, что происходил он в присутствии священника и родственников жениха и невесты, что во время обрученья должны были официально оформить распиской договор о приданом. Именно по поводу приданого и «учинился здор».

Есть в пермских памятниках при описании свадеб упоминание слов либо совсем забытых, либо таких, которые сохранились сейчас лишь в фольклоре. Совсем забытым является упоминаемое в актах начала XVIII в. слово *приборяне* — участники свадебного поезда. В текстах XIX—XX вв. их называют *поезжанами*.

Свадебный поезд тоже оберегали от нечистой силы и лихого человека, но не всегда успешно. В челобитье 1706 г. читаем: «Ярафей Гилев выдавал дочь свою Ирину замуж. И как де он, жених с невестою, с приборянами от него, Ярафея, из дому к церкви к венчанию ушли, и

---

[54] Здор — ссора.

в то де число[55] на улице у двора де ево, Ярафеева, Дементий Новоселов говорил де похвальные речи: только де князь новобрачной и княгиня новобрачная пива да ему, Дементию, не дадут, столько де и поживут». Вот оно — дурное предсказанье для молодых, и написан документ потому, что через два дня «дочь его, Ярафсева, Ирина и заскорбела нутряною скорбию. И доныне она, дочь его, Ярафеева, скорбит. И неверка[56] де в той скорби на него, Дементия Новоселова». Такое уголовное дело хранится в Центральном государственном архиве древних актов в Москве.

Любопытно, что когда о молодых пишет составитель документов, он называет их женихом и невестой. В показаниях неудачливого ответчика Дементия Новоселова молодые после венчания на свадебном пиру называются *князем* и *княгиней новобрачными* — словами, сохранившимися в фольклоре и свадебных песнях:

Хочу я вам, дружка,
Приказ отдать:
Коней закладать,
В гривы и в хвосты
Ленточки вязать,
В сани ковры разостлать,
Нашего молодого князя благославлять!
Наш новобрачный князь
Будет своего коня ударять.
Я еду, княжий дружка,
К молодой княгине
С дорогими подарками
На золотых блюдах.
Дайте мне путь-дорожку
Пройти к вашей молодой княгине[57].

---

[55] В то число — в то время.
[56] Неверка — подозрение.
[57] Чердынская свадьба. — Пермь, 1969. — С. 136, 139.

Изучение старой, исчезнувшей из живой речи лексики, зафиксированной в памятниках письменности, помогает установить некоторые черты духовной культуры жителей Прикамья прошлого. К сожалению, это только отдельные детали, но и они ценны, когда речь идет о реконструкции прошлого, нашей истории. Поэтому изучение лексики и должно идти параллельно с исследованием самих явлений, должно способствовать реконструкции характерных черт культуры.

* * *

О таинственных словах *сничной, позмог, впромитусь* и других

Мне не раз приходилось сначала узнать о каком-то месте, поселении Пермской области по памятникам письменности XVI—XVII вв., а уж потом побывать там. Особое чувство испытываешь, когда приходишь в деревню, зная по деловым документам, какой она была 400—300 лет тому назад. Особенно радуют современных исследователей сохранявшиеся в течение столетий и известные сейчас названия мест, о которых знают по старинным документам, и фамилии местных жителей.

Именно такое чувство радости мне пришлось испытать в Цидве, деревне Чердынского района, древнем русском поселении на речке Цидве (или Цидовке) — притоке реки Колвы, упоминающемся в писцовых книгах писца Ивана Яхонтова еще в 1579 г. До нашего времени дошли деловые документы XVI—XVIII вв., принадлежавшие некогда семьям цидвенских крестьян Афанасьевых, Девятковых, Мырзиных, Головиных. В юридических актах описываются продаваемые, закладываемые, завещанные земли, постройки, скот, имущество, а иногда и события уголовного характера. Все это представляет большой интерес для историков языка.

Часть цидвенских документов была опубликована в 1908 г. В. Удинцевым в книге «История займа»[58], а часть неопубликованных тек-

---

[58] Удинцев В. История займа. — Киев, 1908. — С. 233—252.

стов хранится в Чердынском краеведческом музее.

Во время экспедиции выяснилось, что все упоминаемые в памятниках XVI—XVIII вв. природные объекты хорошо известны местным жителям либо как существующие сейчас, либо как существовавшие в недалеком прошлом, о котором хорошо помнило старшее поколение. Я спрашивала о Березовом болоте, и мне охотно объясняли, где оно расположено, что из себя представляет. Спрашивала, не слыхали ли о Петровском прудище, нередко отмечаемом в документах XVII в., и мне показывали прямо на место, где оно было, и объясняли, что значит слово *прудище:* «Пруд был, а теперь все распущоно. Тут Петровско прудище было». Правда, о том, что у этого прудища стояла, как свидетельствуют документы прошлого, мельница, уже никто не помнил. Называли и распространенные здесь фамилии: Афанасьевы, Девятковы, Головины, Мырзины, почти полностью совпадавшие с фамилиями XVII в.

Словом, пока речь шла об именах собственных (географических названиях и фамилиях), жители Цидвы хорошо понимали меня, не подозревая, что эти сведения насчитывают 300—350 лет своего существования. Они объясняли, где расположены покос Чертеж и лог Ветлан, где находится и что из себя представляет Камешник («Камешник называется угор, камни добывали там»), далеко ли от Цидвы находится Холуй («Холуй на реке Бубыле был, его расчищали»), что за место Узедь («Куды поедешь?» — «По Узеде поеду. Там лог от Селянки идет. Сыро там, болото, лес растет, узкое место там»). Жители деревни в 1970 г. пользовались практически всеми названиями XVII—XVIII вв.

Однако, когда дело дошло до слов нарицательных, картина оказалась иной. Многие старые слова, конечно, продолжали жить в говоре. Рассказывается, например, в памятнике, как некая «Евдокейка стала отпирать голбец», и мне показывают в избе то место у печи, которое является входом в подполье и называется *голбцем*. Показали и сохранившиеся на хозяйственном дворе старые *ральники* — металлические ножи, надевавшиеся на *рало* —соху. Показали и объяснили, что называют *стаей* или *стайкой* на хозяйственном дворе (хлев для скота). Но многих старых слов цидвенцы не знали и не могли объяснить.

Одни из этих слов исчезли, потому что перестали использоваться называемые ими предметы. Так, в цидвенском акте 1678 г. говорится: «Изба была заперта на круке[59], из нутреную сторону было круком и замком сничным заперто». Но теперь о сничном замке и его устройстве никто не знает, а само слово *сничной* воспринимается как неизвестное. Мы можем только предполагать, что какая-то часть этого замка или весь он «сникал» (спускался). Отсюда и название *сничной.*

Иногда сам предмет сохраняется на протяжении веков, но слово, его называвшее, заменяется другим. Мы уже видели выше, что называли в XVII в. в чердынских (в том числе и в цидвенских) документах рыжевато-красноватый крупный рогатый скот (коров, быков, телят) *редрым* — диалектным названием масти. Но с развитием значения цвета у слова *красный* его стали использовать не только при характеристике разных предметов неживой природы, но и вме-

---

[59] Крук — крюк.

сто слова *редрый,* т. е. как название масти. Слово *редрый* забылось, современным цидвенцам оно неизвестно.

Встречается в цидвенских текстах 1644, 1645 гг. незнакомое по другим источникам слово *позмог.* Его не только не знают современные жители Цидвы, но оно не встретилось пока ни в словарях, ни в памятниках других территорий. В цидвенских же актах оно употреблялось как название меры зерна: «Пшеницы семянные шесть позмог... Взяти муки позмог пшеничные... Ржи три позмоги, да хмелю полбезмена, да ячменю позмог».

Вот что любопытно: в пермских памятниках XVII в. других территорий (соликамских, кунгурских, осинских) это слово не встречается. Нет его и в чердынских (в частности цидвенских) актах других лет. В них обычно пишут о том, что измеряли хлеб пудами, четвертями.

Чему равнялся *позмог,* какова была эта мера и как отмеряли зерно *позмогом* (на вес или по объему), по цидвенским актам установить оказалось невозможно. Но поиски в различных нецидвенских источниках этого слова или каких-то однокоренных с ним слов дали неожиданный результат.

Во-первых, слово *позмог* было обнаружено в качестве географического названия в соликамском документе 1650 г.: «А межа тое пожни от Усолки-речки, от Луканиной пожни, а с нижнюю сторону от Позмога, да с нижнюю ж сторону от Панкратовския пожни». Все, что можно установить по этому тексту о слове *Позмог,* сводится к следующему: так называли место около реки Усолки, причем такое, на котором не могла быть расположена *пожня* (покос). В то же время топоним *Позмог* не был названием речки

или ключа, т. к. в этом случае в акте по традициям делового языка обязательно написали бы «от Позмога-речки», «от ключа Позмога». Скорее всего, слово *позмог* было в данном случае именем собственным, возникшим из географического термина, называвшего какое-то место у реки Усолки. Но какое?

Во-вторых, поиски сведений о слове *позмог* помогли найти глагол одного из коми-зырянских диалектов *позмöгасьыны,* что значит «застрять, задержаться где-либо».

Можно ли как-то связать между собой эти три слова: *позмог* — мера зерна, *Позмог* — географическое название, и коми-зырянский глагол? Думается, что можно.

Как отмеряли зерно *позмогом?* Видимо, насыпали определенную мерку — *позмог* (сосуд, ящик?), скорее всего, сделанный из дерева или из бересты. При высыпании зерна из такого позмога в нем могли застревать, задерживаться отдельные зерна. Отсюда связь со значением коми глагола «застревать, задерживаться где-либо». Значение «застревать» могло привести к переносу этого слова в область географии: *позмог* — место, где застревают, например, вязкое, топкое место у реки. Слово нарицательное, закрепившись за определенным объектом, могло перейти в имя собственное.

Не исключено, что слово *позмог* пришло в цидвенский говор из коми языка: русское население проживало в районе Цидвы совместно с коми населением, о чем свидетельствуют и название реки Цидва (*ва* — на коми-пермяцком языке «вода, река»; *-цыд-,* по мнению А. С. Кривощековой-Гантман[60], из *кöдзыт* — холодный;

---

[60] Кривощекова-Гантман А. С. Географические названия Верхнего Прикамья. — Пермь, 1983. — С. 155.

звук *Т* в этом слове перешел в *Д* под влиянием звонкого звука *В* в соседнем — *ва*), и многочисленные географические коми названия в округе, и исторические сведения, и заимствование других коми слов, отраженное в чердынских актах XVII в.

Известны коми названия и в районе Соли Камской, так что и там существование коми слова *Позмог* как наименования места было вполне возможным.

В речи русских жителей Верхнего Прикамья употребление заимствования *позмог* было реальностью. В Среднем же Прикамье, памятники которого тоже были изучены, оно не встречается, т. к. на этой территории в XVII в. коми не проживали.

Конечно, все, что сказано о слове *позмог* как о заимствовании и о том, как оно жило и развивалось в Прикамье, пока только гипотеза, предположение. Но будем надеяться, что со временем найдутся факты, которые подтвердят это предположение.

В пермских памятниках XVII в. отмечаются и группы слов, использовавшиеся в прошлом преимущественно в речи людей определенных занятий, профессий. Так, в соликамских актах есть слова, характерные для речи солеваров. *Соляной трубой* называли деревянную трубу, опущенную глубоко в землю, в специально подготовленный колодец, из которого поднимали рассол — воду с большим содержанием растворенной в ней соли. Соляную трубу обстраивали многоэтажной вышкой — башней, которая могла достигать в высоту 10—12 м. *Соляной варницей* именовали высокий деревянный сруб, покрытый четырехскатной крышей с деревянной вытяжной трубой посередине для выхода пара. Внутри вар-

ницы подвешивалась огромная (до 8 м в поперечнике) сковорода, называемая в соликамских актах *циреном, череном* или *ценом*. На цирен наливали рассол, под ним жарко горели дрова, в результате из рассола выпаривалась вода и на цирене оставалась поваренная соль.

В соликамских документах о продаже, закладе имущества нередко упоминаются части цирена, которые позволяли его укреплять,— *дуги, ножки*. Лексика, обычная в речи солеваров, нередко встречается в деловых документах: «Продал у Соли Камской посадскому жильцу Ивану Евдокимову сыну Вологжанинову варницу свою и с циреном, и с двема колодцами, откуды росол был лит старой» (1616), «Продал Ивану Сергиеву сыну Суровцову, жильцу Соли Камские, варницу свою и с циреном, и с дугами, и с местом варнишным» (1595).

Для солеваренного промысла требовалось большое количество дров, которые секли, как говорили в XVII в., на специально отведенных для этого участках — *дроводелах*. Секли лес предназначенными для этого дроворубными топорами, очищали стволы от сучьев. Получались *оследи*, или *оследник*, который сплавляли по реке к соляным варницам. На берегу под варницами устраивали *плотбища* — места, где складывали и хранили лес — дрова для варниц.

Бревна вытаскивали из воды на берег и укладывали на плотбище в специальные укладки — *костры* (по принципу поленниц) определенной длины, ширины и высоты. *Костром* называли специальные укладки бревен или поленьев, предназначенные для различных целей (хранения, измерения количества леса), а не то, что называют теперь, — горящую кучу хвороста или дров.

Изучая лексику памятников, характерную для речи людей, занятых определенным промыслом, исследователи сталкиваются иногда со словами, смысл которых удается установить только в результате специального анализа. Вместе с тем такой анализ дает интересные сведения по истории языка. Так произошло, например, при изучении двух слов, встречающихся в соликамских актах XVII в. и отсутствующих в других русских языковых источниках: письменных документах того времени, современных говорах, различных словарях русского языка. Эти наречия — *впромитусь* и *напромитусь*.

Они отмечаются в соликамских актах там, где речь идет о складывании дров в костры на плотбищах у соляных варниц: «Поставить те дрова мне, заимщику, Усолкою-рекою, у Соли Камской под варницы. А из воды дрова волочить на берег. В костры дрова класти без хитрости, концы впромитусь. И отмерить дрова по обе стороны костров в длину и вверх в сажень усольскую таможенную», «Дрова волочить на берег Ивану своими деньгами[61], класти плотно, без хитрости, концы напромитусь, без сучья и без гнилых. И отмер дровам по берегу по обе стороны костра».

Наречия употреблялись в сочетании со словом *концы* «концы впромитусь», «концы напромитусь»), видимо, в одном значении. Что это было за значение, из соликамских памятников неясно. Его предстояло установить.

Впрочем, это была не единственная загадка исследуемых слов. Точно неизвестна была даже их форма. Дело в том, что до нас дошли подлинные документы, написанные в Соли Камской

---

[61] Самому оплачивая эту работу.

обычной графикой XVII в. — скорописью. Чтение скорописи требует определенных навыков, т. к. она весьма отличалась от современного письма. Одно из отличий — использование так называемых выносных букв. Если слог оканчивался на согласный звук, то соответствующую ему букву могли (но не обязательно) написать над строкой. Обозначала выносная буква без всяких дополнительных знаков и твердый, и мягкий согласный звук. Например, в словах косте^{р} и октяб^{р} буква *Р* обозначала в первом случае твердый звук *Р* (костер), а во втором — мягкий (октябрь).

Когда написанные в XVII в. слова совпадают с современными, языковедам нетрудно прочитать их правильно. А если слова незнакомые? Как установить, каким был звук, обозначенный выносной буквой (твердым или мягким)? Именно эту загадку и задали исследуемые наречия, т. к. абсолютно во всех случаях в соликамских документах они написаны с выносной конечной буквой С: впромиту^{с}, напромиту^{с}.

Поиски этих слов в источниках XVII в. и в словарях оказались безуспешными. Попробовали искать слова *промитус* или *промитусь*, однако и их ни в каких источниках не оказалось. Тогда было сделано предположение, что *про-* в этих словах приставка, а корень — *митус* или *митусь*.

Поискали — и нам повезло. В исторических и этимологических словарях русского языка есть слова *митус* и *митусь* со значениями «взаимно друг к другу», «напротив друг друга», «крест-накрест», «попеременно». Есть там и однокоренные глаголы *митушатися* — чередоваться, *митушати* — топать ногами в такт музыке, и сложное существительное церковнославянского язы-

ка *митусьпевание* — повторительное пение. Но памятники и составленные по ним словари отмечают малую долю существовавших в прошлом слов с корнем *митус/митусь*. Заложенное в них значение — чередуясь попеременно — постепенно развивалось, и в говорах встречаются слова с новыми значениями: переступание с ноги на ногу (*митуса*), суета (*метуса*), метаться, суетиться, беспокойно двигаться (*метусить, митуситься, метушиться*), несогласие, раздор (*метусь*).

Видимо, слова с этим корнем употреблялись в прошлом и в русских говорах Прикамья, из которых проникли в коми-пермяцкие диалекты, где до сих пор сохраняются слова *митузитчыны* — упрямиться, сопротивляться, артачиться — и *митуз* — упрямец.

В русских говорах в словах с корнем *митус/митусь* было и другое направление в развитии старого значения, а именно: перебирать, перемешивать, тасовать (*митусить, метузить*), метать стога, ставить скирды (*метучить*). Слово *метучить* (метать сено) известно в XX в. в говорах Среднего Урала, а в архангельских говорах существовало слово, близкое к соликамскому (из памятников) — *напрометось,* которое использовали, когда хотели сказать: «Так класть снопы, чтобы верхушки снопов одного ряда прикрывали верхушки противоположного ряда».

В современных пермских, в частности соликамских, говорах слова с корнем *митус/митусь* пока не зарегистрированы, но есть косвенные свидетельства, кроме данных коми языка, что они существовали. Так, в одной из диалектологических экспедиций в д. Акчим Красновишерского района было записано наречие *наизвитусь*. Рассказывая о побелке комнаты, хозяйка дома говорила: «У меня и вышла пеганая. Ну пега-

ная: та сторона голубая, а эта мутная, кака-то грязная; наизвитусь, непарная». В слове *наизвитусь* ощущается значение «чередуясь попеременно». Видимо, было когда-то в акчимском говоре наречие *наизмитусь* и другие однокоренные с ним слова. Но они были постепенно забыты, исчезли, заменились новыми. Произошли изменения и в слове *наизмитусь:* звук *М* заменился звуком *В*, и произошло сближение с другим корнем — *вить* (витиеватый).

Изучив все эти факты, сохраненные памятниками, словарями, говорами, можно с большой долей уверенности предположить, что в прошлом наречия *впромитусь, напромитусь,* записанные в соликамских памятниках, звучали с конечным мягким (а не твердым) согласным *С* и означали «так, чтобы концы бревен внутри укладки плотно примыкали друг к другу».

В документах XVII в. оговаривали при заключении сделки, что дрова в костры (укладки) надо класть без хитрости, плотно, чтобы не было пустых мест и чтобы костры были полноценными. Не должны были класть внутрь костра сучья или гнилые бревна.

Так привлечение всех возможных материалов для сопоставления помогло выявить значение и форму незнакомых современному читателю Прикамья и других мест России слов, т. е. установить еще одно не известное исследователям звено в лексике русского языка прошлых эпох, и показать, что в современных словах русских и нерусских говоров Пермской области хранится память о старой русской лексике.

* * *

Что такое *непроливашка*?

Лексика, как и весь язык, медленно, но постоянно движется, изменяется. Обычно это не очень ощущается людьми, не связанными с филологией, с изучением языка. Однако представители старшего поколения могут припомнить немало случаев изменений в словах и литературного языка, и разговорной речи. Можно вспомнить, например, о том, что в 30-е — начале 40-х гг. офицеров называли командирами, а солдат — красноармейцами. Сейчас это воспринимается как отражающее не сегодняшний день, а другое время.

Изменения в употреблении слов шли и в разговорной речи. В те же 30-е — начале 40-х гг. еще не существовали авторучки, зато всем школьникам были очень хорошо знакомы слова *непроливашка* и *непроливайка,* называвшие особые чернильницы с узким горлышком и стенкой вокруг него вроде воронки, опущенной внутрь. Если такую чернильницу опрокидывали, то чернила не вытекали из горлышка, а разливались внутри чернильницы вокруг воронки. Десятки тысяч школьников шли по утрам с непроливашками в портфелях. Но появились авторучки, которые сначала называли *самописками,* — перьевые, затем шариковые, и кто теперь помнит о старом названии непроливающихся чернильниц, хотя слово *непроливайка* и можно найти в академическом «Словаре современного русского литературного языка».

Движение лексики можно наблюдать и в современных говорах. Диалектологи постоянно сталкиваются с тем, что люди молодые или средних лет не только не употребляют в своей речи, но и не знают совсем многих названий объектов, которые были хорошо известны местным сельским жителям в прошлом. Их еще помнят пожилые люди: *ворга* — тропинка в лесу, *бутыры* — хутор, *кекур* — одинокая гора на равнине и т. д. А сколько было разных названий видов берегов реки: *наволок* — пойменный заливной луг, *паберега* — низкий берег реки, заливаемый в половодье, *прилук* — берег речной извилины, *приплесок* — обнажающийся после спада воды низкий берег реки, на который обычно набегают волны, *присада* — заливной луг на низком наросшем берегу реки, *яр* — крутой обрывистый берег и др. Многие из них уже вышли или выходят из речи, заменяясь общим названием *берег*.

Движение лексики в языке можно увидеть и в пермских памятниках письменности XVI — начала XVIII в., особенно при сопоставлении их с современными говорами или литературным языком. В старинных документах нередко упоминаются такие слова, которые исчезли в связи с изменениями в жизни, в быту и сейчас не употребляются. Преобладали, например, в Прикамье XVII в. избы, топившиеся по-черному. Дым в них из печи выходил не по трубе наружу, а прямо в избу, из которой удалялся через специальное дымное окно. Его открывали, когда топили печь и удаляли дым, в остальное время оно было закрыто специальной доской — *обоконком*. Делали такое окно обычно высоко на задней стене избы, выходившей не на улицу, а на противоположную сторону — в огород.

В кунгурском документе 1707 г. читаем:

«Козьма ушел из-за караулу[62] дымным окном». Видимо, оно было достаточно большим, если через него мог пролезть человек. В юридических делах Прикамья XVII—XVIII вв. не раз отмечалось бегство именно через дымное окно: «Судницын у них ушол из избы верхним окном связан».

На основе словосочетания *дымное окно* появилось слово *дымник*, которым на протяжении ряда столетий, вплоть до XX в., называли верхнее окно для удаления дыма. Спросите у современных молодых или людей среднего возраста, что такое *дымник*, не ответят, потому что давно нет изб, топящихся по-черному.

Перестают быть актуальными старинные характеристики предмета или явления, остается общее название, а детализирующие старые забываются. Хотим мы этого или не хотим, а процесс ухода многих слов из актуальной лексики естествен и необратим.

Вместе с тем постоянно появляются новые слова, которыми называют появившиеся предметы. Стали привозить в Прикамье в XVIII—XIX вв. не знакомые ранее ткани, и вместе с ними появились их названия: *беж, крем, манчестер, кашемир, сура*. Стали шить новые по сравнению с XVII в. одежды, и появились их названия: *горбун* — платье без рукавов, которое носили старые женщины, *перстятки* — вязаные перчатки, *кашемирник* — сарафан из кашемира. Начали шить иные, чем в XVII в., головные уборы, надевавшиеся на волосы под платок, и возникли новые, называвшие их слова: *моршень, сборник*.

Так было не только в живой речи, но и в офи-

---

[62] Из-за караулу — из-под стражи.

циальном деловом языке. В XVI—XVII вв. оказалось необходимым переписывать все население России для обложения податями. В XVII в. появляется царский указ, в котором предписывается фиксировать в документах людей «по имени, с отцы и с прозвищи». «С отцы» значит по отчеству, «с прозвищи» — по фамилии.

Самих терминов *отчество* и *фамилия* в современном значении в XVII в. еще не было. Они утвердились лишь в XVIII в. Постепенно происходит разделение по значению слов *отечество* (родина) и *отчество,* и в слове *фамилия,* которым в XVIII в. называли семью, вырабатывается новое значение — имя семьи. В результате сохранилось и старое русское слово *семья,* которое чуть было не исчезло, и слово *фамилия* закрепилось в русском языке, однако уже в новом значении, существующем в настоящее время.

В связи с появлением новых предметов, явлений возникали иногда слова, совпадающие по внешнему облику со старыми. К примеру, отмечалось в официальных пермских документах XVII в. такое название бани, как *мыльня.* Слово это древнее, упоминавшееся в древнерусских документах и в актах XVII в. различных территорий России. Вот какой указ был издан чердынским воеводой в 1685 г. с целью избежать пожаров в летнее жаркое время: «Чтоб однолично в Перми[63], в Чердыни, на посаде и в слободах, посадские всякие жилецкие люди изб и мылен не топили, а для всякого хлебного печенья делали б печи от хором далече на полых местах».

Слово *мыльня* использовалось в Прикамье

[63] Пермь — имеется в виду Пермь Великая, Чердынская земля.

XVII в. наряду с синонимом *баня,* но не было особенно распространенным. Видимо, оно было присуще скорее официальному языку, чем разговорной речи: в записях показаний крестьян и горожан, как правило, отмечается слово *баня:* «И двор, и баня, и хлев елевые ветхие», «А поимали его, Федота, у него, Вавила, в бане, а как де он в тое бане зашел и хто де ево поимал, того де он, Вавила, не знает».

В XVIII в. слово *мыльня* как название бани перестает употребляться в пермских текстах. Видимо, в какой-то мере этому способствовало появление слова *мыльня* в ином значении. Это новое слово использовалось преимущественно в Кунгуре, где во второй половине XVII—XVIII вв. распространяется мыловарение. Мыловаренный промысел в Кунгуре расцветал, кунгурское мыло вывозилось в разные места и славилось хорошим качеством. Вот как пелось в одной из песен, опубликованных И. В. Зыряновым в сборнике «Чердынская свадьба»:

Как вечор было поздным-поздно,
На закате красно солнышко,
На заре да на вечерною,
Как у немзинских[64] да девушек
Затоплялися мыленки,
Разгоралися дровечика,
Дровечика-то самосушные,
Самосушные да самовальные,
Наносили воды колодезные,
Нагревали слизкого щелоку,
Набирали мыла кунгурского...

Мыло варили в специально отведенных постройках — *мыльных избах.* В актах начала XVIII в. словосочетание *мыльная изба* начина-

---

[64] Немзя — ныне деревня в Красновишерском районе (Пермская область: Административно-территориальное деление. — Пермь, 1982. — С. 103).

ют заменять словом *мыльня,* которым называют уже не баню, а именно избу, приспособленную для изготовления мыла. Иногда, перечисляя дворовые постройки, составители документов называли одновременно и баню, и мыльню: «Да у того двора баня, да мыльня, да огородец — оценили все в три рубля». Хотя название бани — *мыльня* — продолжало жить в отдельных говорах и в пермском фольклоре, в основной части говоров и в просторечии городов Прикамья оно вышло из употребления. Одной из причин этого было появление строения для иных целей (мыловарения).

Итак, меняются условия жизни, появляется что-то новое — и это сразу же находит отражение в лексике.

⁂

Привидение или невесомость

Когда новые слова появляются в речи людей вместе с появлением нового предмета, явления, которое они называют, это понятно. Но почему вещи, явления, действия, существующие на протяжении многих веков, могут называться различными словами? Почему *имущество* в Прикамье XVII в. называли словами *животы, живот, борошень, рухлядь, холуй, пожитки,* а в XX в. — *имущество, имение, добро, вещи, барахло, хозяйство, шмотье?* Почему на смену глаголам XVII в. *метать* и *лукать* пришел глагол *бросать,* существительному *руда (кровь)* — синоним *кровь,* а вместо многочисленных названий оттенков красного цвета (*червчатый, алый, багряный, малиновый, маковый, мясной, медный* и др.) — цветообозначение *красный?*

Чтобы лучше разобраться в таких изменениях и в их причинах, призовем на помощь слова современного языка, отмечающиеся в детской речи.

Трехлетнему Алеше показывали яркие картинки о проделках друзей — мышей и кота Леопольда. На одной из них кот Леопольд, чтобы напугать мышей, выскакивал из сундука, завернутый в простыню, и летел в виде привидения. Надпись под картинкой подтверждала: «И вдруг из сундука показалось огромное и страшное привидение».

Посмотрев все картинки и выслушав всю историю кота Леопольда, данную в подписях к

картинкам, Алеша подошел к старшему брату и предложил ему выслушать эту историю. Перебирая картинки, Алеша из слова в слово рассказал только что выслушанный текст. Однако, взяв картинку с привидением, он сообщил: «И вдруг из сундука показалась огромная и страшная невесомость». То ли слово *привидение* он не понял, не запомнил, то ли по каким-то причинам оно не понравилось ему, но он легко заменил его вполне понятным современному малышу, подходящим, с его точки зрения, словом *невесомость*, слышанным и в речи родителей — физиков, и в телевизионных передачах.

Маленький Юрик услышал за обедом, когда подавали блины, как дед с воодушевлением сказал: «Ударим по блинам». Такое словосочетание для Юрика было непривычно, но каждое слово в отдельности знакомо и понятно, и когда вечером стали доедать оставшиеся от обеда блины, Юрик тоном деда сказал: «Постучим по блинам», чем и вызвал улыбку взрослых.

Используемое в определенных словосочетаниях слово *ударить* он заменил другим, не использующимся в речи взрослых, знающих языковые традиции и употребляющих устойчивые словосочетания.

Так воспринимаемые как близкие по значению слова (синонимы) в детской речи легко могут взаимозаменяться и даже тогда, когда, с точки зрения взрослых, они для этого не годятся: либо далеки друг от друга по смыслу, либо различны по стилистической окраске, либо употребляются в разных сферах, в разных условиях. Примерно то же самое — замена слов другими — происходило и происходит и в речи взрослых, когда одни слова по каким-то причинам (так удобнее) вытесняются другими. Иногда вытес-

няются они не только из речи в каком-то определенном случае, но и из языка вообще.

Существовали, как мы уже знаем, в речи жителей Прикамья XVII в. слова *живот, животы,* называвшие имущество. В кунгурских уголовных документах писчие дьячки писали: «Сбежала она, Марьица, неведомо куды. И снесла с собою живота моего она, Марьица; две рубахи тонкие, да рубаху мужскую, чулки вязаные, да полотна, да верхницу-дубленик, да перевязку шелкову, да холста 15 аршин», «С теми понятыми оценили из животов у Марьицы Сергеевы дочери. А по оценке у нее, Марьицы, шуба-одеяльница в 6 алтын, 4 деньги, ральники — сошники в 6 алтын же, в 4 деньги, сковорода в гривну».

Слова эти отмечаются в пермских памятниках часто и в большом количестве. И вдруг в 70-е гг. XVII в., наряду с ними, начинают использовать в том же значении слово *пожитки:* «И ваших, государи, стрелецких денег платить некому и нечем, потому что у нас, богомольцев и сирот, от пожару пожитков никаких не осталось». В одном и том же деле составители документов могли использовать оба слова (и *животы,* и *пожитки*): «Ходил де он, Ивашка, для иску того ж села церковного пономаря Петрушки Трапезникова покраденых его животов во многие домы», «Ходили де они, Павел и Григорей, для обыску покраденых пожитков того ж села Петра Трапезникова».

К началу XVIII в. в пермских памятниках виден процесс нарастания количества предложений со словом *пожитки* и сокращения — со словом *животы.* Почему же возникшее в живой речи слово *пожитки,* проникнув в деловой язык, становится таким активным, что вытесняет из

документов старое, привычное? Видимо, потому, что слово *животы* становится менее удобным, чем *пожитки,* т. к. у него было несколько значений. В книжном языке и в деловых документах им нередко называли еще и *жизнь.* В челобитных XVII в. читаем: «Пожалуйте меня, сироту своего, велите, государи, вместо смерти дать живот», «Благославляю яз, Григорий, после живота своего внучат». В этих предложениях *живот* — жизнь. Существительное *пожитки* употреблялось лишь в одном смысле, поэтому было удобнее, точнее. Постепенно оно вошло в официальный язык, долго употреблялось в деловых текстах, окончательно вытеснив синоним *животы,* но все-таки и само не удержалось в нем в качестве единственного названия имущества. В слове *пожитки,* вероятно, всегда ощущалось нечто сниженное, просторечное. Его разговорный характер и привел к тому, что оно уступило в литературном языке и даже в говорах место словам *имущество, имение, добро, вещи* и др.

Случаев, когда в пермских памятниках и говорах одно из значений слов выходило из употребления, немало. Так, в памятниках письменности и в диалектах Прикамья употреблялось слово *холуй,* которое жило в нескольких значениях. Им называли старые деревянные предметы, находящиеся в сарае или во дворе (сани, телеги, оглобли, сохи и т. д., вместе взятые), и деревянные сооружения во дворе. Вот что находим в чердынских и соликамских записях XVII в.: «Досталась сенничишка[65] старая и с холуем», «Против избы клеть и с заплоты[66] и со

---

[65] Сенничишка — уничижительное к слову сенник — сарай для хранения сена.

[66] Заплот — изгородь из поставленных вертикально бревен.

всем холуем», «Продал во дворе хором[67] — изба наземная, и с жердьми, и с банею, и со всем холуем». Это значение в живой речи жило долго. В северно-русских говорах слово *холуй* в значении «хлам» известно в XIX—XX вв. В форме *кöлуй* оно сохранилось и в соседствующих с архангельскими и пермскими коми-зырянских говорах, где им называют вещи, имущество, скарб, одежду, рухлядь, барахло. Но оно было известно там и в других значениях — «деревянное сооружение в реке для рыбной ловли, состоящее из забитых в дно реки стволов деревьев, сплетенных ветками», и «место наноса половодьем на реке и на низком берегу веток кустов, сора, нередко перегораживающих реку».

Что же случилось с этим многозначным словом в пермских говорах? Значение «деревянное имущество, рухлядь» было забыто. Второе значение — «перегородка на реке для рыбной ловли» — утрачено и заменено словом *ез*, известным в пермских документах: «Велено им езы бить для рыбной ловли». Из этих двух синонимов — *холуй* и *ез* (перегородка на реке) — первое оказалось неудобным, т. к. имело несколько значений и было вытеснено однозначным синонимом *ез*. А третье значение («нанос на реке и низком берегу сора») сохранилось в говорах Прикамья и даже перешло в некоторых местах в имя собственное. В Пермской губернии существовали деревни с названием Холуй (известны они были и в других местах: в Нижегородской, Архангельской областях, в Коми АССР). В деревне Акчим Красновишерского района до сих пор Холуем называют одну из излучин реки Волима, притока Вишеры, забиваемую хворостом, сором

[67] Хоромы — постройки.

во время половодья. Это значение слова *холуй* оказалось самым устойчивым и дожило в пермских говорах до наших дней. Остальные значения утратились, забылись.

Иногда происходила полная утрата даже однозначного слова, вытеснение его другим. Например, было в пермских говорах XVII в. еще одно наименование имущества — *борошень*. Перечисляя в одном из кунгурских документов того времени различные вещи (топор, шубу, бердыш и др.), находящиеся в коробке (сундуке), составитель документа в итоге отмечает: «Коробку с замком и борошень оставил он, Михайла Середкин». В актах было принято употребление челобитчиками (жалобщиками, просителями) уменьшительно-уничижительных форм, и поэтому там отмечается слово *борошнишко*: «Пограбили у нас скотишка и борошнишка моего: ральники, цена — полтина; три косы, цена — 10 алтын; четыре серпа, цена — 5 алтын, 2 деньги; лук стрелебный, 20 стрел, цена — 10 алтын; топор, цена — гривна».

Слова *борошень* и *борошнишко* употреблялись широко на различных территориях России и в разговорной речи, и в официальном, деловом языке. Они встречаются в хранящихся в Пермском краеведческом музее зауральских, шадринских актах XVII в.: «Яков Шульгин посылал досматривать покраденого борошню». Это слово уходит своими корнями в праславянский язык, о чем свидетельствуют существующие сейчас и существовавшие в прошлом однокоренные слова различных славянских языков. Значение у него изначально было другим — «мука», «мучное кушанье», «еда». На его основе появились значения «имущество, включая продукты» и «домашнее имущество». Словом *борошень* в XIX—

XX вв. в разных русских говорах называли домашние вещи, скарб, имущество бедного человека, дорожные вещи, хлам, обноски. В пермские говоры слово пришло с русского Севера, где как название домашнего имущества оно было известно на архангельской и вологодской территориях.

В Прикамье, судя по памятникам, оно употреблялось в течение двух-трех веков, но исчезло и не фиксируется в современных пермских диалектах, хотя отмечалось в XX в. на территории Свердловской области.

Иногда меняющаяся стилистическая окраска приводила не к утрате слова, а к изменению его значения. В этом отношении очень интересно существительное *рухлядь*, которым сейчас и в литературном языке, и в говорах называют старые, негодные вещи. В XVII в. оно отмечалось в текстах: «Принес фату[68] бумажную красную, полтора конца[69] холсту, верх шапочной отласной, золотника[70] три шелку по цветом[71], очелей кокошников женских холщовых, шитых шелками, три бруска мыла. А сказал он, Иван, что ту де рухлядь нашол». Перечисляются, как видно, не старые, негодные вещи, а хорошее, доброе имущество.

В сочетании с прилагательными *серебряный, красный, мягкий* слово *рухлядь* в XVI — начале XVIII в. обозначало дорогие вещи, ценные меха: «Красную рухлядь — сукню темно-зеленого сукна анбурского, да две рубашки, да кокошник шит золотом — купил», «Книги приходные и рас-

---

[68] Фата — платок.

[69] Конец — мера холста.

[70] Золотник — мера шелковых ниток.

[71] По цветом — разных цветов.

ходные мягкой рухляди[72]», «О взятии денег с него, Гришки, и ковша, и жемчугу, и иной серебряной рухляди, и круживa». Однако со временем словом *рухлядь* стали называть не только ценные, дорогие, но и всякие вещи, а затем — старые поношенные. Слово получило новое значение и сниженную окраску.

Многие слова вытеснялись из языка синонимами, потому что в связи с развитием языка ослабевали их связи с другой лексикой, поддержка однокоренными словами, которая обычно присутствует в языке. Так, в древнерусском и старорусском языке жило слово *тать,* которым называли вора (укравшего) и которое поддерживалось в речи однокоренными словами — прилагательным *татиный* — воровской, существительным *татьба* — воровство. Из древности пришло к нам выражение *яко тать в нощи,* т. е. тайно, воровски. Это, пожалуй, и все, что сохранилось в современном языке от лексики с корнем *тать.*

В XVII в. *тать* и однокоренные слова начинают сдавать свои позиции новым — синонимам с корнем *-вор-: вор, воровской, воровство, воровать,* появившимся в русском языке сначала в западных районах России, а затем победоносно прошествовавшим с запада на восток, север и юг — в литературный язык и говоры.

Появились эти слова сначала не как синонимы к лексике с корнем *-тать-,* а с иными значениями. *Вор* — преступник вообще (предатель, изменник, клятвопреступник). В этом значении слово продолжало долго жить в русском языке и сейчас отмечается «Словарем современного русского литературного языка» как устаревшее. *Воровство* значило «преступление», *воровать* —

---

[72] Мягкая рухлядь — ценные меха.

«совершать преступление», *воровски* — «преступно».

Постепенно в словах с корнем *-вор-* значение сужается, и они начинают употребляться для обозначения не преступника вообще, а лишь укравшего. Почему это произошло?

Судя по юридическим актам XVII в., самым распространенным из всех преступлений в Прикамье были кражи. Государственная измена, клятвопреступление в Прикамье фиксируются редко. Когда писали о ворах — преступниках, — то их преступление заключалось в основном в краже. Поэтому в словах с корнем *-вор-* от общего обозначения преступления происходил переход к обозначению конкретного преступления — кражи. Видимо, так было не только в Прикамье, но и на большей части территории России в XVII—XVIII вв., что привело к выработке в словах с корнем *-вор-* конкретных значений: «укравший», «кража», «украсть».

Существовали и старые слова с корнем *-тать-*, употреблявшиеся для этой цели. Никаких глаголов с *тать* пермские памятники не фиксируют, а с корнем *-вор-* — много: «Явились с воровской рухлядью и в распросе винились. И за то его, Андрюшку, указали великие государи бить кнутом на козле, чтоб воровать неповадно было».

Глагол потянул за собой однокоренные слова других частей речи, и постепенно слова с *-вор-* вытеснили старые *тать, татьба, татиный.* Но и в самих словах с *-вор-* под влиянием этого процесса произошли изменения. Изначальное их значение — преступление, преступный — ушло на второй план. В литературном языке эти значения известны как устаревшие, но из разговорной речи ушли окончательно.

Одной из причин появления новой лексики

было неудобство использования сочетания двух слов, называющих одно понятие — словосочетаний существительного с прилагательным. Люди в речи стремятся к лаконичности и стараются избавиться от двух слов, если их можно заменить одним. Это мы наблюдаем и в современном языке. Существовало аналогичное явление и в прошлом. Так, среди пермских памятников XVII — начала XVIII в. много документов, в которых называются различные вещи, сшитые из сукна. Есть памятники, в которых говорится об изготовлении сукна непосредственно в Прикамье. Например, в кунгурском документе 1702 г. читаем: «В прошлом, 1700 г., отдано было кунгурцу деревни Шубины Ивану Терентьеву прядена[73] суконного выткати сукно. И выткала жена его из того моего прядена 24 аршина сукна серого». В тех домах, где имелись ткацкие станы, могли ткать ткани не только для своей семьи, но и для заказчиков из местных жителей. Такое сукно обычно оставляли некрашеным — белым, серым, коричневым — в зависимости от цвета овечьей шерсти, из которой изготовляли сукно. Его, как утверждают памятники, топтали, т. е., поливая горячей водой, мяли так, чтоб ворс скатался и не видно было мест переплетения шерстяных ниток. В пермских актах упоминается сукно топтаное (обработанное таким образом) и нетоптаное.

Возможно, у глагола *топтать* значение «мять, бить сукно» было диалектным. Даже в близких к пермским шадринских памятниках в этом значении употреблялось общерусское слово *полстить* — бить, мять, валять шерсть.

---

[73] Прядено — диалектное слово, которым в Прикамье называли спряденные нитки, пряжу.

Кроме сукна домашнего изготовления, в Прикамье XVII в. использовали привозные цветные сукна, из которых шили дорогую одежду. Разные сорта этого сукна имели различные названия. Ткань немецкого происхождения называли анбурским сукном (анбурский от гамбургский), польского — лятчинным, или летчинным. В Прикамье были известны еренговое (яренговое), корновое, кострюшное сукна. В живой речи из словосочетаний со словом *сукно* возникали новые, однословные названия, заменившие старые. Вместо анбурское сукно произносили *анбурщина,* вместо летчинное — *летчина,* вместо яренговое — *яренок* или *яренка:* «Два кафтана ветхих сукна анбурщины», «Издержано синие летчины четырнадцать аршин».

Одинаковые словосочетания с существительным *сукно* отмечаются в памятниках XVII в. в различных краях России, но слова, образованные от них, могли быть разными. В Прикамье анбурское сукно называли *анбурщиной,* в Зауралье, как свидетельствуют памятники, *анбуршкой;* еренговое сукно в разных местах известно было в разговорной речи как *еренг, еренк, еренга, яренка, яренок.*

Подобных случаев замены словосочетания одним словом в пермских памятниках XVII — начала XVIII в. фиксируется немало. Именно на основе словосочетаний возникали некоторые названия сарафанов. Шили, например, в Прикамье, как и на других территориях России, сарафаны из домотканого холста, называемого *крашениной.* В документах прошлых эпох находим записи о крашенинных сарафанах: «Взяли крашенинной сарафан новой», «Коробка окованая и с замком, а в ней сарафан женской крашенинной зеленой подержаной». В XVIII в. в документах

появляется новое слово — *крашенинник,* тоже называющее сарафан из крашенины. Слово *крашенинник* дожило до XX в.

Аналогично из словосочетания *кумачный сарафан* возникло слово *кумачник.* Кумачные сарафаны, т. е. сшитые из привозной хлопчатобумажной ткани, обычно красного цвета, часто упоминаются в документах Прикамья: «Два сарафана кумашных, цена — полчетверта[74] рубли», «Сарафан кумачной красной, подклад холщовой, с пуговицы и с круживом мишурным», «Сарафан кумашной поношенной». В чердынском акте 1702 г. это словосочетание заменено новым для пермских памятников словом *кумачник:* «Взяли в одну ночь у меня, Герасима, из постороннего[75] анбара кумашник новой, рубахи тонкие женские три, кокошник шит золотом по портну».

Оба эти названия сарафанов — *кумачник* и *крашенинник* — возникли в разговорной речи жителей Прикамья в XVII в., но как слова живой речи они не сразу попали в письменные тексты, а появились в них лишь в XVIII в., когда стали широко распространенными.

Итак, причины, вызывающие употребление новых слов вместо старых — синонимов или словосочетаний, — могли быть различными. В одних случаях это было стремление избежать многозначности слов, заменить их имеющими только какой-то один смысл (*пожитки* вместо *живот*), в других — стремление избежать сниженных слов, слишком просторечных или диалектных (*борошень*), в третьих — стремление использовать связанные одним корнем слова разных частей речи

---

[74] Полчетверта — три с половиной.
[75] Посторонний — стоящий отдельно от двора.

(*вор, воровать, воровской*). Иногда действовало сразу несколько причин, вызывающих использование новых слов для называния старых предметов, представлений. Действовало в лексике и стремление к экономии произносительных усилий. Все это приводило к постоянному движению в лексике разговорной речи жителей Прикамья, а память об этом движении закрепилась в говорах и письменных текстах прошлых эпох.

* * *

Да, но, неужли

Люди, приехавшие в какую-либо местность, всегда замечают использование так называемой диалектной лексики, т. е. слов, известных и употребляемых не на всей территории, где звучит русская речь, а лишь в отдельных районах. Диалектные слова не входят в литературный язык, их могут не знать люди, владеющие литературным языком, даже если они и живут в том же районе, где диалектизмы употребляются в речи сельского населения и в городском просторечии.

Наверное, в жизни каждого человека бывали ситуации, когда его не понимали или он не понимал собеседника из-за употребления диалектных слов. Бывали такие случаи и в моей жизни. Помню, как долго бродила по избе, разыскивая утюг. Мне сказали, что он стоит на загнетке. Что такое *загнетка,* я не знала, но не хотела в этом признаваться и решила опытным путем (разыскав утюг) установить, что это такое. Заглянула во все углы, на все полки и под полки, в шкафчики, в печурки. Утюга не было. Вдруг увидела его на шестке большой русской печки.

Так не по словарям, а из жизни я узнала о диалектном существительном *загнетка,* называвшем в различных говорах шесток русской печи или угол в самой печи либо на шестке, куда сгребают угли, золу, и о диалектном глаголе *загнетать* — сдвигать, сгребать, заметать.

Неожиданным был и другой случай. На уроке в школе, в алтайском селе, я долго не могла получить нужный ответ от ученицы и спросила:

«Вы урок учили?» На что она мне сразу же ответила: «Неужли». Я не поняла, что она этим хотела сказать. Оказывается, то было утвердительное слово, соответствующее литературному *да,* что-то вроде сжатой передачи мысли: «Да. Неужели не видно, что учила?» Так звучит утверждение в некоторых алтайских говорах.

Есть утвердительное слово и в пермских говорах — *но,* а также *ну.* «Пойдем в лес. — Но». «Ты уже смотрела этот фильм? — Ну».

Но в значении «да, хорошо» является обычным в коми-пермяцком и коми-зырянском языках, и наличие его в русских говорах и просторечии Прикамья свидетельствует о старых связях русских этого края с коми.

Иногда незнание диалектных слов приводит к забавным ситуациям. Студенты-филологи, приехавшие в одну из деревень на диалектологическую практику, затеяв в избе, где поселились, уборку, спросили хозяйку, где половая тряпка, на что получили лаконичный ответ: «На мосту». Девушки изумились, хотя и не подали вида: что за причуда — нести половую тряпку на мост? Изба стояла у небольшой речки, через которую был перекинут мост. Пошли к мосту и, конечно же, ее не обнаружили. Вернулись и говорят: «Тряпки на мосту нет». «Ну, как это нет?» — сказала хозяйка, вышла в сени и принесла тряпку. Просто студентки не знали, что названием сеней было диалектное слово *мост.*

Как появились *сени?* Ставили два сруба: избу и клеть. Ходить из избы в клеть по земле, особенно в грязь и зимой, неудобно. Соединили их мостками, мостом: от дверей избы к дверям клети. Чтобы жить было еще удобней, делали для этого моста крышу, стены и в одной из стен дверь на улицу. Получилась холодная пристрой-

ка к избе — сени, но на протяжении многих веков сохранялось, а кое-где и сейчас сохраняется старое их название *мост*.

Из пермских памятников письменности XVII в. видно, что сени (или мост) могли быть пристроены к одному срубу (только к избе или только к клети), они были обычно из другого строительного материала, нежели сам сруб: «Клеть о два жира с сенцы брусчатые». Клеть была из бревен, а сени — из брусьев.

Называли мостом и деревянный настил на берегу реки (мостки), с которого брали воду или полоскали белье. В тех же кунгурских актах упоминаются такие мостки у реки: «Она, Марьица, в та поры на мосту мыла платье, в которые поры потонул жеребенок. И она, Терешиха, сказывала ему, Калинке, что де она толкнула, Марьица, и она де вподлинник[76] затонула[77] жеребенка в воду».

Мостом называли в древнерусском и в старорусском (XIV—XVI вв.) языках любой деревянный настил на улице (из бревен, досок, брусьев). С начала XIX в. стали называть *мостовой* проезжую часть улицы, т. к. для пешеходной дорожки появилось новое название — *тротуар*. Мостовую мостили уже не досками и бревнами, а булыжником, брусчаткой, асфальтом.

В годы Великой Отечественной войны Пермь и Пермская область приютили множество беженцев из западных и южных районов страны, и случаи непонимания из-за употребления местных слов или значений слов возникали нередко. Врач, приехавший в эвакуацию из Смоленска, ведущий прием больных в одном из кунгурских

---

[76] В п о д л и н н и к — действительно.
[77] З а т о н у л а — утопила.

сел, был весьма озадачен, когда вошедшая на прием пациентка спросила: «Ты меня выгаркал?» Он не знал, что *выгаркать* — диалектное «вызвать», что пациентка употребила, с ее точки зрения, вполне обычное, всем понятное слово.

Учительница литературы, попавшая в Пермь из Одессы и навсегда оставшаяся здесь, с юмором рассказывала о ситуациях непонимания речи пермяков. Когда по приезде в Пермь она оформлялась на работу, то в одном из учреждений ей сказали, что нужно обратиться в другое учреждение, которое находится в *ограде*. Она решила, что раз есть в Перми район, называемый словом Разгуляй, то, должно быть, есть и район, называемый Оградой, и спросила, выйдя на улицу, как проехать в Ограду. Прохожие, которых она спрашивала, изумлялись.

Потом учительница узнала, что в Перми *оградой* называли двор у каждого дома. Он мог быть огорожен забором — оградой, но мог не иметь никаких заборов — все равно его называли оградой. Гулять в этих дворах называлось «бегать в ограде», т. е. во дворе.

Возникновение местного значения у общерусского слова *ограда* проследить несложно. Изначально словом *ограда* называли забор, стену, огораживающую какую-то территорию, обычно площадку перед церковью или участок вокруг церкви. Когда-то это слово принадлежало церковно-книжному языку, высокому стилю, его использовали в одах, например М. В. Ломоносов:

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!

В слове *ограда* есть особая фонетическая черта, характерная для высокого стиля — так на-

зываемое неполногласие, употребление *ра* вместо *оро*.

В живой речи звучало родственное слову *ограда* — *огород* (с полногласием), называвшее изгородь из горизонтально расположенных жердей, а также огороженную ею территорию. На огороженной территории сеяли лен, коноплю, овощи, а огораживали ее жердями, чтобы не проник скот и не испортил посев. Затем так стали называть и неогороженный участок для выращивания овощей. Это хорошо известно и по современному литературному языку.

В пермских памятниках письменности на протяжении долгого времени саму изгородь называли и сейчас продолжают называть *огородом*. В документах XVII в. писали: «Межа от пожни Шепетихи — сенного покосу по огороду (т. е. изгороди. — *Е. П.*) Шубинских покосов», «Мне, Василью, огород городить с ним, Леонтьем».

Участок для овощей чаще называли *огородцем*: «У того ж двора с подгорья огородец-капустник[78]», «У дворов за житницами огородец, и в том огородце сеяна редька». Видимо, закрепление слов *огород* и *огородец* за огороженными участками привело к тому, что и родственное слово *ограда* стало использоваться для называния огороженных участков, на которых есть постройки. Так стали называть и огороженный двор, внутри которого стояла какая-нибудь производственная постройка, например мельничная изба — *дербень*: «Порозжее[79] место у большого дербеня в ограде».

Слово *ограда* жило в Прикамье почти 300 лет,

---

[78] Капустник — огород, на котором выращивают капусту.

[79] Порозжий — пустой.

но сейчас, в связи с изменившейся планировкой городских построек, когда не стало огороженных дворов, стало утрачиваться, забываться. Современные ребята, когда идут гулять, говорят, что пошли «бегать на улице», а не «в ограде», как говорили 40 лет назад. Значение слова *ограда* — двор — в городах утрачивается, хотя еще сохраняется в сельской местности.

Забываются многие старые диалектные слова, некогда распространенные на довольно большой территории и проникшие даже в литературу, например в поэзию Некрасова. Каждый раз, когда современные школьники читают стихотворение «Размышления у парадного подъезда», появляется вопрос: а что такое *бечева?*

Выдь на Волгу, чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется.
То бурлаки идут бечевой.

Помню, у меня в детстве под влиянием этих строк и картины Репина «Бурлаки на Волге» сложилось такое представление: бурлаки тянут лямку, за ними на канате следует судно, а бечева — что-то вроде веревки, идущей к канату.

Много позже я узнала, что *бечевой* (а также *бичевой, бечевкой, бечевником)* называли полосу берега у воды, песчаного или покрытого галькой, травой.

В письменных, книжных текстах от диалектизмов в разные времена старались избавляться как от слов слишком бытовых, разговорных, сниженных, отличающихся от лексики литературного языка. Правда, и в письменность проникала диалектная (как и просторечная) лексика. Например, в челобитной, где содержится просьба наказать пастуха за то, что он не углядел

за коровой и она пропала, читаем: «Взял де он, Яков, у Никиты Голузина пасти скотину его — корову. И говорил он, Никита, ему, Якову, чтоб де тое корову в табуне не дярживать, из табуна де ее отпускать». *Стадо* коров названо словом *табун,* что характерно именно для диалектной речи. В заключение по тому же делу написано: «Та де его, Никитина, корова с поля из скотского стада бежала».

При редактировании заменяли слова не только диалектные, т. е. местные, но и общерусские, казавшиеся писцам низкими, не подходящими к официальному тексту. Например: «И она холста де ей, Марье, на рукава не суливала». В официальной части: «Хотела де она, Онисья, ей, Марье, дать холста на рукава». Просторечное *суливала* заменено оборотом *хотела дать.*

Случаев редактирования пермских деловых документов много. Именно по ним можно установить, какие слова были официальными, нейтральными, а какие сниженными, диалектными или просторечными. Любопытно проявлялось редактирование при употреблении именований людей. В показаниях кунгурца XVII в. женщина названа просто Терешихой — прозвищем, образованным от имени мужа, а в официальном приговоре — «Марьей Сергеевой дочерью Терентьевой женой Исакова». В официальном именовании есть имя женщины (Марья), отчество (Сергеева дочь), имя ее мужа (Терентий) и его фамилия (Исаков).

В 1623—1624 гг. производилась перепись Пермi Великой (Чердынской земли) и Соли Камской писцом Михайло Кайсаровым и его помощниками дьяком Марком Мартемьяновым, подьячими Афанасием Бреевым, Исааком Леонтьевым. Эти люди хорошо знали делопроизводство, офи-

циальный деловой язык. Они слышали разную речь и поэтому должны были хорошо чувствовать язык, выделять сниженную лексику.

Судя по писцовым книгам, они старались избегать некоторых слов как разговорных. Таким было слово *родник*. В писцовых книгах его заменяли обычно словом *ключ*, а его фиксировали лишь в тех случаях, когда оно воспринималось как имя собственное, именование ключа или небольшой речки: «Погост Ныроб на речке на Роднике», «Да в Соликамском уезде на речке на Роднике монастырская мельница».

В XVII — начале XVIII в. редактирование деловых текстов проявлялось отчетливо при составлении актов, написанных в результате перевода на русский язык показаний, данных нерусскими на своем языке. В Прикамье документы писали по показаниям татар, марийцев, башкир, коми-пермяков, переведенным толмачами — устными переводчиками. В актах это обстоятельство обычно отмечалось: «Толмачил у сего допросу татарского языку толмач Яким Степанов», «Толмачил черемисской[80] толмач Васька Иванов новокрещен».

При переводе на русский язык в документах использовали не слова разговорной речи, а лексику, принятую в деловом языке. Так, в одном из дел жилище марийцев при переводе называли не диалектным словом *вежа*, а общерусским *юрта*, хотя в этом же деле в показаниях русских крестьян жилище названо *вежей*.

Видимо, сам процесс перевода с одного языка на другой заставлял обращать внимание на подбор нужных слов, создавал ситуацию лингвистической обработки, редактирования текста,

[80] Черемисы — старое название марийцев.

а отсюда и стремление переводчика избежать диалектных и просторечных слов.

Еще одна любопытная особенность использования диалектной и просторечной лексики выявлена при изучении языка пермских памятников письменности. Лучшими текстами, содержащими лексику разговорной речи, оказались акты, написанные по показаниям женщин: «И она говорила де: у Вахромия де Корнева, не ведаю, пожар или ино что делатца, в сенях де огонь горит. Пособи де мне из моего дому робят моих вынести», «Марьица де Сергеева говорила: она де охоча палками лукать».

По-видимому, и в XVII в. мужчинам больше, чем женщинам, приходилось общаться с внешним миром: нести ямскую повинность (перевозить людей и грузы на большие расстояния), ездить в город для продажи своих изделий и за покупками, уходить на заготовку леса, на рыбный и пушной промысел. Они в большей мере, чем женщины, сталкивались с людьми из других селений, слышали другие говоры, иногда умели читать и могли оценить лексику своей и чужой речи. В официальной обстановке делопроизводства многие из них легче, чем женщины, переходили с диалектной лексики на общерусскую.

* * *

Пахать или орать

Причины возникновения диалектных слов в речи жителей Прикамья, как и вообще в русском языке, различны. Часть диалектных слов, как рассказано выше, была принесена сюда при переселении людей с русского Севера. Отсюда и близость пермских говоров к архангельским и вологодским. В словарях, где отмечена архангельская, вологодская и пермская лексика, встречаются общие для всех жителей севера диалектные слова, сохраняющиеся в Прикамье на протяжении столетий. Так, в соответствии с литературным *красиво, хорошо* говорят *баско* («Баско де срядилась девка», «Надо грести баско: дождь будет, так изгниет сено»), вместо *красивый, хороший — баской* («Лицо белое, чистое, баское», «Нет дороги-то баской до Соликамского»), вместо *разговорчивый человек — баюн* («Баюн разговаривает все время»). Яичный белок называется словом *белыш,* а желток — *желтыш* («Она яйца есть, так желтыш оставляет, ей только белыш надо»).

Используются в говорах такие слова, как *бруснуть* — горстями срывать с веток ягоды, листья («Черемуху бруснешь прямо с ветки, и брусницу, и черницу бруснут тоже одной рукой»), *варакосить* — говорить несвязно, непонятно, говорить вздор («Варакосит тут своим языком, не думает, что говорит»).

Появление диалектизмов в пермских говорах в результате переноса их первопоселенцами в Прикамье — только одна из причин существова-

ния диалектной лексики. Каждый говор, как и язык в целом, не был неподвижным, в нем, особенно в лексике, постоянно происходили какие-то изменения. Изменялись значения многих принесенных в Прикамье слов. В вологодских и архангельских диалектах слово *буторить* используют, когда говорят о метели, оно значит «мести, заметать» («Буторит сегодня. Около нового году витер да бутор, снег несет да буторит»), а *бутора* — метель, вьюга, снежный буран («Уж погоды нет хорошей, то мороз, не то бутору несет»).

В Прикамье у этих слов развились новые значения на основе старого. Значение «беспорядочно» легло в основу нового смысла слова *буторить* — делая что-либо, приводить в беспорядок все окружающее («Зачнешь искать, буторить все, говорят: бутора»), а *буторой* стали называть человека, который, делая что-либо, приводит в беспорядок все окружающее: «Бутора ты! Вот суета-то! Бутора все перерыват, ищет, найти не может». На основе прозвища Бутора, данного суетливому человеку, возникла фамилия Буторин.

Новые значения слова *буторить* и *бутора* фиксируются в Прикамье и сейчас, а значения, связанные с метелью, отсутствуют. Их вытеснили другие слова, называющие метель, — *метель, вьюга, падера*. Подобная картина наблюдается и в соседних с пермскими свердловских говорах.

Иногда исчезали не диалектные значения, а целые слова. Жило, например, во всех северно-русских говорах слово *бырь* — мелкое место на реке, перекат. В деревне Моховляны Лысьвенского района записали: «Бырь — неглубокое место на реке, на быри краснопер стоит». Но в от-

дельных говорах оно исчезло совсем и не отмечается диалектологами в районах Пермской области. Не пишут о нем и составители словаря архангельских говоров, но в них сохранилось прилагательное *быркой* — бурливый («Быркое место на реке»), связанное с существительным *бырь*.

В результате движения в лексике не только исчезают, но и появляются новые диалектные слова. Иногда они образуются от слов литературного языка, приспособленных к произношению, характерному для говора, например: *варвахтер* из литературного *фарватер* («Варвахтер — борозда в реке. Варвахтер, где пароходы ходят, речка если промоет»), *деколон* из *одеколон* («Вот два флакончика, сын послал деколон»), *брыжжи* из *брыжи* («Оборочки эти — брыжжи у нас тоже есть, складенечки таки мелкоськи складывашь, на кофту пришивашь материю эту складеную»), *вертохвостка* («Она говорит неправду, вертохвостка человека обманывает, проводит»).

В говоры попадали слова церковно-книжного языка и, видоизменяясь, оставались в них. Были в церковно-книжном языке сложные слова *леторасль, летоосль,* называвшие молодой побег дерева, ветку. Они запечатлены в памятниках духовной литературы: в сочинениях Кирилла Туровского (XII в.) — «Ныне древа летоасли испущают», протопопа Аввакума (XVII в.) — «Еже же по плоти брата и сестру своих почитай... понеже единого корене летоосли масличныя». Попали они и в живую речь, но переосмыслились. *Летоослью* молодую ветку называли потому, что она выросла за лето, т. е. за один год. Но в пермских говорах не употреб-

ляется слово *лето* для обозначения года[81], и связь с ним теряется в слове *леторосль*. Зато устанавливается связь с другим словом — *ветка*, и появляются новые диалектные слова *веторосль* («Верши[82] делают из веторослей»), *ветoрость* («Вицы называются ветрости, плетут верши из ветoрости»), *веторостка* («Из веторосток делают верши; возьму веторостку собаку отгонять»).

Нередко в говорах у общерусских и литературных слов появлялись новые для них приставки, суффиксы, окончания. В результате возникала новая диалектная лексика. Таким образом оказалось созданным слово *вориха* от *вор* с помощью распространенного в говорах суффикса *-их(а)*. Он широко употреблялся в прозвищах по имени мужа (Власиха — жена Власа, Якуниха — жена Якуна), в названиях участков земли по принадлежности людям (пожня Данилиха принадлежала Даниле, пожня Мотовилиха — человеку по прозвищу Мотовило).

В пермских памятниках XVII — начала XVIII в. встречаем с этим суффиксом такие слова, которые сейчас в литературном языке не встречаются. В одном из кунгурских юридических памятников представлено дело о воровстве гусиных яиц. Гусыня в нем постоянно называется *гусихой*: «Посадила она, Марфа, свою гусиху», «Мои гусихины яйца запарены, а ее, Марфины, гусихины яйца свежие».

---

[81] О том, что в древнерусском языке слово лето значило год, свидетельствуют многие тексты. Так, в «Повести временных лет» записано следующее: «В лето 6453. В се же лето сказала дружина Игорю: ...пойди, князь, с нами за данью». Словом лето называли год. 6453 год по летоисчислению «от сотворения мира»=945 году «от рождества Христова».

[82] Верша — снаряд для ловли рыбы.

Появлению новых слов способствовал распространенный в географических терминах суффикс *-ин(а)*: *заливина* — залив, *бочажина* — бочаг (впадина с водой и грязью в болоте), *выморина* — подморина (постоянное сырое место на лугу), *гладина* — гладкий, ровный участок, *заречина* — местность за рекой, *источина* — место выпадения ключа, истока, *косовалина* — склон.

Популярным в говорах был и является суффикс *-иц(а)*: *докторица*, *дымница* — окошко в избе, бане, топящейся по-черному, *верховица* — человек, живущий в верхней части селения по течению реки. Порой вновь образованные слова совпадали по форме с уже имеющимися, но известными в других значениях. Например, в пермских говорах женщину, собирающую налоги, называют *наложницей*, а пасущую овец — *овчаркой*.

Новые слова в говорах образовывались и с помощью приставок: *внадию* — с надеждой, с уверенностью, *внарозь* — врозь, *внайве* — наяву, отчетливо, *вничь* — ничком, *втребу* — по потребности, *заглуха* — глушь, *заболотина* — болото, *изопихать* — сдирать оболочку зерна.

В прошлом были широко распространены названия мастей домашних животных с приставкой с-: *сбела*, *сбура*, *срыжа*. Особенно большую роль в хозяйстве играли лошади, поэтому в дошедших до нас деловых документах, где упоминались лошади, продаваемые, передаваемые кому-либо по наследству, данные временно для работы, украденные, их очень подробно описывали: «Взяли мерина буланого трех лет, грива налево с отметом, да кобылу рыжую, белизенка во лбу по всему носу до ноздрей, задние копыта востры, мерина вороного, грива направо с от-

метом, правое ухо порото», «С жеребию[83] досталась лошадь — мерин гнед, космат, да кобыла савраса».

В официальном деловом языке пермских памятников для передачи оттенков мастей использовали оборот с предлогом *на:* «Лошадь на вороне чалая», «Жеребенок на саврасе пегой», «Мерин на рыже коурой», «Мерин на рыже игреной», «Кобыла на гнеде каря». Редко в официальный язык проникали особые названия оттенков мастей с приставкой *с-:* «Мерин сголуба вороной», «Лошадь вороная сбура», «Жеребенок срыжа», «Жеребенок саврасой стемна». Такими прилагательными с приставкой *с-* передавали недостаточную интенсивность какой-либо окраски лошади: *срыжа* — рыжеватая, *сбура* — с бурым оттенком.

Способ образования диалектных прилагательных с приставкой *с-* дожил в пермских говорах до наших дней. Однако называют такими прилагательными сейчас не масти лошадей, а оттенки цветов различных предметов и явлений природы (растений, почв). Они могут образовываться и от не русских по происхождению слов: «Костюмчик шью такой, сбордá[84]».

Приспособление слов литературного языка, иногда пришедших и из других языков (*деколон, варвахтер*), к живой речи происходило всегда. Отмечается оно и в пермских памятниках письменности XVI — начала XVIII в. Привозили в XVII в. в Прикамье шелковую ткань, которую во всей России называли заимствованным словом *дороги* (из тюркских языков darai — тя-

---

[83] С жеребию — по жребию.
[84] Сборда — оттенок цвета бордо.

желая шелковая ткань). В пермских документах нередки записи с этим названием ткани: «Шубка женская, мех хорьковой, под зелеными дорогами» (шубка мехом внутрь была обшита сверху этой шелковой тканью), «Пелена — дороги червчатые[85]». Однако под влиянием названий других тканей (лен, кумач, киндяк, выбойка, пестрядь) и слово *дороги* приобретает форму единственного числа (*дорог*).

Была и еще одна причина возникновения диалектизмов — взаимодействие русского языка с нерусскими. Русские люди всегда жили в тесном общении с коми-пермяками, татарами, башкирами и представителями других народностей. Было много смешанных браков, в результате чего дети владели и языком отца, и языком матери. Через несколько поколений у потомков такой семьи один язык забывался, но сохранялись в речи отдельные слова. Оставались они и в речи людей, постоянно общающихся с говорящими на другом языке.

В коми говоры Верхнего Прикамья вошла русская лексика и закрепилась в них. Аналогичный процесс шел и в русском языке: коми слова проникали в русские диалекты и оставались в них. Пришло из коми языка слово *быгать* — сохнуть на морозе, на ветру, затем появился новый глагол с русской приставкой — *выбыгать*: «Рубахи давно уж быгают; теперь, поди, уж и выбыгали». Появилось существительное *быган* — склон горы, постоянно обдуваемый холодным ветром: «Быган на угоре, тут все выбыгат, снег сдуват, хлеб тут плохо родится».

Из коми говоров в русские пришло слово *дзюлёк* — желудок птицы или рыбы: «Дзюлёк у

---

[85] Червчатый — красный.

птицы — это желудок. Там в дзюльке галечки перетирают пищу», а также *джулёк:* «У птицы еще зоб есть. Она в этот зоб набирает пищу. Перерабатывает джулёк пищу. Джулёк только у птицы, у рыбы». В коми диалектах *дзуль* — водянистый пузырь.

На основе коми слов возникали русские диалектизмы *дзярскать* и *джарскать* — издавать крик («Курица дзярскат», «Кошки собрались, ревут на разные голоса, джарскают»), *дзяс, джас* — гуща («Наливают жидко, а внизу гуща, это дзярсом зовут»).

Немало таких слов среди географических терминов, называющих какое-либо место, урочище: *ворга* — тропа в лесу, *гуран* — яма, овраг, *октас* — место в лесу, расчищенное от деревьев, *рочи* — заливные луга, *чурк, чурок* — гора, скала.

Иногда в русских говорах заимствованные из коми языка слова живут с разными значениями. Например, существительное *челпан* известно в коми говорах и в русских диалектах как название небольшого круглого каравая — хлеба из ржаной муки. В памятниках Прикамья XVII в. есть отрывки с ним: «Несла она челпан хлеба», «Взяла топор, два челпана хлеба». Но в русских говорах заимствование *челпан* приобретает новый смысл. По аналогии с формой каравая словом *челпан* начинают называть гору: «Челпан — гора высокая, там на челпане во все стороны отвесы», «Вот это местечко повыше, похоже на круглый каравай хлеба, челпан называется». Употребляли в русских говорах это слово и в переносном значении как прозвище толстого человека. Оно легло в основу фамилии Челпанов, известной в Прикамье.

В русских памятниках края XVII в. отмеча-

ются и коми-пермяцкие слова (*сорд* — роща, *позмог* — сырое топкое место у реки, *пелькиши* — серьги), и некоторые тюркские слова, употреблявшиеся именно в Прикамье (*киндереки* — вид обуви, *кашпол* и *тастар* — женские головные уборы). Некоторые заимствования исчезли из русских говоров, вытесненные другими словами, но многие сохранились и живут до сих пор как диалектные слова.

Существует и еще одна возможность появления диалектизмов в говорах. Были в русском языке слова, которые употреблялись всеми жителями России, т. е. общерусская лексика. Затем по каким-то причинам некоторые из таких слов исчезали как общерусские, но задерживались в отдельных говорах, становились местными, диалектными. Использовали, например, в русском языке как название мехового воротника шубы слово *ожерелок,* однокоренное к «ожерелье». Если обратиться к глубокой истории этих слов, то можно установить, что они были родственны слову *горло.* В корнях их было чередование звуков *О* и *Е* (в праславянском языке они были особого качества — краткие), а звук *Г* перед *Е* в праславянском языке обязательно переходил в *Ж*. Есть свидетельства такого перехода *Г* в *Ж* и в других словах. Сохраняется в некоторых говорах старое название изжоги — *изгáга.* Но в других говорах в корне появился гласный звук *Е* после *Г* и возникло слово *изжега,* которое затем изменилось в *изжога.* Оно-то и попало в литературный язык. Есть и другие случаи чередования *Г* и *Ж* в родственных словах: *друг* — дружеский, *враг* — вражеский.

В результате чередования гласных (*О* и *Е*) и согласных (*Г* и *Ж*) появились два близких по смыслу слова *горло* и *жерло.* Что такое *жерло?*

По существу, то же, что и горло, — узкое глубокое отверстие: жерло вулкана — «горло» вулкана. Значит, *ожерелок* — это то, что расположено вокруг горла, вокруг шеи (на значение *вокруг* указывает приставка *о-*). Слово *ожерелок* находим в пермских памятниках XVII — начала XVIII в., в которых его синоним — *воротник* — еще отсутствует: «Шуба овчинная, простая, ожерелок бобровой», «Шуба под кумачом красным, ожерелок бобровой», «Шуба под крашениной овчинная, ожерелок бобровой». В XVII в. в деловых актах некоторых территорий уже появилось пришедшее из разговорной речи слово *воротник* (называющее то, что расположено у ворота одежды) и постепенно вытесняющее синоним *ожерелок* из общерусской лексики. Слово *ожерелок*, сохраняясь кое-где, помогает изучать историю русского языка, его лексики.

Интересна судьба в Прикамье и других старых и новых слов — синонимов. В разных районах Пермской области сохраняется в живой речи слово *орать* — пахать, известное еще в Древней Руси и широко распространенное в говорах русского Севера. В пермских памятниках XVI — начала XVIII в. есть множество отрывков, в которых используется глагол *орать* и родственные ему слова *зорать, взорать, разорать, выорать, проорать, оранье, зоранье, зораный, взораный*: «Он же, Иван, зорал переезд[86] сороковой земли», «В той засеке взорал по смете переезда с три», «На ту весну на том месте сохою разорати», «Выорали земли переезда с три», «Межу сохою не переарывати».

Слова эти были очень актуальны, употребительны. Многие из них дошли до нашего време-

[86] Переезд — мера вспахиваемой земли.

ни. В диалектологических экспедициях нередко записывают эту лексику: «Молодежь часто говорит: пахать, а мы по старинке óрем», «Ноне всё пашут тракторами, а раньше орали сохой», «Оранина подготовлена, сеять надо», «Пашню спашут, вот и оранина».

Орали деревянной сохой или ралом, на которые надевали металлические сошники, или ральники. Ими надрезали, вспахивали землю. Слова *рало, ральники* возникли от того же корня, что и *орать, оранина.* По былинам и другим произведениям фольклора известно, что и пахаря звали *ратай, оратаюшко* — словами того же корня *ра.*

По памятникам Прикамья XVII в. хорошо просматривается, как на смену старым, устоявшимся, имевшим длительную традицию употребления словам *орать* и однокоренным пришли глагол *пахать* и родственные ему слова: «Служим и пашенные земли пашем», «Пустошь, что пахивал Василий Рязанов», «Огонь палил на своей пашне», «Досталось мне на Кыштымовском мысу пахотной земли треть».

Слово *пахать,* как показывают исследования лингвистов, тоже известно с древней, еще праславянской поры. Но основное его значение было иным — *делать, производить.* Параллели к нему есть в других славянских языках: в чешском pachati — делать, учинять, в словацком pachat — совершать, производить. В различных русских говорах на основе очень общего смысла «делать» начинают развиваться новые, более конкретные значения: «взрыхлять землю», «возделывать какую-либо сельскохозяйственную культуру», «готовить», «резать хлеб», «мести пол», «идти», «размахивать», «полыхать». Многие из них отражены в различных русских памятниках

письменности: «Из тучи выступили кровавые оболока, а из них пашут[87] синие молнии», «Метлов куплено кельи пахать[88] на две денги».

В некоторых северно-русских диалектах до настоящего времени сохраняются значения «резать хлеб», «мести пол», а в общерусском просторечии глагол *пахать* иногда употребляют в значении «работать, много работать».

Смысл «обрабатывать, взрыхлять землю» развился, видимо, в южнорусских и центральных говорах. В таком значении слово *пахать* попадает из них в деловой язык, в частности в центральные акты, в документы, утверждается в них и распространяется с их помощью на разные территории России XVII в. Начинает использоваться под влиянием центральных документов слово *пахать* и в местной письменности. Однако оно не сразу совпало по смыслу с глаголом *орать* — вспахивать землю — и стало его вытеснять. Сначала глагол *пахать* имел более общее значение — возделывать хлеб вообще. Из этого общего смысла еще должно было выделиться значение «вспахивать». Этот процесс был долгим, но, начиная с XVII в., он активно шел в разговорной речи Прикамья.

Памятники свидетельствуют о том, что глагол *пахать* и однокоренные слова не только появились в официальном языке, но и долго употреблялись в официальных оборотах и как термины делового языка. Оборот *пашню пахать* значил «заниматься хлебопашеством, неся государево тягло (платя налог)»: «Освобождено ему, Ивану, на своей даной и на купленой земли двор поставить и пашню пахать» («возделывать землю

---

[87] Пашут — полыхают.
[88] Пахать — мести.

и платить за это налог»). Оборот *пашенный крестьянин* называл человека, имеющего земельный надел, занимающегося хлебопашеством и платящего налог: «Пашня посадских пашенных крестьян в городских полях»; *непашенный крестьянин* — человека, не имеющего земельного надела: «400 дворов пашенных и непашенных крестьян». Двор непашенного крестьянина официально назывался *беспашенным:* «112 дворов пашенных крестьян да двор беспашенной». Сложились такие официальные термины, как *пахота, припашка, недопашка. Недопашкой* называли нарушение договора о выращивании хлеба («Третий столбец[89] переписан вновь в хлебной недопашке») и штраф за нарушение такого договора («Пахать де ему, Еремке, было не на чем, и недопашки де ему, истцу, взять не доведется»).

Слово *пашенный* встречается также в памятниках в выражении *пашенный лес* — лес, выделенный для разработки: заготовки дров, выгона скота, устройства отдельных участков пашен. В писцовых книгах о таком лесе писали: «Меж теми ручьями лесу пашенного и непашенного».

Однако постепенно значение глагола *пахать* сужается: от общего — заниматься хлебопашеством к частному — возделывать землю и к еще более частному — готовить землю под посев, вспахивать. Во второй половине XVII в. в пермских памятниках встречается глагол в суженном значении, что отразилось и на однокоренных словах: «Обрал де у него, Еремки, он, истец, лошади и коровы, и пахать де ему, Еремке, было не на чем» (здесь *пахать* — вспахивать, орать), «Ездил в поле для пахания», «Третью лошадь да-

---

[89] Столбец — длинная узкая полоса бумаги, на которой поперек писали текст документа.

вать к пахоте ему, Ивану», «Чертежною распаханною землею владеть мне». В этих отрывках документов слова *пахать, пахание, пахота, спаханный, распаханный* связаны со значением «взрыхлять землю под посев, вспахивать», а не с общим значением «возделывать хлеб».

На этом примере столкновения старых и новых слов, которое по сохранившимся памятникам пермской письменности можно наблюдать на протяжении столетий, видно, что взаимодействие синонимов идет в результате воздействия речи людей, приезжавших из центра России, и официального делового языка на речь местных жителей Прикамья, либо выросших здесь, либо приехавших сюда с русского Севера. Лучше это взаимодействие ощущалось в городах, потому что среди горожан было больше людей грамотных, связанных с делопроизводством, знакомых с центральными текстами, слышавших речь людей из разных мест, из центра России. В меньшей степени оно обнаруживается в деревнях, и потому именно в сельских говорах столь долгое время сохраняется старая лексика: *орать, оранина, ораный* и т. д.

Итак, причины появления диалектизмов в Прикамье были различными, но все вместе они вызвали к жизни большое количество слов, характерных лишь для говоров, употребляющихся не на всей территории России. Памятники письменности и говоры хранят память о тех процессах в языке, которые приводили к появлению диалектизмов в русских говорах Пермской области.

* * *

Послесловие

Слова живой речи Прикамья, которые можно услышать в сельских говорах и городском просторечии и которые удалось найти в пермских памятниках делового письма XVI—XVIII вв., дают возможность многое понять и в самом языке, и в прошлом края, где он звучит, увидеть, как складывались местные слова, какими были их источники, как они жили и развивались. На лексике разговорной речи виден отпечаток времени и условий жизни в Прикамье, особенностей быта, нравов, обычаев. Она отражает постоянные связи людей разных национальностей, живших и живущих здесь, и взаимодействие русских и нерусских говоров на обширной территории Западного Урала, позволяет уточнять историю, археологию, этнографию, географию Прикамья, дает возможность изучать многие вопросы истории русского языка, его словаря.

История лексики русского языка, или русская историческая лексикология, пока не разработана, не написана. Ее еще только предстоит создавать, и в этой истории должна занять достойное место история русской лексики Пермского края. Работа над историей русского языка, историей слов напоминает детектив. Для того чтобы установить, как слово возникло, как оно развивалось, изменялось, почему вытесняло другие, как сохранилось до нашего времени, надо выявить обширный материал — провести своего рода следствие: изучить данные различных языков и эпох, выявить, где и как оно употребля-

лось в прошлом, как употребляется в различных стилях сейчас. Чем больше фактов о слове будет собрано, тем точнее окажутся выводы о его истории.

Разгадка истории слова — результат обобщения материалов, собранных, полученных людьми в разные времена. Каждый человек может внести свой вклад в историческую лексикологию русского языка. Собирайте названия! Записывайте их![90] Пусть ничто из ценностей уходящих говоров не пропадет для науки, для пермского краеведения, для потомков. Пусть в исторической лексикологии русского языка отчетливо прозвучат говоры, памятники письменности и речь жителей городов Прикамья!

---

[90] Желающие собирать, записывать данные языка в своей местности могут обратиться за консультацией в лабораторию «Лингвистическое краеведение Прикамья» по адресу: 614600, Пермь, ГСП, ул. Букирева, 15, Пермский университет, филологический факультет.

Что читать о пермской лексике

Альбинская Л. А., Альбинский В. А. Древнерусские музыкальные инструменты и их наименования в народно-поэтической и народно-бытовой речи Прикамья (гудок и гудочек) // Живое слово в русской речи Прикамья. — Пермь, 1985.

Альбинский В. А. Древнерусский музыкальный термин «возгудать» в современных уральских говорах // Живое слово в русской речи Прикамья. — Пермь, 1979.

Альбинский В. А. К вопросу о древнерусской музыкальной терминологии в территориальных говорах Подвинья и Прикамья и творческом наследии Б. В. Шергина // Литературный язык и народная речь. — Пермь, 1986.

Архипова Н. Ю. Слово «варежка» в речи жителей Пермского региона // Живое слово в русской речи Прикамья. — Пермь, 1982.

Беляева О. П. Из наблюдений над местными географическими терминами // Вопросы русского языка и методики его преподавания. — Пермь, 1966.

Богословская О. И. Язык фольклора и диалект // Живое слово в русской речи Прикамья. — Пермь, 1974. — Вып. 4.

Борисова А. Н., Грузберг Л. А., Шварц А. П. Хрестоматия говоров Пермской области: Пособие по курсу русской диалектологии для студентов-заочников. — Пермь, 1976.

Вылежнев Ю. Г. и др. Роль географических терминов в формировании топонимии юга Пермской области и сопредельных территорий // Местные географические термины. — М., 1970.

Горбунова А. А. Из наблюдений над бытовой лексикой рукописных памятников XVII века // Вопросы русского языка и методики его преподавания. — Пермь, 1966.

Горбунова А. А. Из наблюдений над сельскохозяйственной лексикой соликамских грамот XVII века // Русский язык и методика его преподавания. — Пермь, 1967.

Горбунова А. А. Некоторые наблюдения над языком соликамских грамот XVII века // Ученые записки Казанского университета. — Казань, 1959. — Т. 119, кн. 5.

Грузберг А. А. Новые слова в народной речи // Литературный язык и народная речь. — Пермь, 1984.

Грузберг А. А. Слова древнерусского языка в лексике пермских говоров // Живое слово в русской речи Прикамья. — Пермь, 1972. — Вып. 3.

Грузберг А. А. Слова древнерусского языка в лексике пермских говоров: Статья вторая // Живое слово в русской речи Прикамья. — Пермь, 1976.

Грузберг Л. А. Лексика обращений в народноразговорной речи // Живое слово в русской речи Прикамья. — Пермь, 1974. — Вып. 4.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — М., 1955.

Дерягина З. С. «Верх» и его производные в северорусской географической терминологии // Топонимия Урала и Севера европейской части СССР. — Свердловск, 1985.

Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». — СПб, 1859.

Ерофеева Т. И., Шубина Г. А. Диалектная и просторечная лексика в речи горожан // Живое слово в русской речи Прикамья. — Пермь, 1979.

Игушев К. А. Лингвистическое краеведение Прикамья // Лингвистическое краеведение Прикамья. — Пермь, 1976.— Вып. 3.

Кривощеков И. Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. — Пермь, 1914.

Кривощекова-Гантман А. С. Общерусская и общекоми лексика ландшафта в составе топонимии Прикамья // Русский язык и методика его преподавания. — Пермь, 1967.

Кривощекова-Гантман А. С. К проблеме пермской чуди // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. — Пермь, 1974. — Вып. 1.

Кривощекова-Гантман А. С. Откуда эти названия? — Пермь, 1973.

Матвеев А. К. Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь. — Свердловск, 1987.

Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья / Сост. К. Н. Прокошева. — Пермь, 1972.

Мошева А. А. Прилагательные цвета в народном говоре (внутриадъективное словообразование) // Живое слово в русской речи Прикамья. — Пермь, 1974. — Вып. 4.

Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. — М., 1984.

Нестерова С. С. Слово «ласта» в пермских памятни-

ках XVII века и современных говорах // Живое слово в русской речи Прикамья. — Пермь, 1982.

Оборин В. А. Документы XVII — начала XVIII века в рукописных фондах музеев Пермской области (краткий обзор) // Уральский археографический ежегодник за 1972 год. — Пермь, 1974.

Оборин В. А. Русская топонимия писцовых книг Прикамья XVI—XVII вв. // Географические названия Прикамья. — Пермь, 1968.

Оборин В. А. Соотношение легенд о чуди с коми-пермяцкими преданиями и их историческая основа // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. — Пермь, 1974. — Вып. 1.

Опыт областного великорусского словаря. — СПб, 1852.

Палехова М. А. Об использовании пермских ойконимов в изучении диалектной лексики // Живое слово в русской речи Прикамья. — Пермь, 1982.

Подюков И. А. Архаическая фразеология в пермских говорах // Живое слово в русской речи Прикамья. — Пермь, 1985.

Полякова Е. Н. Лексика местных деловых памятников XVII — начала XVIII века и принципы ее изучения. — Пермь, 1979.

Полякова Е. Н. Материалы к словарю географических терминов пермских памятников XVII века. — Пермь, 1972.

Полякова Е. Н. Названия предметов одежды в пермских памятниках XVII — начала XVIII века // Лингвистическое краеведение Прикамья. — Пермь, 1977.

Полякова Е. Н. От «аранны» до «яра»: Русская народная географическая терминология Пермской области. — Пермь, 1988.

Полякова Е. Н. Проблема пермской чуди в лингвистическом аспекте // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. — Пермь, 1974. — Вып. 1.

Полякова Е. Н. Цветообозначения в пермских памятниках XVII — начала XVIII века // Лингвистическое краеведение Прикамья. — Пермь, 1976.

Полякова Е. Н., Новиков В. Ф. Диалектная лексика в чердынских и соликамских памятниках XVII века // Живое слово в русской речи Прикамья. — Пермь, 1972.— Вып. 3.

Потапова Н. П., Попова Н. А. Отражение процессов лексического взаимодействия литературного языка и диалектов в языке газеты // Литературный язык и народная речь. — Пермь, 1981.

Прокошева К. Н. Некоторые особенности семантики

диалектных фразеологизмов // Живое слово в русской речи Прикамья. — Пермь, 1979.

Прокошева К. Н. Очерк афористики Прикамья // Лингвистическое краеведение Прикамья. — Пермь, 1988.

Русские: Историко-этнографический атлас. — М., 1970.

Скитова Ф. Л. Взаимообмен лексическими синонимами между литературным и народным языком // Литературный язык и народная речь. — Пермь, 1984.

Скитова Ф. Л. Пермские областные слова в лексике русского литературного языка: Волокуша // Живое слово в русской речи Прикамья. — Пермь, 1976.

Скитова Ф. Л. Слово «матаня» в словарном запасе жителей Перми. (К вопросу о взаимодействии диалектной и общерусской лексики) // Живое слово в русской речи Прикамья. — Пермь, 1978.

Скитова Ф. Л., Грузберг Л. А. Диалектизмы в произведениях местных писателей как материал для диалектологических исследований // Живое слово в русской речи Прикамья. — Пермь, 1979.

Скитова Ф. Л., Огиенко Е. А. Из наблюдений над словарным запасом одного человека // Живое слово в русской речи Прикамья. — Пермь, 1971. — Вып. 2.

Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области. — Пермь, 1984. — Т. 1. 3- 1995

Словарь говоров Соликамского района Пермской области / Сост. О. П. Беляева. — Пермь, 1973.

Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 вып. — Свердловск, 1964—1988.

Словарь русских народных говоров: В 22 вып. — М.; Л., 1965—1988.

Словарь русского языка XI—XVII вв.: В 14 вып. — М., 1975—1989.

Спасский Г. Чердынские юридические памятники с 1606 по 1718 год // Временник Московского общества истории и древностей Российских — М., 1857. — Кн. 25.

Старцева С. А. Краткий словник для областного словаря русских говоров Пермской области. — Пермь, 1962.

Таскаева Л. А. Тельмографическая терминология в русских говорах Среднего Урала // Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой. — Свердловск, 1976.

Теплоухов В. О фамилиях и географических названиях бывших Кунгурского, Красноуфимского и Осинского уездов // Кунгурско-Красноуфимский край. — 1925. — № 11—12.

Титов А. А. Кунгурские акты XVII века (1668—1699). — СПб., 1888.

Трошева Т. Б. К истории слов «веревка» и «ужище» // Живое слово в русской речи Прикамья. — Пермь, 1982.

Федорова К. А. Чайник вскипел или скипел // Живое слово в русской речи Прикамья. — Пермь, 1976.

Чупин Н. К. Географический и статистический словарь Пермской губернии: В 2 т. — Пермь, 1873—1887.

Шварц А. П. Лексическая система наречий в говоре деревни Акчим Красновишерского района Пермской области // Вопросы русского и славянского языкознания. — Пермь, 1965.

Шенников А. А. О значении термина «вежа» // Культура средневековой Руси. — Л., 1974.

Шишонко В. Пермская летопись: 5 периодов. — Пермь, 1880—1889.

Щербакова Л. Е. Лексика снега в говорах Урала // Живое слово в русской речи Прикамья. — Пермь, 1982.

Щербакова Л. Е. Слова «гололед», «гололедица», «ожеледь» в русской научной терминологии и разговорной речи // Живое слово в русской речи Прикамья. — Пермь, 1978.

Щербакова Л. Е. Элементы лексики прошлого в говорах русского языка (древнерусская метеорологическая лексика и пермские говоры) // Живое слово в русской речи Прикамья. — Пермь, 1979.

Список рассмотренных в книге слов из пермских памятников письменности и говоров

☆

---

* № страниц книги, на которых рассмотрено слово.

** В форме множественного числа даются слова, употребляющиеся в речи, как правило, в этой форме (включая названия парных предметов).

Оглавление

Краеведческое издание

Елена Николаевна Полякова

ПАМЯТЬ ЯЗЫКА

Рассказы о лексике пермских памятников письменности и говоров

Редактор *С. Осипова*
Художник *А. Филиппов*
Художественный редактор *С. Можаева*
Технический редактор *Г. Пантелеева*
Корректоры *З. Селюк, Г. Борсук*

ИБ № 2059

Сдано в набор 26.09.90. Подписано в печать 28.02.91. Формат 70×90[1]/32. Бум. офсетная кн.-журн. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,60. Усл. кр.-отт. 7,8. Уч.-изд. л. 7,949. Тираж 2000 экз. Заказ № 555. Цена 60 к.
Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Полякова Е. Н.

П 54 Память языка: Рассказы о лексике пермских памятников письменности и говоров. — Пермь: Кн. изд-во, 1991. — 206 с.

ISBN 5-7625-0199-X

В книге рассматривается происхождение забытых и диалектных слов.

П $\frac{4602020400-32}{М152(03)-91}$ Без объявл. **ББК 81—3**